

БЕЗДОННАЯ ПУСТОТА

» [VK.COM/KN_BOOKS](http://vk.com/kn_books) «

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

АВРОРА РОУЗ РЕЙНОЛЬДС

Момент, когда все меняется. Момент, когда жизнь уже перестает быть прежней. Момент, когда ты любишь кого-то больше, чем себя.

Для нас этот момент наступил, когда мы отдали нашего мальчика на усыновление. В этот момент я лишилась всего.

Осталась только бездонная пустота, которую никому и никогда не заполнить.

Наступают моменты, которые определяют вас как личность, моменты, которые доказывают, насколько вы сильны, моменты, когда вы заставляете себя продолжать идти вперед, в то время как все, что вам на самом деле хочется — это сдать. И в один из таких моментов, я протянула руку и обнаружила, что его рука тянется ко мне навстречу.

Пятнадцать лет назад Шелби Колдер покинула родной город на Аляске и никогда больше не планировала возвращаться. Но после смерти бабушки и сокрушительного развода, она надеется, что приезд домой станет новым началом для нее и ее десятилетнего сына.

Зак Уоттерс много ошибался в своей жизни. Но лишь взглянув на Шелби Колдер, стоящую у дома своего детства и выглядящую красивее, чем когда-то, он обещает себе, что не повторит свою ошибку, не отпустит эту женщину.

Некоторые вещи никогда не меняются, и любовь — одна из них.

Серия: Падающие звезды #2 (про разных героев)

Переводчик: Алла Х.

Редакторы: Марина М., Анна Б.

Вычитка и оформление: Анна Л.

Обложка: Алёна К.

Специально для группы: К.N ★ Переводы книг

(vk.com/kn_books)

Посвящение

Двум людям, которые приняли одно из самых трудных решений в своей жизни.

Наши сердца полны благодаря вам.

Наши дни прекрасны благодаря вам.

Усыновление/удочерение не носит односторонний характер, оно касается не только пары, которой отдают ребенка.

Требуется очень много сил, чтобы довести процесс усыновления до конца.

Как прекрасно, когда человек выбирает дар жизни, даже если при этом проходит через нечто душераздирающее и часто вызывающее неодобрение.

Сколько мужества нужно иметь, чтобы сказать: «Я так сильно люблю своего ребенка, что хочу дать ему/ей лучшую жизнь, чем могу обеспечить в данный момент»?

Это и есть любовь.

Это и есть определение любви.

Любить кого-то больше, чем ты любишь себя.

ПРОЛОГ

— А сейчас ты должна отпустить его. — Кэтлин мягко кладет руку мне на плечо. Мотая

головой из стороны в сторону, чувствую, как горло сжимается, и боль — мучительная боль — пронзает меня. — Понимаю, это тяжело, — ласково говорит она.

— Нет, ты не понимаешь, — выдыхаю я, слезы текут по щекам, и я прижимаюсь губами к гладкому лобку своего малыша.

— Шелби, детка, — говорит Зак, ловя мой пристальный взгляд, обходит кровать и приближается ко мне. — Мы ведь договорились. Это лучшее, что мы можем ему дать.

С трудом сглатывая, преодолеваю нарастающую изнутри боль, делаю глубокий прерывистый вдох и закрываю глаза.

— Я ненавижу тебя, — шепчу, сильно зажмурившись.

Открываю глаза, снова встречаясь взглядом с Заком. Понятия не имею, как можно одновременно сильно любить и ненавидеть, но обе эти эмоции переполняют меня, пока я держу на руках своего сына.

— Ты это не серьезно. — Боль в голосе Зака разрывает меня на части еще немного, и я откидываю голову назад, закрывая глаза, желая забыться.

— Шелби, — настойчиво зовет Кэтлин, и мои веки открываются.

— Могу я побыть с ним минутку наедине, прежде чем ты его заберешь? — умоляю я, глядя на нее снизу вверх.

— Конечно, — мягко соглашается она, касаясь моего плеча и нежно сжимая, а потом выходит из палаты.

— Я хочу побыть с ним наедине, Зак, — шепчу я, даже не глядя в сторону, где Зак все еще стоит возле койки.

Мужчина на мгновение замирает. Интересно, слышал ли он меня вообще?

— Он и мой сын тоже, — возражает Зак, от его слов внутри меня подниматься горечь.

— Да, хорошо, сможешь попроситься с ним после меня, — отвечаю безразличным тоном.

— Я люблю тебя, Шел.

Ощущение губ на моей макушке вызывает новую волну слез, а потом я слышу звук удаляющихся шагов, уносящих Зака все дальше от меня. Наконец, дверь открывается и быстро закрывается, оставляя нас одних.

Прерывисто вдыхая и медленно выдыхая, прижимаю палец к подбородку моего мальчика, где виднеется ямочка, идентичная ямочке его отца.

— Если бы все было иначе, если бы я знала, что смогу дать жизнь, которую ты заслуживаешь, я бы никогда тебя не оставила, — плачу я, целуя его в лобик.

Прижимаю крошечное тельце к груди и откидываюсь назад, желая прочувствовать его всего, пока не наступит время отпустить.

Проснувшись, ощущаю тепло, моя рука и нога перекинуты через Зака, ровное биение его сердца любимой мелодией звучит у меня в ушах. Убрав руку с его пресса, опускаю ее на свой теперь уже плоский живот и проглатываю обжигающие горло слезы.

— Все будет хорошо. Клянусь, все будет хорошо, — шепчет Зак мне в макушку, а я утыкаюсь лицом ему в грудь.

Знаю, что он ошибается. Частички меня не хватает. Часть моей души исчезла. Я уже никогда не буду в порядке.

ГЛАВА 1

Шелби

Заглушив мотор, смотрю на двухэтажное строение, которое раньше называла домом.

Оно выглядит таким же, как и когда я уезжала. Темно-синий цвет по-прежнему яркий, сейчас еще ярче на фоне серого неба. Белое крыльцо все так же приветливо, с перил свисают цветы.

Летом мы с бабушкой часами сажали цветы в эти ящики. Она умерла, когда я оканчивала среднюю школу, поэтому стала заботиться о сохранении этой традиции в ее честь. Похоже, в мое отсутствие последние пятнадцать лет эту обязанность взял на себя кто-то другой.

Глядя на яркие дикорастущие цветы, свисающие с боков ящиков, задаюсь вопросом: нанял ли дедушка кого-то, чтобы следить за ними, когда сам переехал во Флориду. Он ни разу не говорил, что ему важны цветы, которые мы сажали. Честно говоря, не помню, чтобы он их даже упоминал. Я и не думала, что он вообще замечал их, но теперь, глядя на распустившиеся бутоны, понимаю, что они все-таки что-то для него значили.

— Мама?

Повернув голову, смотрю на своего сына Хантера и заставляю себя улыбнуться, хотя ноющая боль и сожаление пронзают грудь.

— Прости, милый. Я отвлеклась. Хочешь распаковать вещи сегодня или подождать до завтра, малыш?

Оглядываясь через плечо, он смотрит на коробки и чемоданы, сложенные на заднем сиденье, затем переводит взгляд на меня. Мне ненавистна печаль в его глазах. Ненавистно, что причина его боли — я. Он уже скучает по отцу, не понимая в свои десять лет, почему мы больше не вместе, хотя с момента нашего расставания и развода минуло более двух лет.

— Завтра, — ворчит он, и я чувствую, как боль в груди усиливается.

Он ненавидит меня за то, что перевезла его через всю страну. Подальше от друзей, подальше от всего, что он знал. И я тоже немного ненавижу себя за то, что потерпела неудачу в сохранении своей семьи. Я лишь надеюсь, что этот шаг станет для нас новым началом.

— Завтра, — тихо соглашаюсь я, отстегивая ремень безопасности и открывая дверцу.

Хантер быстро обходит капот фургона, добирается до крыльца и застывает наверху лестницы, устремив взгляд поверх моего плеча. Под дождем, который пропитывает мою одежду, я останавливаюсь и оглядываюсь назад. Не могу поверить, как сильно изменился и разросся город. Когда я покидала эти места, с крыльца бабушкиного и дедушкиного дома открывался вид на широкие просторы. Теперь его загораживают дома, построенные бок о бок через дорогу.

— Здесь всегда идет дождь? — врывается в мои мысли голос Хантера, я поворачиваюсь к нему и медленно поднимаюсь по ступенькам, отмечая, что они прогнили в нескольких местах. Это мне скоро придется исправить.

— Не всегда, но это тропический лес, так что, в какой-то мере, да, — отвечаю я, поднимаясь на крытое крыльцо.

Брови Хантера сходятся над голубыми глазами, делая похожим на отца.

— Это тропический лес? — Он оглядывается вокруг.

— Конечно.

Мне так сильно хочется потянуться и провести пальцем по щеке сына, но держу руку прижатой к боку. Не знаю точно, когда это произошло, но некоторое время назад он перестал нуждаться в моей привязанности. Перестал быть моим маленьким мальчиком.

— Серьезно? — с любопытством спрашивает Хантер, широко раскрыв глаза. — На

тропический лес не похоже.

И он прав; это место не похоже на то, каким всем представляется тропический лес.

— Не очень похоже, но все равно это он. — Я улыбаюсь, и его взгляд скользит по моему лицу, и его выражение теряет любопытство.

Хантер отворачивается и бормочет:

— Неважно.

Прикусив губу, достаю из переднего кармана джинс ключ, который адвокат прислал мне по почте, вставляю его в замочную скважину и поворачиваю. Дверь открывается с громким скрипом, и с пола вздымается пыль. Раздается громкий сигнал тревоги, от которого мы оба подпрыгиваем. Вбежав в дом, лихорадочно ищу панель сигнализации и, наконец, нахожу маленькую белую коробочку у двери на кухне. Открыв панель, смотрю на цифры.

— Какой код? — заткнув уши, Хантер пытается перекричать вой сирены.

— Не знаю, — кричу в ответ, нажимая всевозможные комбинации цифр, которые только приходят в голову, но ни одна из них не срабатывает.

— Код в документах в машине?

— Возможно, — кричу я.

Бегу к двери и вниз по лестнице к фургону. Распахнув заднюю дверцу, отпихиваю три коробки, прежде чем найти нужную. Разорвав пленку, просматриваю содержимое бумаг, присланных адвокатом, в поисках кода, но останавливаюсь и смотрю вверх капота фургона, когда сигнализация замолкает. — Какой был код? — спрашиваю я Хантера, когда он выходит на крыльцо.

— Не знаю. — Он пожимает плечами, оглядываясь через плечо на дом, будто ждет, что сейчас оттуда кто-то выйдет.

Я настораживаюсь.

— Сирена замолчала сама собой? — спрашиваю я, захлопывая дверцу фургона.

Хантер смотрит на меня, качает головой, затем начинает открывать рот, чтобы сказать, но его прерывает глубокий голос.

— Ее выключил я.

Мне требуется сделать вдох, прежде чем понять, кто только что вышел из дома моих бабушки и дедушки. За один вдох каждое мгновение, проведенное с мужчиной, стоящим передо мной, мелькает в моей голове. Две секунды, чтобы почувствовать, как мой мир остановился.

Парень, которого я когда-то знала, исчез. В Заке Уоттерсе больше не осталось ничего от подростка. Его челюсть заострилась, щетина придает суровый вид, подчеркивая полные губы. Темные волосы посеребрила седина, привлекая внимание к выразительным зеленым глазам, которые выглядят так, словно в них заключена тысяча историй. Рубашка в красно-черную клетку туго обтягивает широкие плечи, давая представление о мышцах. Зак все так же красив, как и когда-то, только теперь, когда время превратило его из красивого парня в великолепного мужчину, он стал еще красивее.

Сглотнув, смотрю на сына, затем снова на Зака.

— Спасибо, — шепчу я.

Зак окидывает меня пристальным взглядом и сводит брови.

Не сомневаюсь, я тоже изменилась, но, в отличие от него, время не пошло мне на пользу. За последний год я набрала несколько лишних килограммов, пытаюсь заесть свои чувства. Кожа потеряла сияние юности, а волосы, без визитов в салон каждые два месяца,

отросли у корней.

— Шелби? — спрашивает он, но все, что я могу сделать, это кивнуть, так как из-за сухости во рту потеряла голос. — Господи. — Его глаза округляются, когда он смотрит вниз на Хантера, а затем снова на меня. — Что ты здесь делаешь?

— Мы.. с сыном Хантером, переезжаем, — заикаюсь я, застигнутая врасплох его присутствием. Я не была настолько глупа, чтобы поверить, что не увижу его, когда приеду домой, но убедила себя, что эти встречи будут на моих условиях или, в лучшем случае, эпизодическими.

— Что? — шепчет он, отступая назад и скрещивая руки на груди.

Я игнорирую вопрос и направляюсь обратно к лестнице, спрашивая:

— Ты не мог бы сказать мне код от сигнализации? Уверена, он где-то в бумагах адвоката, но...

Кто-то зовет Зака по имени, и я останавливаюсь и смотрю налево. На крыльце соседнего дома стоит женщина, с которой Зак начал встречаться через несколько месяцев после моего отъезда. Женщина, на которой он женился вскоре после того, как она родила ему близнецов. Женщина, которую я раньше называла подружкой.

Женщина, которую я теперь ненавижу.

Рассеянно слышу, как Зак что-то ей говорит, но тошнота, скрутившая желудок, и покалывающая кожу печаль, заставляют меня быстро подняться по ступенькам, сосредоточившись на том, чтобы не упасть, когда пройду мимо него.

— Забудь про код. Уверена, найду его сама. Спасибо, что отключил сигнализацию, — бормочу я, проходя через дверь.

— Мама.

— Пойдем, милый. Давай осмотримся, а потом нам нужно успеть в магазин.

— Мама, — повторяет Хантер в замешательстве.

Я нацепляю на лицо фальшивую улыбку.

— В пиццерии, мимо которой мы проезжали, подают лучшую пиццу, которую я когда-либо пробовала. Мы могли бы взять ее на ужин.

— Мама.

— Я здесь, милый. — Смеюсь, хотя этот смех как стекло, пробивающее мое горло.

Посмотрев на меня, Хантер, наконец, бормочет:

— Пицца звучит заманчиво. Перед уходом я позвоню папе, скажу, что мы на месте.

— Конечно, — соглашаюсь я, наблюдая, как он достает мобильный и идет на кухню.

Я не хотела, чтобы в его возрасте у него был телефон, но, как и по всем остальным вопросам с его отцом, мы никогда не вели никаких разговоров. Он не спрашивал, что я об этом думаю, просто делал то, что хотел.

— Ты вернулась? — спрашивает Зак у меня за спиной, заставляя мои плечи опуститься вперед, а глаза на мгновение закрыться.

— Да.

Поворачиваюсь к Заку и обхватываю себя руками за талию, чувствуя, как желудок скручивается в узлы. Когда я уезжала из города, мы не ссорились, не кричали друг на друга, не говорили того, о чем однажды пожалеем. Между нами было слишком много боли, чтобы заставить работать то, что от нас осталось, и Зак, понимая то же самое, не противился, когда я рассказала ему о своих планах.

— Ты останешься здесь? — спрашивает он, и я киваю.

Проводя рукой по голове, он переводит взгляд вправо, туда, где несколько мгновений назад стояла Тина, затем поднимает на меня взгляд.

— Код от сигнализации — один, два, три, четыре. Я сказал Пэту сменить его, но ты же знаешь Пэта, — бормочет он, и я киваю, точно зная, каким упрямым был дедушка. Засунув руки в передние карманы джинсов, Зак понижает голос: — Прими мои соболезнования.

— Спасибо. — Я немного крепче сжимаю себя.

Его взгляд опускается на мои руки, находящиеся на талии, и смягчается.

— Если тебе что-нибудь понадобится, я рядом. — Зак кивает в сторону, и мой мир снова останавливается.

— Что? — выдыхаю я.

— Я живу в соседнем доме.

Ладно, может и должна была догадаться об этом, так как там стояла Тина, но я этого нет, а это плохо... очень плохо. Однако я, черт возьми, ничего не могу с этим поделать, если только не захочу погрузить Хантера обратно в фургон и жить за его счет следующий год или около того, что, думаю, не принесет мне одобрения в глазах окружающих.

— Класс, — жалобно шепчу я, не зная, что еще сказать.

Что-то знакомое и нежное проскальзывает в чертах Зака, заставляя живот снова сжаться, но на этот раз так, как я не чувствовала уже долгое время.

— Ну... — делаю паузу, желая, чтобы эта встреча поскорее закончилась. — Еще раз спасибо, что отключил сигнализацию. Хотела бы я, чтобы у нас было время наверстать упущенное, — лгу я, — но мне нужно до закрытия успеть в магазин, а потом еще накормить Хантера. Растущие мальчишки плохо обходятся без еды, — бормочу я, протягивая руку к двери и испытывая сильное желание ее закрыть.

— Конечно. — Зак кивает, затем смотрит через мое плечо в дом. — Приятно было познакомиться, Хантер.

— Мне тоже... — Хантер переводит взгляд с Зака на меня.

— Мистер Уоттерс, дорогой, — бормочу я, отвечая на невысказанный вопрос сына.

Зак подходит и встает рядом со мной с мобильным в руке.

— Мне тоже, мистер Уоттерс.

Зак переводит взгляд на меня, и его лицо снова смягчается.

— Увидимся, Шелби.

— Да, увидимся, — снова вру я, так как с этого момента планирую притворяться, что Зака не существует. Жду, пока он уйдет — хотя и не хочу этого — чтобы закрыть дверь, а затем задерживаюсь на мгновение, пытаюсь осмыслить, что только что произошло.

— Мама, откуда ты его знаешь? — спрашивает Хантер.

— Когда я была моложе, — говорю я, поворачиваясь к нему, — мы дружили. — Затем указываю в сторону лестницы. — Раньше моя комната была на чердаке — это лучшая комната в доме — и, если ты доберешься туда быстрее меня, она твоя.

Шевелю бровями и бросаюсь вверх по лестнице, слыша, как сын, смех которого я не слышала неделями, хихикает, догоняя меня.

— Ух ты, здесь потрясно.

Оглянувшись на Хантера, который входит в комнату с широко распахнутыми глазами, улыбаюсь.

— Я же говорила, это самая крутая комната в доме.

Подростком мне нравилось тусоваться здесь. Огромное пространство со скошенными

потолками и четырьмя большими окнами в крыше было классным местом для времяпрепровождения. Глядя сейчас на сына, который бродит по комнате, вижу в его глазах волнение.

— Как думаешь, я мог бы поставить здесь телескоп? — спрашивает он, глядя через световое окно на затянутое облаками небо.

— Определенно. — Я пихаю сына в плечо, проходя мимо него к стоящему в углу дивану, накрытому простыней, и сдергиваю ее. — Возможно, тебе также захочется сменить обивку на этой штуке, — говорю я, переводя взгляд с дивана в цветочек на его сморщенную мордашку.

— Да. — Он кивает, затем направляется к кровати и сдергивает простыню, покрывающую матрас. — Не могу дождаться, чтобы рассказать об этом папе. Он подумает, что это очень круто, — бормочет он, и я прикусываю язык, чтобы не сказать: «Нет, твой папа, определенно, не подумает, что это круто».

Макс, отец Хантера, вырос в богатой семье. У него никогда не подержанных вещей. Даже когда мы поженились, он настоял, чтобы я продала дом в викторианском стиле, который купила по окончании колледжа, желая вместо него приобрести недавно построенный дом-клише в районе, где жили все его друзья. Вскоре после этого настоял, чтобы я продала всю свою старую мебель, подержанные вещи, которые покупала и ремонтировала на протяжении многих лет. Тогда я была ослеплена надеждой и любовью, поэтому не задумывалась об этом, но со временем постепенно осознала, что стала уже не тем человеком, которым была раньше. Я превратилась в трофейную жену, живущую в показушном доме, и ни один из нас не обладал настоящим характером.

— Мам, — зовет Хантер, выводя меня из размышлений. Я поворачиваюсь к нему и замечаю в его руке стопку фотографий. — Кто это?

— Это моя мама, — тихо говорю я, подходя к сидящему на кровати сыну, а он протягивает фотографию моей мамы и меня. На ней мы сидим на крыльце, обняв друг друга и улыбаясь в камеру.

— Ты похожа на нее, — задумчиво говорит он. — У тебя ее глаза и волосы.

— Думаешь? — Я гляжу на маму, которая, была примерно моего возраста, когда сделали эту фотографию. Она была красивой, с длинными темно-русыми волосами, большими голубыми глазами и улыбкой, освещавшей целый мир.

— Да. — Хантер кивает, затем смотрит на меня и тихо спрашивает: — Ты скучаешь по ней?

— Каждый день. — Я киваю, забирая у него фотографию. — Ее обнимашки были лучше всех.

Я сдержала подступившие к горлу слезы. Мама с папой погибли в авиакатастрофе, когда мне было пятнадцать. Отец был владельцем и пилотом местной маленькой авиакомпании. Он собирался отвезти припасы мужчинам, которые охотились на медведя на одном из островов, и взял маму с собой. На обратном пути погода испортилась, и их самолет потерпел крушение в горах. Никто не выжил. Вот тогда я и переехала к родителям папы.

— А есть фотографии твоего папы?

Я задумываюсь на секунду, пытаюсь вспомнить, говорила ли когда-нибудь с Хантером о своих родителях, спрашивал ли Макс о них, но на ум не приходит ни одного случая.

— Внизу на стене есть несколько. Я тебе покажу. — Слегка наклоняюсь к нему, затем в удивлении замираю, когда он обнимает меня за плечи. — Я люблю тебя, малыш, — шепчу я,

не расстраиваясь, когда он не отвечает, но радуясь, что его рука слегка сжимается.

— Я умираю с голоду, — говорит Хантер и хихикает, когда громкое урчание в его животе нарушает момент, и отпускает меня.

— Мы не можем этого допустить, — смеюсь в ответ, вставая с кровати. — Пойдем к Джо. Надеюсь, пицца все такая же потрясающая. Если нет, тебе придется помучиться, но ее съесть, потому что магазин, наверное, уже закрыт.

— Существует ли на свете плохая пицца?

— Полагаю, мы это выясним, — бормочу я, а затем выхожу из комнаты и спускаюсь по лестнице, беру сумочку и направляюсь к двери.

Когда мы добираемся до пиццерии, я обнаруживаю, что за годы отсутствия ничего не изменилось. Владелец, Джо, пожилой кореец, все еще готовит пиццу в подсобке, а его жена Ким все также стоит за кассой, сплетничая обо всем и всех. Пока мы ждем пиццу, Ким болтает без умолку, рассказывая о местных, включая Зака, который, как она мне сообщает, не просто полицейский, а шериф. Женщина также рассказывает, что Зак одинок. Они с Тиной развелись около девяти лет назад, и Зак получил полную опеку над обоими детьми. Я говорю себе, что мне все равно, что Зак больше не с Тиной, но все же чувствую некоторое облегчение, зная, что не придется видеть их вместе.

— Могу я сегодня спать в своей комнате? — спрашивает Хантер, когда я доедаю третий кусок пиццы и вытираю рот салфеткой.

— Не возражаю, но в доме нужно убраться. Так что, если хочешь спать наверху, мы должны забрать твои вещи из фургона.

— Я их принесу, а потом и все остальное.

— Хочешь разгрузить фургон? — спрашиваю я, совсем не обрадовавшись, что придется таскать вещи наверх по трем лестничным пролетам.

— Да. — Сын снова кивает, забирая половину крышки от коробки из-под пиццы, которую использовал в качестве тарелки и выбрасывая в мусорное ведро.

— Раз хочешь, — соглашаюсь я, сожалея об этих словах спустя час, когда направляюсь за последней коробкой. Руки и ноги устали от непрерывного хождения с багажом вверх по лестнице. В прошлом году я не тренировалась, и сейчас это чувствуется: каждая мышца в теле протестует.

Я останавливаюсь, услышав звук захлопнувшейся двери, и, прижав коробку к груди, смотрю в сторону соседнего дома. По ступенькам спускается красивый светловолосый парень, очень похожий на Зака, а за ним по пятам следует Тина. Пригнувшись, прячусь и наблюдаю, как они садятся в старый пикап, и выхожу из укрытия только тогда, когда отъезжают.

Прожив более пятнадцати лет в раздумьях над усыновлением Сэмюэля, мне должно быть легче видеть детей Зака, но это не так. Я все еще чувствую горечь. Все потому, что дети Зака родились чуть больше, чем через год после Сэмюэля, а это значит, что Тина забеременела вскоре после моего отъезда из города. Так что, Зак не просто начал встречаться с Тиной, но построил с ней семью и завел детей.

Возвращаясь в дом с последней коробкой, думаю, как держаться линии, что определила себе пятнадцать лет назад. Было легко блокировать мысли о Заке, не видя его, но теперь, вернувшись и живя с ним по соседству, будет ли так же легко игнорировать чувства, вызванные мыслями о нем.

Схватив с края кровати одеяло и осторожно балансируя Киндл и бокалом вина в другой руке, открываю раздвижную стеклянную дверь в своей комнате и выхожу на балкон. Сегодня ночью, впервые с тех пор, как мы переехали, не было дождя, и я весь день с нетерпением ждала возможности посидеть под звездами с хорошей книгой. Взяв бокал, делаю глоток, затем перевожу взгляд влево. С задней веранды по соседству доносится рок-музыка, и брезжит свет. Интересно, а есть ли балкон в комнате Зака.

Отгнав эту мысль, включаю Киндл и продолжаю теряться в чем-то «долго и счастливо».

— Шелби.

Я дергаюсь, отчего часть содержимого бокала выплескивается через край и стекает по пальцам. Поворачиваю голову влево, — облокотившись на перила балкона на меня смотрит Зак. В руках стакан, полный темной жидкости, а позади на него льется свет.

— Ты напугал меня до чертиков, — бурчу я, прижимая свободную руку к быстро колотящемуся сердцу.

— Я уже давно здесь стою, — бормочет он, затем делает глоток. — Думал, ты заметишь.

Зак перекачивает стакан между ладоней, пристально глядя на меня, заставляя бороться с желанием поерзать на стуле.

— Когда я погружаюсь в хорошую книгу, мир вокруг меня может рухнуть, и я этого не замечу.

Пожимаю плечами, делая глоток вина, используя момент передышки как предлог, чтобы отвести взгляд, но впервые осознаю, что не знаю мужчину, стоящего напротив. Да, он немного похож на парня, с которым я встречалась много лет назад, но также кажется более напряженным, будто на его плечах лежит вся тяжесть мира. Зак определенно не тот покладистый парень, с которым я встречалась в школе.

— Как вы устраиваетесь?

Вытащив из-под себя ноги, кладу электронную книгу на колени и поворачиваюсь к Заку, поправляя вокруг себя одеяло.

— Потребуется немного времени, чтобы все привести в порядок. Я и не знала, что дедушка был таким барахольщиком. Я выбросила, наверное, около десяти тысяч выпусков «Нэшнл Географик» и сотню пустых коробок и кучей вещей, купленных в рекламе «Магазин на диване».

Я улыбаюсь, когда Зак смеется глубоким рокочущим смехом и наклоняется через перила, отчего очередная клетчатая рубашка — на этот раз желто-голубая — натягивается на его широкой груди.

— Ты ничего не оставила? Сложно угадать, когда может понадобится автоматическая картофелечистка.

— Я думала об этом, но оставь это, и мне некуда было бы поставить обувь, так как все было сложено на полу гардеробной. Все нераспечатанное.

С улыбкой наблюдаю, как Зак коротко ухмыляется, а потом улыбка исчезает, и его глаза перемещаются мимо меня к лесу за домом.

— Я буду скучать по нему. Он уехал из города, и мне будет не хватать наших разговоров, — тихо говорит Зак, затем на мгновение поднимает глаза к небу, и снова встречается со мной взглядом. — Почему ты вернулась? В последний раз, когда я разговаривал с Пэтом, он сказал, что ты планируешь переехать к нему во Флориду.

Эти слова застают меня врасплох — дедушка никогда не говорил, что поддерживал связь с Заком. Но опять же, я никогда не спрашивала. И не должна удивляться их общению, они были близки, когда я жила здесь, и, очевидно, живя по соседству, до переезда дедушки во Флориду. Плюс, Зак — городской шериф. И все же мне по-прежнему кажется странным, что он знает обо мне, в то время как я ничего не знаю о нем.

— Планировала. — Я выдохнула, снова поправляя одеяло на плечах. — Но мне пришлось ждать, пока... — Я замолкаю, не желая говорить о разводе, особенно с Заком. — Потом дедушка скончался, мне нечего было делать во Флориде, поэтому решила вернуться сюда.

— Ты не хотела оставаться в Сиэтле?

— Нет, мне требовалось что-то другое, и узнав, что дедушка оставил мне свой дом, поняла, что мне нужно вернуться сюда, — шепчу я правду.

С тех пор как прочитала завещание и узнала, что этот дом принадлежит мне, и я могу делать с ним все, что заблагорассудится, у меня появилось предчувствие, от которого не могла избавиться. Что-то подталкивало меня вернуться сюда.

— Это хороший город, — бормочет Зак, но выражение его глаз говорит о чем-то, чего я не могу понять.

— Это последнее место, в котором я помню себя по-настоящему счастливой. Надеюсь, смогу сделать его таким для Хантера, — тихо говорю я, и лицо Зака смягчается.

— Он похож на тебя.

Его слова и тон застают меня врасплох, и я немного выпрямляюсь. Никогда бы за миллион лет не подумала, что посреди ночи буду сидеть на дедушкином балконе и разговаривать с Заком о чем-то. Определенно, не о моем сыне.

— Ты бы так не сказал, если бы видел его отца, — честно отвечаю я. — Маленьким он походил на меня, но сейчас уже нет.

— У него твои глаза и улыбка. — Зак делает паузу, отпивая из стакана. — Он кажется хорошим пареньком.

— Он лучший ребенок. — Отпиваю вино, пытаюсь сдержать то, что сейчас чувствую. — Я... кажется, я видела твоего сына. Э-м, на днях. Он похож на тебя. — Как только произношу эти слова, сразу желаю забрать их обратно, потому что не хочу, чтобы Зак думал, что я шпионила за ним.

— Он похож на мать, но у него мой характер, и я не могу решить, хорошо это или плохо. Моя дочь, Обри, с другой стороны, похожа на меня, но милая до глубины души. Откуда у нее эта милота, я, блядь, понятия не имею.

— О.

Прикусываю губу, пытаюсь придумать, что на это сказать. Зак, которого я знала, был хорошим парнем, даже милым. Тина, напротив, вела себя в основном как стерва, и, честно говоря, даже не помню, почему мы дружили. С другой стороны, в детстве у меня не было большого выбора среди подруг. В моем выпускном классе училось пять девочек, и никому из них не нравилась Тина, а значит, никому из них не нравилась я.

— Пойду-ка я в дом, — резко говорит Зак, вставая во весь рост и прерывая мои мысли. — Рано утром мне нужно быть в участке.

— Конечно... э-э-э... спокойной ночи. — По мне ударяет сильное желание сказать что-то, чтобы заставить его остаться, и мне требуются все силы, чтобы держать рот на замке.

— Тебе тоже, Шелби. И будь осторожна, когда будешь здесь читать. В это время ночи

где-то поблизости Луи бродит в поисках еды.

— Луи? — спрашиваю я, наморщив нос. В Кордове никогда раньше не бродили бездомные, и я не могу представить, что это происходит сейчас.

— Луи — черный медведь. Обычно он остается в лесу, но время от времени забредает на веранды.

— О, боже. — Я вскакиваю, оглядываясь в поисках признаков Луи, не понимая, как могла забыть, что здесь водятся медведи, ведь мы на Аляске. — Что смешного? — хмурюсь я, поворачиваясь к Заку, услышав его глубокий смех.

— Это Аляска, детка. Ты жила здесь много лет. И знаешь, что в этих лесах водятся медведи. — Он кивает в сторону деревьев.

«Детка». Почему, ох, почему от этого слова у меня в животе запорхали бабочки?

— Я знаю, но забыла. — Качаю головой и вижу, как выражение его лица снова смягчается.

— Все еще сладкая, как пирог, — кажется, я не слышу эти слова, не уверена, так как голос Зака понизился до низкого рокота, а скорее почувствовала кожей.

— Тогда, я тоже пойду, — выпаливаю я, забирая Киндл и бокал вина. — Спокойной ночи. — И с этими словами, кивнув, возвращаюсь в комнату. Закрыв дверь, запираю ее за собой, затем в спешке ложусь в постель, где еще раз пытаюсь забыть о Заке Уоттерсе.

— Алло? — отвечаю на звонок, все еще в полусне, затем смотрю на часы и отмечаю, что, уже светло, хотя только шесть утра.

— Шелби, я звонил три раза, — говорит мне на ухо Макс, мой бывший муж, и я накрываю голову подушкой с мыслями о том, чтобы задушить себя ею.

— Сейчас только шесть, Макс. Я еще не проснулась, — ворчу я, откидывая одеяло и садясь. — Что случилось?

— Я хочу прилететь к вам на выходные, — заявляет он, и я борюсь с желанием швырнуть телефон через всю комнату или заорать во всю глотку.

— В эти выходные? — уточняю я, потирая лицо. — Мы здесь даже недели не пробыли.

— У меня выдалось несколько выходных, и я хотел бы повидать Хантера.

Я вздыхаю, обдумывая его просьбу.

— Наши вещи доставят через два дня. На следующей неделе я выхожу на новую работу, а у Хантера...

— Ты не будешь прятать от меня моего мальчика, — обрывает он, и по тону я могу сказать, что он злится и, скорее всего, в раздражении дергает свой вездесущий галстук. Обычная реакция на меня.

— Я не говорю, что ты не можешь его видеть, Макс, — уточняю я, жалея, что не выпила чашки кофе перед этим разговором. — Я просто объясняю, что мы пытаемся здесь устроиться. Можешь подождать несколько недель, прежде чем приехать?

— Не носи гребаной чуши. Поверить не могу, что из всех проклятых мест ты переехала на Аляску. В жизни мальчика должен быть отец.

Мое сердце колотится, и я чувствую, как ускоряется пульс. Мы избежали битвы за опеку, но я бы не стала исключать, что, если переступлю черту в глазах Макса, он подаст в суд, чтобы получить опеку над Хантером.

— Макс, — смягчаю голос, направляясь на кухню, — мы же говорили об этом. Ты можешь навещать Хантера в любое время, и через пару лет он сможет прилетать к тебе на

каникулы. — Затем понижаю голос еще. — Мы договорились, что он будет жить со мной до шестнадцати лет. После этого сын сможет выбрать, с кем хочет остаться.

— Я скучаю по вам обоим.

Макс вздыхает, и я закатываю глаза. Знаю, как он «скучает» по мне. С тех пор, как я попросила о разводе, Макс не переставал менять женщин. Насколько знаю, он часто мне изменял. Черт возьми, последний год, который я провела с ним под одной крышей, муж едва достаивал меня взглядом. А когда после расставания мы стали жить в одном городе, от недостатка его внимания начал страдать Хантер. Макс всегда делал, что хотел.

— Макс, пожалуйста, просто подожди еще несколько недель, а потом можешь приехать и остаться настолько, насколько захочешь, — предлагаю я, отчего во рту остается отвратительный привкус. Однако я сделаю все, что в моих силах, чтобы удержать сына, в том числе, буду мириться с его отцом в доме моего детства дольше, чем несколько дней.

— Хорошо, когда?

Закрыв глаза, я шепчу:

— В следующем месяце. Когда захочешь. Просто дай знать, чтобы я не строила планы на Хантера. Здесь есть несколько лагерей, которые его точно заинтересуют.

— Отлично. Где он сейчас? Я звонил ему на мобильный, но он не ответил.

— Хантер спит. Как я уже сказала, здесь сейчас шесть утра, а он допоздна разговаривал по скайпу с друзьями из Сиэтла.

— Ты не должна позволять ему засиживаться так поздно, Шелби, — неодобрительно и, опять же, неудивительно, ругается он.

— Сейчас лето, Макс, и его «поздно» — десять вечера, а не три утра, — бормочу я, удивляясь, как, черт возьми, терпела этого мужчину столько лет. — Я попрошу его позвонить тебе, когда он встанет.

— Не говори, что я приеду. Хочу сказать ему сам.

— Договорились, — бурчу я, глядя на кофеварку и умоляя ее поторопиться.

— Поговорим позже.

— Поговорим позже, — соглашаюсь, кладя телефон на стойку.

Наполнив чашку кофе, выхожу на заднюю веранду и пью, купаясь в лучах утреннего солнца.

ГЛАВА 2

Шелби

Прислонившись к стойке, вписываю еще несколько пунктов в список, и замираю, наблюдая, как Хантер в мятой футболке и спортивных штанах, спотыкаясь, входит в кухню.

— Хорошо спал? — спрашиваю с улыбкой.

Хантер плюхается на один из стульев в столовой и кладет голову на стол. Он, должно быть, устал. Вчера прибыли остальные вещи, так что большую часть дня мы провели, растаскивая коробки по дому и распаковывая их. А перед этим я потратила два дня на уборку и сдала вещи в местный благотворительный магазин.

— Да, — бормочет он в стол, вызывая у меня улыбку.

— Милый, тебе следовало поспать еще.

— Я не люблю спать.

Сын выпрямляется, зевая, а я борюсь с желанием закатить глаза. Знаю, что он наслаждается сном так же сильно, как и я, но его отец с детства вбил ему в голову, что сон — это занятие для ленивых.

Когда наши отношения с Максом только начинались, он вечно подшучивал над тем, как мне нравилось спать. Однако через некоторое время эта моя привычка, как и многие другие, стала еще одной мелочью, которая его раздражала. Он больше не считал это милым или любимым, и поверьте, к концу отношений список того, что Макс больше не нравилось во мне, стал достаточно длинным.

— Хочешь, приготовлю тебе что-нибудь на завтрак?

— Я поем хлопья, — отвечает сын, вставая из-за стола и направляясь к холодильнику за молоком.

— Когда закончишь, отправимся в город за лицензиями на рыбалку и удочками, а потом где-нибудь пообедаем. Мы поедем на то место, куда дедушка брал меня на рыбалку.

— Серьезно? — спрашивает Хантер с сияющим лицом, пока насыпает абсурдное количество сладких хлопьев в миску с молоком.

— Конечно.

Я улыбаюсь, а затем съезживаюсь, когда раздается звонок в дверь, и ужасный звук разносится по дому.

— Наверное его нужно поменять, — бурчу себе под нос, и сын смеется, ошеломляя меня этим беззаботным звуком.

Вместо того чтобы сделать то, чего мне хочется больше всего — наклониться и обнять или просто к нему прикоснуться, — я слегка ему улыбаюсь и с улыбкой направляюсь к двери.

Отношения между нами становятся с каждым днем лучше. То ли потому, что Хантер не чувствует, что ему не нужно выбирать между отцом и мной, то ли потому, что здесь он ощущает себя более спокойно. Какова бы ни была причина, я ее приму.

Распахиваю дверь, и сердцебиение ускоряется, когда мои глаза встречаются с глазами Зака. С той ночи на балконе я мельком видела его в городе, и как он входил или выходил из своего дома, но больше мы не разговаривали.

— Привет.

Я прислоняюсь к дверному косяку, гадая, что он здесь делает в такую рань. Похоже, Зак только что из душа, его темные волосы все еще мокрые. Щетина, несколько дней назад покрывавшая челюсть, исчезла, и я задаюсь вопросом, нравится ли он мне больше с растительностью на лице или без. Сегодня вместо клетчатой рубашки на нем хенли с длинными рукавами того же зеленого цвета, что и его глаза.

— Корнил оставил это Обри вчера.

Зак кивает на большую коробку в руках, затем шагает вперед, заставляя меня отступить в дом. Я наблюдаю, как он направляется в гостиную возле входной двери, и ставит коробку на кофейный столик, а тот дребезжит под ее тяжестью.

— Спасибо, что принес.

Чувствую на коже жар, когда Зак поворачивается ко мне и медленно скользит взглядом по моему телу, заставляя осознать, что я только в тонкой маечке и очень коротких пижамных шортах.

— Привет, мистер Уоттерс.

Зак переводит взгляд на Хантера, и напряженность, наполнявшая его глаза несколько мгновений назад, исчезает, и он улыбается.

— Привет, малыш. Зови меня просто Зак. Как обустроиваешься?

— Хорошо, у меня самая классная комната, и мы с мамой сегодня собираемся на

рыбалку.

— О, правда? — спрашивает Зак, глядя на меня с приподнятой бровью, вероятно, помня, что раньше я ненавидела рыбалку.

— Хочу отвезти в то место, куда меня возил дедушка, — тихо признаюсь я, чувствуя, как пылают щеки. Это то же самое место, где мы с Заком часами зависали летом, сидя на задней двери его старого пикапа с удочками в воде и целуясь.

— Знаю, что, уезжая, Пэт забрал свои удочки с собой, если хотите, у меня есть несколько, могу одолжить.

— Не нужно.

Качаю головой, понимая, что, если одолжить их у Зака сегодня, нам придется увидаться снова, чтобы их вернуть, а я и так еле справляюсь, когда он рядом. И, полагаю, что уже достигла своего предела.

— Это пустяки, Шел.

— Да, мам, это пустяки, — соглашается Хантер возле меня, но мои мысли полностью сосредоточены на Заке и том, что он назвал меня «Шел». — Мам. — Хантер толкает меня в плечо, и мои глаза обращаются к нему.

— Да?.. — Я прикусываю губу, размышляя, как выпутаться из этого, не показавшись грубой.

— Хотите пойти с нами? — спрашивает Хантер, обращаясь к Заку, и мои глаза округляются.

— Уверена, Зак сегодня занят, дорогой, — быстро вмешиваюсь, глядя на Зака и молясь, чтобы у меня внезапно появилась способность управлять разумом. Ни за что не смогу провести с ним весь день.

— Напротив. — Он улыбается, удерживая мой пристальный взгляд, и мое сердце замирает.

Дерьмо.

— Я только соберу детей. Можем взять мою лодку. Им, наверное, понравится провести на воде несколько часов.

— На лодке? — выдыхает Хантер с волнением маленького мальчика, и мне так сильно хочется закрыть лицо руками и закричать во всю глотку, что это не произойдет.

— На лодке, — подтверждает Зак, не сводя глаз с Хантера.

— Да, черт возьми! — кричит Хантер, вскидывая руки в воздух и прыгая по комнате.

— Встретимся на улице через час. Столько уйдет на то, чтобы вытащить Обри и Стивена из постели. — Зак улыбается и взъерошивает волосы Хантера, направляясь к входной двери.

— Пойду собираться! — кричит Хантер, выбегая из комнаты.

А я остаюсь в гостиной, слушая, как за Заком закрывается дверь, а сын поднимается по лестнице.

Откинув голову назад, смотрю в потолок и закрываю глаза, молясь, чтобы в меня ударила молния. Ничего не происходит, я сдаюсь и направляюсь в свою комнату собираться. Вытащив почти всю одежду из шкафа, останавливаюсь на кроссовках, потертых джинсах, которые были мне слишком малы, но теперь сидят комфортно, теплом светло-сером свитере и тонком черном тренче.

Собираясь, твердила себе, что совершенно не имеет значения, во что я одета и покрашены ли у меня ресницы. Это всего лишь рыбалка. Хотя и не могла избавиться от

мысли, что хочу произвести хорошее впечатление на детей Зака. Лишь от мысли о встрече с ними, у меня вспотели руки, а желудок скрутило узлом. Seriously, не представляю, смогу ли взять себя в руки при нашей встрече, зная, кто их мать и кем был Зак для меня раньше.

— Мам, ты готова? — кричит Хантер, врываясь в мои мысли, когда я застегиваю тренч.

— Уже иду. Надеюсь, ты тепло оделся. На воде может быть холодно, — кричу я в ответ, затыкая волосы в хвост и выходя из комнаты.

— Так достаточно тепло? — спрашивает Хантер, когда я появляюсь на кухне, где он, одетый в толстовку и джинсы, доедает оставленные хлопья.

— Да, но на всякий случайхвати куртку, — указываю я, и сын закатывает глаза, словно подросток, а не маленький мальчик.

Поставив миску в раковину, он бормочет:

— Я за ней. — Убегает и возвращается мгновение спустя весь запыхавшийся, с курткой в руке. — Готова? — снова спрашивает сын, и я с улыбкой качаю головой.

— Пойдем. — Машу рукой, следуя за ним из дома, и спускаюсь по ступенькам.

Зак с детьми, окруженные удочками и коробками со снастями, ждут рядом с большим красным четырехдверным пикапом. Как только Зак замечает нас, его глаза скользят по мне, а уголки губ приподнимаются в улыбке.

— Обри, Стивен, это Шелби и ее сын Хантер, — представляет нас Зак и приобнимает детей за плечи, как только мы оказываемся рядом.

— Приятно познакомиться.

Я улыбаюсь или пытаюсь улыбнуться, разглядывая их. Не могу не задаться вопросом, походил бы Сэмюэль на них или на Хантера, когда был того же возраста. Любопытно, подумал ли Зак то же самое, впервые увидев Хантера.

— Привет, — говорит Обри с мягкой улыбкой, она выглядит прекрасной копией своего отца, с длинными темными волосами, светлой кожей и зелеными глазами, которые выделяются на фоне ее бледной кожи.

— Привет, — бормочет Стивен, и теперь, вблизи, я замечаю, как он похож на свою мать. Его светлые волосы немного длинноваты, а в голубых глазах отражается подростковое смятение.

— Залезайте все в грузовик, — распоряжается Зак, и Стивен, прищурив глаза, смотрит на него.

— Я все еще не понимаю, почему мне нельзя пойти на рыбалку с другом, — ворчит он, прислоняясь спиной к грузовику. — Мама сказала, что не против.

— Сегодня не мамин вечер, приятель. Сегодня мой единственный выходной на этой неделе, так что тебе придется отложить планы с другом до следующего раза, — отвечает Зак с предупреждающей ноткой в голосе, пристально глядя на сына.

— Пофиг, — бросает Стивен, фактически игнорируя слова отца, затем отталкивается от грузовика и берет с земли одну из коробок со снастями.

— Следи за своим поведением, — предупреждает Зак, не отрывая глаз от сына, который в ответ качает головой и, не говоря больше ни слова, бредет к задней части грузовика.

— Я говорила ему, чтобы он строил планы с Майком на завтра, — вставляет Обри, и ее отец, кивнув один раз, смотрит на меня.

— Тебе не будет холодно? — спрашивает он.

— Я... думаю, нет, — отвечаю и слышу рядом смешок Хантера.

— Ладно, запрыгивайте. Поедем на моем грузовике.

— Эм... — Я делаю паузу. — Мне еще нужно заехать за лицензиями на рыбалку, мы могли бы встретиться у твоей лодки.

— Мы остановимся и заберем их по дороге, — возражает Зак, и переключает внимание на Хантера. — Давай грузить вещи, малыш.

Прежде чем я успеваю сказать что-то еще, Зак отворачивается, а Хантер следует за ним. Оба начинают загружать наши вещи в кузов, оставляя меня с Обри.

— Не обращайтесь внимания на Стивена, — шепчет она. — Он вечно думает, что папа плохой, но это не так. Мама просто позволяет ему делать все, что он хочет.

— О, — выдыхаю в ответ, не зная, что еще сказать, так как у меня та же проблема с моим бывшим.

— Мама все время так делает. — Обри качает головой, открывает заднюю дверцу, высоко поднимает ногу и забирается в кабину, с улыбкой глядя на меня поверх двери. — Вы можете сесть впереди с папой.

— Отлично.

Улыбаюсь в ответ, изображая счастье, и открываю пассажирскую дверь. Забравшись на сиденье, задаюсь вопросом, как, черт возьми, я оказалась здесь, но не нахожу ответа, даже когда направляюсь рядом с Заком в магазин.

— Тебе нужна лицензия на год, — говорит Зак, и я в отчаянии закрываю глаза.

— Где дети? — спрашиваю, игнорируя его комментарий, и открываю глаза.

— Привет, шериф Уоттерс. — Девушка за прилавком улыбается Заку, будто он участник новоиспеченного бойз-бэнда, и я протягиваю ей только что заполненные бумаги.

— Привет, Салли. — Он кивает и смотрит на меня.

— Дети выбирают нездоровую пищу, — сообщает он, жестом приказывая Салли передать ему бумаги, которые я только что ей вручила. Затем берет у меня из рук ручку, зачеркивает пометку об однодневной лицензии и отмечает ту, что на год. — Спасибо. — Он улыбается, заставляя девушку покраснеть, и возвращает ей бумаги.

— На самом деле, нам не нужны лицензии на год. — Я качаю головой, и Салли пялится на меня. Она удивленно моргает, будто не может поверить, что я не согласна со всем, что говорит Зак.

— Ты теперь живешь здесь. Я выезжаю на лодке не реже одного раза в неделю. Уверен, Хантеру еще не раз захочется отправиться на рыбалку. — Он кивает Салли, и та поворачивается и идет к компьютеру, оставляя меня стоять с открытым ртом. — Кроме того, так дешевле.

— Это... — Я делаю паузу, пытаюсь подобрать правильное определение. — Это безумие, Зак.

— Почему?

Он хмурится, и я делаю вдох, задаваясь вопросом, нужно ли объяснять это ему на пальцах. В смысле, мы встречались, у нас родился ребенок, и мы не общались пятнадцать лет. Мне на самом деле нужно что-то объяснить?

— Мне кажется, ситуация говорит сама за себя.

Запустив пальцы в волосы, Зак пристально смотрит на меня тем взглядом, которого я не видела уже пятнадцать лет.

— У нас есть прошлое, Шел. А также есть связь, которую никто другой никогда не поймет, — тихо говорит он, и мой желудок сжимается.

— Мам, ты знала, что коробка «Твинки» здесь стоит почти восемь долларов? —

спрашивает Хантер, прерывая момент и не давая мне произнести слова, вертевшись на кончике языка.

— Здесь все стоит дороже, милый, — объясняю я, поворачиваясь к нему, Обри и Стивен подходят сзади, у каждого полные руки нездоровой пищи.

— Почему? — хмурится Хантер.

— Все перевозят самолетом, поэтому цену повышают, чтобы компенсировать затраты на доставку.

— Но... восемь долларов? — Сын морщит нос, а его брови сходятся вместе. — Это полный грабеж, — практически кричит он, заставляя меня смеяться, а Зака хмыкнуть.

— Так ты не хочешь, чтобы я их тебе купила? — спрашиваю я, и Хантер опускает взгляд на коробку «Твинки» в своих руках — одно из его любимых лакомств — а затем с противоречивым чувством смотрит на меня.

— Лучше бы им быть самыми вкусными «Твинки» во всем мире, — тихо ворчит он, почти про себя, и Стивен, которого я еще не видела улыбающимся, демонстрирует точно такую же ухмылку, как у его отца.

— Вот, держи. Можешь сам заплатить за них на кассе.

Салли сияет — снова — вручая Заку, а не мне, наши лицензии на рыбалку, а я закатываю глаза.

— Спасибо, Салли.

— Конечно. — Она краснеет, на этот раз сильнее, чем раньше.

— Пойдем, — бормочет Зак, кладя руку мне на поясницу и ведя к кассам, а дети следуют за нами. Я изо всех сил стараюсь не обращать внимания на ощущение от его руки, но могу сосредоточиться только на этом.

— Эй, мам.

Отвлекаясь от касания Зака, я поднимаю глаза, думая, что меня зовет Хантер, но вижу Тину, идущую к нам с хмурым выражением лица, направленным на меня.

Ну, нет, этого мне совершенно не нужно.

— Серьезно? Даже недели не прошло! — кричит она, переводя взгляд с Зака на меня. — Даже гребаной недели, — повторяет она и подходит ближе.

Я автоматически останавливаюсь.

— Тина. — Зак встает передо мной, загораживая.

— Я должна была догадаться. Должна была знать, что так и будет! — вопит она, а я придвигаюсь ближе к детям, не желая, чтобы они присутствовали при этом.

— Мама, — шепчет Хантер, становясь так близко, что его рука касается моей.

— Не здесь, — рычит Зак, блокируя Тину, когда та пытается пройти мимо него.

— Не здесь? А где, Зак? — кричит она, заставляя Обри подпрыгнуть и всхлипнуть.

— Пойдемте, дети. Оставьте покупки, мы подождем снаружи, — тихо говорю я, ведя детей к кассе, самой дальней от Тины и Зака.

— Не смей, блядь, указывать моим детям, что делать! — орет Тина, огибая Зака и тыча в меня пальцем.

— Тише, Тина.

— Иди на хрен, Зак. Не успела твоя бывшая вернуться, как ты уже таскаешься по городу с ней и нашими детьми? Я, мать твою, так не думаю.

— Мам, — шепчет Хантер, и мой желудок сжимается при виде выражения его глаз.

— Милый. — Я тянусь к нему, но он отходит от меня на шаг.

— Я притащу твою задницу в суд, придурок, — громко продолжает Тина, в то время как мое сердце разрывается. — Стивен сказал, что хочет переехать ко мне, и когда я расскажу судье о том, как пятнадцать лет назад ты бросил ребенка этой сучки, думаешь, кому он тогда отдаст предпочтение? — голосит она во всю глотку, толкая Зака в грудь.

Охнув, я делаю шаг назад, не веря, что она сказала такое на глазах у детей и, по меньшей мере, десяти посетителей.

— Папа, — шепчет Обри.

— Быстро, на выход, — рывкает Зак

Но уже слишком поздно. Ущерб нанесен.

— Одно предупреждение, Тина. Это все, что я тебе даю, прежде чем вызову Арни. Не думай, что я не прикажу тебя арестовать, — шепчет он, приближаясь к ее лицу.

— Ребята, положите покупки, — спокойно говорю я и подхожу к детям, видя, что они отвлеклись

Каждый из них спешит сделать то, что я им велела. Затем я, не оглядываясь, вывожу их из магазина.

— Вы хотите подождать папу или прогуляться со мной и Хантером обратно до дома? — спрашиваю я, как только мы оказываемся на парковке, Обри смотрит на брата, ожидая, когда тот примет решение.

— Мы подождем папу, — отвечает Стивен, и я киваю, одаривая их неуверенной улыбкой.

— Я отведу Хантера домой. Оставайтесь рядом с папиным грузовиком, пока он не выйдет, хорошо?

— Конечно, — говорит Обри, Стивен кивает мне, а затем обнимает сестру за плечо.

— Мне очень жаль, — шепчу я и с этими словами ухожу, а Хантер, опустив голову, идет в нескольких шагах передо мной.

— Милый, — зову я, когда мы приближаемся к дому, и, протягивая руку, чтобы коснуться его плеча, но покачивание его головы дает мне понять, что он ничего не хочет слышать. Хотя я даже не знала, что и сказать в этот момент.

За эти годы я много думала о том, как рассказать Хантеру об усыновлении Сэмюэля, и умом понимала, что он должен знать, и представляла, какой будет его реакция на такую новость. Но даже в самых смелых мечтах не могла вообразить, что он узнает об этом посреди продуктового магазина в присутствии детей Зака.

Как только открываю входную дверь, Хантер взлетает по лестнице, оставляя меня в растерянности стоять в прихожей. Сняв тренч, бросаю его на диван в гостиной, сажусь в дедушкино кресло — одна из немногих его вещей, все еще оставшихся в комнате — и хватаюсь руками за голову.

— Что мне теперь делать? — спрашиваю я, затем резко вскидываю голову на раздавшийся стук в дверь.

Стерев с щек слезы, направляюсь к двери. Открываю ее как раз в тот момент, когда рука Зака повисает в воздухе, готовясь постучать снова.

Его глаза полны беспокойства. Волосы в растрепанном беспорядке, словно он ерошил их по дороге сюда.

— Ты в порядке? — Не давая мне времени ответить, он кладет руку мне на живот и толкает обратно в дом. Как только дверь закрывается, он притягивает меня в свои объятия. — Прости, Шел, — шепчет он, проводя руками по моей макушке, затем вниз по спине.

— Не могу поверить, что она это сделала. — Осознав, где нахожусь, толкаю Зака в грудь и делаю шаг назад, указывая на дверь. — Тебе нужно уйти.

— Шел...

— Нет. — Я отчаянно качаю головой, вытирая слезы. — Я не могу этого сделать.

— Не надо. — Он шагает ко мне, а я отступаю еще на шаг, не желая, чтобы он снова прикасался ко мне. Не желая, чтобы он хоть еще раз в жизни снова коснулся меня.

— Тебе следует пойти поговорить со своими детьми. Уверена, они расстроены, — шепчу я, опять указывая на дверь.

— Они знают о Сэмюэле. Знали с тех пор, как стали достаточно взрослыми, чтобы понять, что такое усыновление.

— Что? — охаю я, отступая от него еще на шаг. Не могу поверить, что он не предупредил меня не только о Тине, но и о том, что его дети знают о нашем сыне.

— Зная Тину, я понимал, что она им расскажет. И не хотел, чтобы она вбивала им в головы всякое дерьмо, поэтому первым поговорил с ними.

— О, боже.

— Я так полагаю, Хантер не знает об усыновлении, — шепчет Зак, снова приближаясь ко мне.

— Нет, не знает! — кричу, качая головой. — Точнее, не знал.

К горлу подступают рыдания, и я прячу лицо в ладонях.

— Я ждала подходящего момента, чтобы ему сказать.

— У вас был ребенок? — раздается вопрос Хантера, заставляя меня обернуться, он стоит у подножия лестницы, переводя взгляд с Зака на меня. — И вы его отдали?

— Милый. — Я прерывисто вздыхаю и делаю шаг в его сторону, но он качает головой и удерживает мой взгляд.

— Вы отдали своего ребенка?

— Пожалуйста, подойди ко мне, давай присядем.

— Скажи мне! — кричит он, заставляя сердце рваться на части, а руки сжиматься в кулаки.

— Да, у нас с Заком родился сын, но мы не просто отдали его, а выбрали семью, чтобы они его вырастили, потому что сами были слишком молоды, чтобы заботиться о нем. Мы хотели обеспечить ему лучшую жизнь, — тихо объясняю я, чувствуя, как Зак придвигается ближе, а затем его рука оказывается у меня на спине.

— Почему ты никогда не рассказывала мне об этом? — Хантер моргает, пытаясь сдержать слезы, его губы дрожат.

— Я... — Я закрываю глаза, молясь, чтобы все сделать правильно. — Я ждала подходящего времени, ждала, пока ты не станешь достаточно взрослым, чтобы понять.

— Ты сказала, что вы только друзья. Ты солгала мне.

— Знаю, милый. Но мы с Заком очень давно не виделись, а ты еще маленький. Я не была уверена, что ты поймешь.

— Я не маленький. Вечно ты обращаешься со мной как с ребенком. — По его щекам текут слезы, а подбородок снова дрожит.

— Ты всегда будешь моим малышом. — Я качаю головой, делая шаг к нему. — Каким бы большим ты ни стал, ты всегда останешься моим маленьким мальчиком, и я всегда буду делать все, что в моих силах, чтобы защитить тебя.

Его руки сжимаются в кулаки, а глаза прищуриваются.

— А папа знает?

— Да, — киваю я.

Макс знал о Сэмюэле и Заке. Я рассказала ему, когда мы только начали встречаться. Тогда я верила, что у него есть сила исцелить меня. Тогда он еще хотел исцелить меня.

— Папа тоже мне ничего не рассказывал.

— Нет, — соглашаюсь я. — Он тоже ждал подходящего момента.

— Я хочу домой, — снова хнычет он, и я моргаю, сдерживая слез, потому что он дома, и все же хочет вернуться домой к своему отцу.

— Давай присядем, малыш, — спокойно распоряжается Зак, и Хантер переводит на него взгляд. — Я хочу тебе кое-что рассказать, а потом оставлю вас с мамой, чтобы вы поговорили.

— За... — начинаю я, но замолкаю, когда Хантер спускается по последним двум ступенькам и проходит мимо нас в гостиную, где садится на диван, скрестив руки на груди.

— Ну? — резко спрашивает он, удерживая взгляд Зака. Если бы не особая ситуация, я бы сделала ему выговор за грубость, но сейчас не тот момент. Вместо этого сажусь на диван рядом с ним, но все еще достаточно далеко, чтобы дать ему пространство.

— Я хочу рассказать тебе историю, — начинает Зак, присаживаясь на кофейный столик перед Хантером.

— Зак, — пытаюсь я снова, но замолкаю, поймав его взгляд.

— Дай мне сказать, а потом я уйду.

— Хорошо, — соглашаюсь я, сдаваясь при виде глубоко укоренившейся боли в его глазах.

— Я хочу рассказать тебе историю о мальчике, который вырос ни с чем. Он жил с мамой и папой в однокомнатной квартире. Большую часть времени его родители не работали. У него не было кровати, помногу дней он не ел, потому что в доме не было еды, а зимой даже не ходил в школу, потому что у него не было куртки, и только став достаточно взрослым, мальчик смог начать работать и купил ее себе. Ты меня понимаешь? — спрашивает он, и Хантер кивает. — Хорошо, продолжу. Когда этому мальчику, у которого ничего не было, исполнилось шестнадцать, он влюбился в красивую девушку. С того момента, как он ее увидел, мальчик понял, что эта девушка станет любовью всей его жизни. Он хотел подарить ей весь мир, но знал, что для этого ему придется очень много работать.

Слезы начинают затуманивать взор, и я кусаю щеку изнутри, чтобы не дать им пролиться. Я знала о прошлом Зака, знала, как он рос, и как сильно это ненавидел.

— Однажды эта девушка сказала ему, что беременна. Поначалу он был в восторге, что станет отцом и создаст с ней семью. Но потом понял, что не сможет обеспечить ни ребенка, ни любимую девушку, как мужчина должен заботиться о своей семье. Столкнувшись с этим и зная, каково расти ни с чем, они с девушкой приняли решение отдать своего ребенка в семью, которая позаботится о том, чтобы у малыша всегда было все необходимое. Это стало нелегким выбором для них обоих, но именно потому, что они так сильно его любили, им пришлось так поступить. — Зак делает паузу, позволяя своим словам повиснуть в воздухе.

Глубоко дыша, я борюсь с сотрясающей меня болью. Болью его прошлого. Болью нашего прошлого. И тем фактом, что он наговорил кучу дерьма.

— Понимаю, как тяжело тебе было узнать то, что ты узнал сегодня, но я надеюсь, ты достаточно взрослый, чтобы понять, что мы с твоей мамой сделали то, что считали лучшим, и это было нелегко для нас обоих.

— Я понимаю. — Хантер сглатывает, глядя на меня.

Зак гладит Хантера по плечу.

— Оставлю вас одних, чтобы вы поговорили, но, если у тебя когда-нибудь возникнут вопросы или ты просто захочешь поговорить, я живу по соседству.

— Хорошо. — Хантер кивает, и я не спускаю с него глаз, избегая смотреть на Зака.

— Шел.

— М-м-м? — откликаюсь я, беря Хантера за руку.

— Можешь проводить меня?

Слегка улыбнувшись Хантеру, провожу ладонью по его щеке, затем встаю и, не поднимая глаз, в полном смятении следую за Заком к двери.

— Шел.

— Пожалуйста, просто уходи. — Я открываю дверь, сосредоточив внимание на своих ботинках, чувствуя его приближение. — Прошу тебя.

Зак приподнимает пальцами мой подбородок, и я зажмуриваюсь.

— Шел, посмотри на меня. — Я качаю головой, не решаясь заговорить. — Пожалуйста.

Без моего согласия мои веки медленно открываются, и когда наши взгляды встречаются, мое дыхание с болью прерывается.

— Это был не конец моей истории и не конец моих сожалений. Надеюсь, однажды ты позволишь мне рассказать тебе, что произошло после тебя.

— Я знаю, что произошло. — Я чуть подаюсь вперед и понижаю голос, чтобы Хантер не услышал. — Ты доказал, какой ты мужчина, обрюхатив другую женщину и женившись на ней. Прошу тебя, не лги ни себе, ни мне, я прекрасно знаю твою историю. — С этими словами отшатываюсь и отступаю назад. — Пожалуйста, уходи.

— Это еще не конец, — рычит он, наклоняясь к моему лицу.

— Конец наступил пятнадцать лет назад.

Я вздергиваю подбородок, не сводя с него глаз, но не выдыхаю до тех пор, пока он не поворачивается и не уходит. Закрыв дверь, я прислоняюсь к ней, пытаюсь понять, почему мне так больно смотреть, как уходит Зак.

ГЛАВА 3

Зак

— Папа, с ними все в порядке? — доносится из гостиной тихий голос Обри, едва я открываю входную дверь, даже еще не ступив за порог.

Я знал, что моя девочка будет беспокоиться о Шел и ее сыне. А также знал, что она будет дожидаться моего возвращения, чтобы убедиться, что я в порядке. Я взбесился, обнаружив, что дети ждут снаружи магазина возле грузовика, а Шел и Хантер давно ушли. Конечно, я был благодарен Шел, что она избавила детей от гнусной сцены, но все же хотел убедиться, что с ней и Хантером все хорошо.

Закрыв за собой дверь, вхожу в гостиную. Обри все еще одетая в куртку и ботинки.

— С ними все будет в порядке.

— Ты уверен? Хантер выглядел очень расстроенным, — шепчет она, кусая губу и бросая взгляд в сторону двери.

— Так и есть. До этого момента он не знал о Сэмюэле, и ему было трудно воспринять такую новость.

Я до сих пор чертовски зол на Тину за дерьмо, которое она изрыгнула перед ним и детьми. Когда бывшая увидела, как Шел переезжает в соседний дом, я знал, что ей не

потребуется много времени, чтобы вспомнить прошлое, но понятия не имел, что она примется источать свой яд среди продуктового магазина на глазах всех присутствующих.

— С Шелби... все в порядке?

Ответ: «нет, черт побери», но я не скажу его дочери.

— С ней все будет в порядке, красавица. — Я дарю ей легкую, ободряющую улыбку и беру со стола ключи от сарая. — Пойду, разгрузу грузовик. Сделай мне одолжение: присмотри за братом. Убедись, что он не делает ничего такого, за что мне придется его арестовывать, — говорю я, пытаюсь заставить дочь улыбнуться.

— Он в своей комнате, разговаривает с Джем. Он злится на маму, что она сказала тебе о его желании жить с ней.

Обри снимает куртку и бросает ее на диван, где свалены их с братом толстовки и куртки. Переводя взгляд с кучи одежды на нее, я удивляюсь, на кой хрен нам шкаф в нескольких футах отсюда.

— Мама была очень расстроена, — отмечает Обри, скидывая ботинки возле двери. — Стивен сказал, что она ревнует.

— Бри. — Я тру ладонями лицу, желая, чтобы Обри снова стало три года, и она не обращала внимания на окружающий мир.

— Я просто хочу сказать, что вы не были вместе целую вечность. Плюс, она все время ходит на свидания, а тебе все равно.

— Я не понимаю и половины из того дерьма, которое творит твоя мать и сомневаюсь, что вообще пойму.

— Четвертак в банку для ругательств, — бормочет Обри, и я качаю головой, наблюдая за ее улыбкой, прежде чем та исчезает. — Знаешь, Стивен на самом деле не хочет жить с мамой, — тихо говорит она через мгновение, и я притягиваю ее в объятия. Моя девочка с детства пыталась сохранить нашу семью.

— Знаю, красавица. — Целую ее в макушку, затем отстраняюсь, чтобы поймать ее взгляд. — Если собираешься ненадолго здесь задержаться, повесь все это в шкаф и отнеси ваши со Стивеном вещи по своим комнатам. — Я киваю на кучу на диване. — Потом решите, чего вам хочется на ужин.

— Хорошо, — бормочет Обри, я отпускаю ее и поворачиваюсь к двери, останавливаясь, только когда она снова заговаривает. — Она очень хорошенькая.

— Да, — соглашаюсь я, понимая, что дочь имеет в виду Шелби.

Однако, «хорошенькая» — даже близко не то слово. В юности Шел была хорошенькой. Теперь же, повзрослев, стала прекрасна. Необыкновенно прекрасна.

— Как думаешь, они захотят прийти на ужин?

— Не сегодня, но ты можешь спросить их в другой раз, как только все уляжется.

— Хорошо, папа, — соглашается Обри.

Я выхожу на крыльцо и направляюсь к пикапу. Начинаю его разгружать, не сводя при этом глаз с соседнего дома.

Когда много лет назад Шел уехала, я был полон решимости дождаться ее. Нутром чуял, что она вернется. Ей просто нужно было время собраться с мыслями. Но спустя три месяца отсутствия от нее вестей, реальность ситуации начала оказывать на меня нездоровое влияние, и именно тогда я пристрастился к алкоголю и наркотикам, чтобы справиться с болью не только от потери ее, но и нашего сына. И однажды ночью я облажался во многих отношениях и переспал с Тиной.

Хотел бы я сказать, что в ней было нечто такое, что побудило меня так поступить, но правда в том, что Тина просто оказалась под рукой. Честно говоря, на ее месте могла быть любая другая. На следующее утро, проснувшись с ней в своей постели, я покончил с соблазнами и полностью вычеркнул Тину из своей жизни. Я понял, что нужно взять себя в руки, поэтому в тот же день пошел и поговорил с тогдашним шерифом и попросил взять меня на работу, так как работа на лодках не принесла бы мне стабильности, в которой я нуждался. Шериф знал меня и мою историю и сказал, что если я настроен серьезно, то он меня примет, но сначала я должен закончить школу.

Два дня спустя я вылетел в Анкоридж. Четыре месяца спустя — через месяц после моего возвращения в город — Тина заявила в полицейский участок и заявила, что беременна. Да еще и двойней, и она оставляет их и ожидает, что я поступлю правильно: стану отцом и попытаюсь наладить отношения.

Я не хотел быть с ней, но, зная, как сильно облажался в прошлом, был полон решимости попытаться. За месяц до рождения детей Тина переехала ко мне, а через два месяца после родов мы поженились. Могу честно признаться, я пытался наладить с ней отношения, но после семи лет выслушивания нытья по любому поводу и беспрестанных ссор, понял, что для моих детей лучше расти в неполной семье, чем ломать им психику. Поэтому я сказал Тине, что хочу развестись.

Потребовалось два очень долгих года, чтобы все уладить, но, в конце концов, я получил полную опеку над детьми, а Тина — выходные с ними. До недавнего времени это соглашение ее устраивало, но потом ей понадобилось больше денег, и с чего-то она убедила себя, что лучший способ для этого — получить полную опеку над детьми.

— Папа.

— Да?

Я выныриваю из своих мыслей и смотрю на Стивена, тот стоит на краю подъездной дорожки, засунув руки в передние карманы джинсов, и выглядит обеспокоенным.

— Эм... мама сказала, что приедет поговорить, — тихо сообщает он, уверен, что ему не хочется быть тем, кто объявит мне эту новость, но Обри, скорее всего, игнорирует звонки матери после случившегося. Стивен, которому Тина вечно все спускает с рук, всегда ответит на звонок своей мамочки.

— Черт.

Запихиваю последний ящик со снастями на высокую полку, затем отступаю назад, запираю дверь сарая и засовываю ключ в карман.

— Я просил ее не приезжать.

— Я разберусь с этим, Стивен, — бормочу я, проходя мимо него к передней части дома.

— Пап?

— Да, приятель? — Услышав его тон, я останавливаюсь и смотрю на него.

— Мне жаль, что мама так поступила. Я не знал, что она так взбесится. Если бы знал, то не сказал бы ей, где мы.

Что ж, вот и ответ на вопрос, как Тина узнала, где я был и с кем. Не то чтобы она не смогла узнать об этом по своим каналам. Городок маленький, и за эти годы Тина собрала отряд сучек, которые, как и она, ненавидят мир и которым нечем больше заняться, кроме как портить людям жизнь. Они — главная причина, по которой я держал очень малое количество отношений, которые у меня были, в секрете от всех, включая моих детей.

— Все в порядке, приятель. Но с этого момента, наши совместные планы держи при

себе, пока я не скажу, что можно рассказать твоей маме.

— Конечно, папа. А... — Он делает паузу, затем оглядывается на соседний дом. — С ними все в порядке?

— С ними все будет в порядке. С такой новостью очень трудно справиться, и твоя мама не помогла делу.

— Мама так взбесилась, — шепчет он, закусывая губу.

В большинстве случаев легко забыть, что Стивен все еще ребенок и у него есть слабости. Он всегда скрывает это, пытаясь вести себя как взрослый мужчина, находясь рядом со своими друзьями, или как типичный подросток, когда находится дома.

— Да, но вам с сестрой не нужно об этом волноваться. Это между мамой и мной.

Когда я рассказывал детям о Сэмюэле, я умолчал о глубине своих чувств к Шелби, потому что не хотел причинять им боль. Сын с дочерью видели, что мы с их матерью не любили друг друга, и по мере того, как выросли, это становилось для них все более и более очевидным, но я бы никогда не хотел, чтобы они считали себя нашей ошибкой.

— Я не хочу с ней жить. То есть, иногда мне хочется, но мне нравится быть здесь с тобой и Обри, — признается сын, внимательно смотря на меня.

Я сокращаю расстояние между нами и подхожу ближе, обхватывая ладонью его шею сбоку.

— Я понимаю, что мама более снисходительна к тебе, чем я. Понимаю, что она твой друг и тебе нравится тусоваться с ней. Понимаю, почему ты думаешь, что это круто — жить с ней, а не со мной. Я никогда не буду твоим другом, Стивен. И речь не о том, что мы не можем повеселиться вместе, что мне не нравится проводить с тобой время, что я тебя не люблю.

— Я все понимаю, — бурчит он, глядя на свои ботинки.

— Ты не можешь манипулировать ситуацией, чтобы добиться своего. Это несправедливо по отношению ко мне, твоей сестре или маме, — спокойно продолжаю я, подождав, пока он не поднимет на меня взгляд.

— Я этого не делал.

— Делал. Возможно, несознательно, но ты делаешь именно это каждый раз, когда используешь маму, чтобы добиться желаемого.

В его глазах вспыхивает раздражение, а брови сходятся вместе.

— Ты никогда не позволяешь мне веселиться с друзьями.

— Приятель, ты же знаешь, что это неправда. — При моих словах он снова опускает взгляд. — Стивен, ты становишься старше. Если хочешь, чтобы я дал тебе больше свободы, ты должен ее заслужить.

— Я могу ее заслужить, — отвечает он, пиная камни у своих ног.

Сжав его шею в последний раз, наклоняю голову и касаюсь лбом его макушки.

— Знаю, что можешь, — соглашаюсь я, затем отпускаю его и делаю шаг назад, не желая заострять этот разговор. — Иди в дом и помоги Обри с ужином.

— Конечно. — Он кивает, но замирает, глядя на пикап Тины, который вырывается из-за поворота и заезжает на подъездную дорожку.

— Иди в дом, приятель.

— Но... — Он переводит взгляд с пикапа матери на меня, и в его глазах вспыхивает смятение.

— Иди, — повторяю я более твердо.

На этот раз он слушается и поднимается по ступенькам крыльца. Я жду, пока он скроется в доме, а потом подхожу к Тине.

Она не вылезает из пикапа, лишь опускает стекло и, прищурившись, смотрит на меня, что выводит меня из себя. Я должен бы уже научиться общаться с ней, имея за плечами годы, терпя ее дерьмо, но всякий раз, когда мы разговариваем, перехожу тонкую грань.

— Я бы хотела поговорить со своим сыном, — говорит она вместо приветствия, пристально глядя на меня.

— Ты бы могла ему позвонить, или я передам ему, чтобы он вышел, когда войду в дом.

— Какой же ты засранец, — шипит она, качая головой.

— Так ты для этого приехала?

Я приподнимаю бровь, скрещиваю руки на груди, желая, поскорей покончить с этим дерьмом. Чем скорее бывшая выпустит пар, тем скорее я смогу отправиться ужинать с детьми, вытянуть ноги и выпить пива, до того, как лягу спать, чтобы встать спозаранку.

— Нет, я хотела извиниться, — огрызается она, и я на мгновение закатываю глаза к небу.

— Черт, прости. Не знал, что заявиться сюда с таким настроением — твой способ извиниться.

— Мне вообще не следовало приезжать.

— По всей видимости, — соглашаюсь я, и она вскидывает руки в воздух, раздраженно рыча.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала, Зак? Мне невыносимо видеть тебя с ней.

— С кем я провожу время — не твое дело, Тина. Я не звал тебя приезжать в город выслеживать нас.

— Ты отец моих детей.

— И?

— И? — Ее глаза расширяются. — Ты любил ее! И не переставал любить на протяжении всего нашего брака.

— Ты прекрасно знала о моих чувствах к ней, когда раздвигала для меня ноги, Тина. Я никогда не скрывал этого от тебя.

— Я тебя ненавижу, — шипит она, я качаю головой и наклоняюсь к окну.

— Когда я был с тобой, я был с тобой. Я тебя не бросил, не сбился с пути, не чудил, лишь заботился о тебе и детях и пытался сделать тебя счастливой. Ты сама не захотела быть счастливой. Даже не пыталась отпустить это дерьмо и наладить наши отношения. Можешь просидеть здесь весь день на своем пьедестале и делать вид, что я был плохим парнем, но в глубине души ты знаешь, что это не я испортил отношения между нами.

— Как скажешь. — Она отводит взгляд, зная, что я прав, но слишком упрямая, чтобы признать это.

— Сегодня ты облажалась. Причинила боль двум людям, которые не сделали тебе ничего плохого. Источала яд по поводу ситуации, о которой ни хрена не знаешь, и творила это дерьмо не только на глазах незнакомых людей, но и перед нашими детьми и маленьким мальчиком, который понятия не имел о Сэмюэле. Такое меня не устраивает.

— Я понимаю, — говорит она, и ее лицо искажается.

— Рад за тебя, — бормочу я, делая шаг назад. — С этого момента мы не общаемся, если это не имеет никакого отношения к детям, и в следующий раз, когда ты набросишься на меня, как сегодня, тебе это с рук не сойдет.

— Ты мне угрожаешь? — недоверчиво спрашивает Тина, приоткрыв рот и вытаращив глаза.

— Нет, просто сообщаю, как все будет. Ты мать моих детей, но это не означает, что я не прикажу арестовать тебя за то, что ты подняла на меня руку.

— Только думаю, что не смогу ненавидеть тебя больше, чем уже есть, ты доказываешь, что я ошибаюсь, — бормочет себе под нос Тина и тупо смотрит на дом

— Так ты хочешь, чтобы я позвал Стивена, или позвонишь ему? — спрашиваю я, покончив с нашим разговором. Покончив с ней.

— Я ему позвоню, — шипит она, затем поднимает стекло.

Быстро сдав назад, Тина выруливает с подъездной дорожки на улицу. Как только пикап исчезает, я направляюсь в дом и захожу на кухню, где спорят Обри и Стивен.

— Я не хочу спагетти. Они были два вечера назад, — ворчит Стивен.

— А я хочу спагетти, — отвечает Обри, пробормотав сначала что-то в ответ, чего я не услышал.

— Ты не единственная, кто будет их есть, Бри.

— Папа! — кричит Обри, свирепо глядя на брата, когда я вхожу в дверной проем кухни. — Ты хочешь спагетти?

— Чего я хочу, так это чтобы вы двое не спорили обо всем на свете. — Я подхожу к холодильнику, беру пиво и откручиваю крышку.

— Хорошо, но ты хочешь спагетти? — спрашивает дочь, и я, сдерживая улыбку, поворачиваюсь к ней.

— Не хочу тебя огорчать, но ты в меньшинстве. Выбери что-нибудь другое.

— Здесь нужна еще одна девушка, — ворчит она, переводя взгляд с брата на меня. — Как насчет запеченной зити?

— Брось, Бри. Мы не будем есть пасту.

— Прекрасно. — Дочь запрыгивает на стойку и скрещивает руки на груди. — Тогда сам и готовь.

— Ладно. — Стивен закатывает глаза и идет к холодильнику, но вытаскивая фунт говяжьего фарша, останавливается, услышав голос сестры.

— Что сказала мама? — спрашивает Обри.

Сделав глоток пива, прислоняюсь спиной к стойке и перевожу взгляд между ними.

— Вам не о чем беспокоиться.

— Мне обязательно идти к ней домой в пятницу? — задает Обри тот же самый вопрос, который задавала в течение последнего месяца, перед обязательной поездкой на выходные к матери.

— Да.

Ее плечи сникают.

— А что, если я не хочу?

— Бри. — Стивен качает головой, бросая говяжий фарш на столешницу и свирепо глядя на сестру.

— Что? Ее никогда не бывает дома, когда мы там, так какой смысл идти?

— Прощу прощения? — Я отвожу горлышко бутылки от губ и изучаю каждого из них.

— Бри, это неправда.

Ее руки сжимаются в кулаки, а лицо краснеет.

— Правда, Стивен, но ты бы этого и не знал, потому что, когда мы у мамы, ты гуляешь с

друзьями, а я торчу дома одна.

— Может, тебе стоит завести друзей, — рычит сын, но я сыт по горло. Так чертовски сыт, что чувствую, как по венам растекается огонь.

— Стивен, мама оставляет вас одних по ночам, когда вы бываете у нее дома? — Его взгляд обращается ко мне, и он сглатывает. — Вспомни наш разговор снаружи, приятель, прежде чем ответишь на этот вопрос, — предупреждаю я.

— Иногда, — шепчет он, понимая мой тон.

— Все время, — тихо вставляет Обри.

— Как долго это продолжается?

— С конца учебного года, — бормочет Стивен, отводя от меня взгляд.

— Да с тех пор, как Томас Кинк вернулся в город. — Обри закатывает глаза, и я замираю.

— Томас Кинк? — Я не очень хорошо знаком с этим парнем, но слышал о нем. Летом он всегда здесь, а зимой приезжает в город раз в месяц. — Мама встречается с ним, Стивен? — спрашиваю я, и он прикусывает губу.

— Не знаю. Наверное. — Сын пожимает плечами. — Почему это имеет значение?

— Потому что вам по четырнадцать, а не по восемнадцать. Ваша мама знает, что вас нельзя оставлять одних, чтобы тем временем встречаться со своим парнем.

— Ты оставляешь нас, когда уходишь на работу.

— В этом случае я прошу Мэй или Аарона присматривать за вами. Я в двух кварталах отсюда и могу заскочить, если что-то случится.

— Мама всегда говорит нам, как с ней связаться, — защищается он.

Бри настороженно смотрит на него.

— Ага, а помнишь, когда я позвонила ей в прошлые выходные? Она даже не взяла трубку и не перезвонила после того, как я оставила сообщение.

Иисусе. Какого хрена?

— Это было один раз, Бри. Перестань драматизировать.

— Я перестану драматизировать, когда ты перестанешь ее защищать! — кричит она, спрыгивая со стойки. — Я ее ненавижу. — Руки дочери сжимаются в кулаки, а щеки розовеют.

— Обри, — рывкаю я, и ее глаза поворачиваются ко мне и загораются огнем.

— Это правда, папа. Я ее ненавижу.

— Успокойся, — требую я, замечая на горизонте признаки подростковой истерики.

— Я просто не понимаю, почему должна ездить туда. Почему не имею права выбрать, с кем мне оставаться. Я не хочу к ней, ненавижу приходить к ней домой.

— Это пиздец, Бри! — кричит Стивен, и я поворачиваю голову в его сторону.

— Следи за языком.

— Мама позволяет ему ругаться. Мама всегда позволяет ему делать все, что он хочет, — тараторит Обри, глядя на брата.

— Прекратите оба. Сейчас же! — рывкаю я, и их взгляды устремляются на меня. — Пока я не удостоверюсь, что вы под присмотром в доме вашей матерей, вы больше не останетесь у нее на ночь.

Хлопнув ладонью по столу, Стивен рычит:

— Это пиз... пипец, папа.

— Нет, пипец — это когда ваша мать оставляет вас одних на ночь.

— Такое было всего пару раз.

— Достаточно одного раза, чтобы случилось что-нибудь плохое, Стивен.

— Папа, в городе безопасно, — продолжает защищаться он, и я качаю головой.

— В городе безопасно зимой. Летом к нам со всего мира стекаются желающие подработать на консервных заводах, лодки бросают якорь на ночь, и мужики сходят на несколько часов на берег и расслабляются. Обычно они слишком много пьют и, в конечном итоге, делают глупости, из-за которых отправляются трезветь в камеру.

— Но...

— Никаких «но», приятель. Подумай об этом хоть секунду, и ты увидишь, что я прав. Со стороны матери нехорошо давать тебе волю, и определенно нехорошо оставлять вас с сестрой одних на ночь.

— Я все равно хочу видеться с мамой.

— И ты будешь. Я не запрещаю, мне просто нужно убедиться, что мы с ней на одной волне, а уж потом ты останешься у нее.

— Хорошо, — бормочет Стивен и я смотрю на свою девочку. — Я знаю, что вы с мамой не всегда сходитесь во взглядах, но она твоя мать. Единственная, другой у тебя нет, — говорю я Обри, и она плотно поджимает губы. Я вижу, что она борется со слезами, когда кивает. — Итак, что у нас на ужин?

— Тако, — ворчит Стивен, и я опираюсь на стойку, делая еще один глоток пива, чертовски желая, чтобы мне не приходилось снова вести гребаный разговор с Тиной.

Подъезжая к Арни, ожидающего у своего грузовика, смотрю направо, и мой взгляд застигает красная пелена при виде пса, о котором шла речь: он привязан к столбу, сквозь редкую шерсть – спутанную и грязную, просвечивают кости. Мы приехали в трейлерный парк на вызов одного из соседей, который жаловался на непрерывный лай. Засранец ни хрена не сказал о явно брошенном животном. Заглушив мотор, выскакиваю навстречу Арни.

— Я опросил соседей. До сегодняшнего дня никто из них не видел пса, но лай продолжается уже несколько дней.

— Этот пес был привязан к столбу больше, чем несколько дней, — бормочу я, оглядывая окрестности.

Большинство трейлеров и домов здесь сдаются задешево, и в них живут только летом, когда мужчины и женщины приезжают работать в порт или на консервные заводы.

— Мы с тобой это знаем, — отвечает Арни, направляясь к кабине своего грузовика. Открыв дверцу, он достает пакетик вяленой говядины. — Давай попробуем подобраться поближе и посмотрим, с чем имеем дело.

Я киваю, и мы пересекаем грязный двор, направляясь к псу. Даже издали вижу, что веревка на его шее уже так давно, что и начала въедаться в мех и кожу.

— Эй, — зову я, подходя ближе, и понимаю, что собака не кобель, а сука, у которой явно было несколько пометов. Она начинает отчаянно вилять хвостом, опуская голову к земле, будто готовясь играть.

— Не думаю, что нам нужно звать Пола, — заявляет Арни, имея в виду нашего местного сотрудника службы по контролю за животными, и по совместительству одного из лучших механиков в городе. Достав из пакетика кусочек вяленого мяса, он протягивает его собаке, и та тут же проглатывает его, не жуя.

— Дружелюбная, — говорю я в знак согласия, поглаживая ее по макушке, а свободной

рукой одновременно осматриваю веревку. — У тебя есть с собой нож?

— Ага.

Арни вытаскивает нож и протягивает его мне. Я перерезаю веревку у основания столба, зная, что ветеринару придется осмотреть шею животного, прежде чем снять полностью.

— Ты знаешь, кто здесь живет? — Я жестом указываю на дом, протягивая ему веревку, к которой привязана собака, и поднимаюсь на две ступеньки, готовясь постучать в дверь.

— Я уже стучал, но никто не ответил, а соседи напротив сказали, что здесь никого не видели больше недели.

Я жду минуту, вдруг кто подойдет к двери. Когда никто не появляется, спускаюсь с маленького крыльца и забираю у Арни веревку.

— Я отвезу ее к Ли, встретимся в участке.

— Посмотрим, смогу ли я выяснить, кто здесь останавливался. — Он указывает в сторону дома.

Кивнув, я веду собаку к задней части своего грузовика и усаживаю в кузов. Забираюсь в кабину и сообщаю диспетчеру, что направляюсь с собакой к ветеринару и буду не на связи.

— Ей понадобится операция, — говорит Ли, отходя от собаки, лежащей на столе. — Вережка въелась глубоко, и ее просто не срежешь.

— Так я и думал. — Провожу рукой по голове собаки, почесывая за ушами.

— Мне неприятно говорить это, сынок, — тихо начинает Ли, двигаясь ко мне. — В настоящее время я не могу взять на себя затраты на лечение собаки и определение ее в хороший дом. — Животное переводит карие глаза с Ли на меня. Она опускает голову на стол, словно понимает, о чем речь. — Я бы хотел, но сейчас просто не могу себе этого позволить. В прошлом году мы потеряли большую часть финансирования, и я уже некоторое время оплачиваю часть расходов из собственного кармана.

— Я оплачу счета. Просто назови потом итоговую сумму.

— Зак, — он качает головой, снимает очки и трет переносицу, — все не так просто, сынок. Мне все равно нужно будет найти ей дом, а это непростая задача.

— Я заберу ее домой, когда придет время, и сам займусь поиском для нее дома.

— Ты же знаешь, как только она окажется у тебя, Стивен и Обри не позволят ее отдать.

В этом он прав. Дети просили собаку с того самого момента, как научились говорить связно, но Тина ненавидела собак, и я знал, заведи мы пса, о нем пришлось бы заботиться мне. Именно по этой причине я всегда отказывал детям.

— Тогда, полагаю, это их счастливый день.

Ветеринар вопросительно смотрит на меня.

— Уверен, что хочешь взять ее на себя? Она нуждается в серьезном уходе. Я могу сделать тебе скидку, но даже при этом стоимость лечения все равно будет существенной.

— Я не могу позволить, чтобы ее усыпили, — бормочу я. Счет от ветеринара может ударить по моим сбережениям, но я что-нибудь придумаю.

— Как ты ее назовешь? — интересуется Ли, улыбаясь, и я смотрю на собаку, большое коричневое тело распласталось на столе, голова прижата к лапам. Ее взгляд останавливается на мне, брови приподнимаются.

— Пенни, — заявляю я, и голова собаки отрывается от лап и наклоняется в сторону.

— Пусть будет Пенни. — Ли ухмыляется, хлопая меня по плечу. — Я свяжусь с тобой после операции и дам знать, как у нее дела.

— Спасибо. — Сжимаю его плечо, поглаживаю Пенни, а затем выхожу к своему грузовику.

— Тина, позвони мне, как только получишь сообщение. Нам нужно поговорить, — говорю я, оставляя голосовое сообщение, после того как въезжаю на парковку полицейского участка.

Утром я отправил Тине сообщение с просьбой связаться со мной, когда у нее будет свободная минутка, но она мне не перезвонила. Я также позвонил ей в обед, она и тогда не ответила. А после двух звонков перекинула вызов на голосовую почту.

Вздыхнув, бросаю телефон в подстаканник и заглушаю двигатель, планируя забежать ненадолго в участок, прежде чем отправиться в город на патрулирование.

— Зак, ты там? — доносится по радио, прикрепленному к приборной панели, голос Дарлы, и я хватаю его, удерживая кнопку нажатой.

— Только что заехал на стоянку. В чем дело? — Я отпускаю дверную ручку и жду ответа.

— Звонила Обри. Ты нужен дома.

Я хмурюсь.

— Она сказала в чем дело?

Дети знают, когда я на работе, если им что-то нужно, они идут либо через улицу к Мэй, либо к Аарону, если только это не срочно.

— Это про твою соседку и Луи, — говорит она в замешательстве.

— Черт. Отправь ко мне Пола, — рывкаю я, заводя грузовик и резко сдавая назад. Быстро разворачиваюсь и покидаю парковку.

Как только оказываюсь на проезжей части, ускоряюсь, пока не добираюсь до дома, а затем жму на тормоза. Когда я выскакиваю из кабины, входная дверь моего дома открывается, и на крыльцо выходят Шелби, Хантер, Обри и Стивен. Замечаю, что Шелби одета почти так же, как и прошлым утром: в короткие пижамные шорты, майку и без обуви. Хантер одет в толстовку с капюшоном, спортивные штаны и кроссовки. Обри и Стивен все еще в пижамах, как и следовало ожидать, так как часы только что перевалили девять, а летом они в большинстве случаев встают с постели лишь после одиннадцати.

— Что стряслось?

— Эм, — мямлит Шелби, выглядя так, будто не знает, что сказать.

— Луи в их доме, — встречает Обри, и я смотрю на нее.

— Что?

— Хантер не знал о Луи, — тихо говорит Шелби, обнимая себя руками. — Он был на веранде, а когда пошел завтракать, не закрыл раздвижную дверь.

— Я ее закрыл, — защищается Хантер, глядя на свою маму. — Честно.

— Луи в твоём доме? — недоверчиво повторяю я.

— Ну, не знаю точно, он ли это, но в доме медведь. Он вошел в кухню, когда я ставила на стол оладьи. Как-то не догадалась спросить его имя. Я просто схватила Хантера и побежала к двери.

— Господи. — Я смотрю на дверь соседнего дома, понимая, насколько плохо все могло обернуться, чертовски плохо. Покачав головой, перевожу взгляд на Обри. — Красавица, отведи Шел внутрь и одолжи ей что-нибудь из одежды.

— Конечно, папа, — улыбается она

— Все в порядке. Мне ничего не надо, — бормочет Шел.

— Детка, воздух едва ли прогрелся до пятнадцати. А на тебе даже нет обуви.

В ее взгляде что-то неуловимо меняется, и она опускает его на свои босые ноги.

— Как мы выманим его из дома? — спрашивает меня Шел.

— Мы — никак. Вы с детьми идете в дом, а я подожду Пола, — распоряжаюсь я, и в ее взгляде читается нежность, заставляя меня врасплох.

— Кто такой Пол? — спрашивает Хантер, и мое внимание переключается на него.

— Механик и...

— Я мало что знаю о медведях, но не думаю, что механик сможет как-то избавить мой дом от медведя, — говорит Шел, прерывая меня, но ее губы подергиваются, а в глазах пляшет веселье. Она чертовски хорошо знает, кто такой Пол.

— Умничаешь, — ухмыляюсь я, и уголки ее губ приподнимаются еще выше.

— Поверить не могу, что забыла о Поле и что он все еще здесь.

— Все еще здесь, и все еще единственный в городе, кто способен вытащить Луи из твоего дома, никому не причинив вреда. А теперь иди и надень что-нибудь. Обри тебе покажет.

— Я оденусь, а потом подожду здесь.

— Шел, — предупреждаю я.

— Ладно, — вздыхая ворчит она.

— Папа, я переоденусь и помогу, — вмешивается Стивен.

— Хорошо, приятель. — Я киваю, наблюдая, как он направляется в дом.

— Я останусь с Заком и Стивеном, — заявляет Хантер, и голова Шел поворачивается к нему. Она хочет что-то сказать, но я прерываю ее еще до того, как она успевает открыть рот.

— Со мной он будет в безопасности.

— Но...

— Он в безопасности, Шел. Иди.

Она прищуривает глаза, и я слышу хихиканье Обри. Затем дочь берет Шел за руку и тянет ее в дом, Шел смотрит на меня, а я сдерживаю улыбку.

— Даже и близко не подходи к медведю, — требует Шел, указывая на Хантера.

— Я не сумасшедший, мам. — Он закатывает глаза.

— Ну ладно, — фыркает она, напоследок бросает взгляд в мою сторону, разворачивается и босая следует за Обри в дом.

ГЛАВА 4

Шелби

Глядя в окно, задаюсь вопросом: не слишком ли рано отправляться в магазин за бутылкой водки или текилы.

— Поверить не могу, что в моем доме был медведь, — шепчу я, и Обри, которая стоит рядом со мной и тоже глядит в окно, снова хихикает, заставляя меня посмотреть на нее и улыбнуться.

Кажется, я повторила эту фразу раз двадцать с тех пор, как парни — включая не только Пола и юношу возраста Стивена, но и Зака, Хантера и Стивена — помогли вынести бесчувственного медведя на больших носилках из дома.

Сначала я хотела выбежать к ним, крича, чтобы они отошли подальше от медведя, но, когда Хантер улыбнулся Заку, а Стивен сказал что-то, отчего они дружно рассмеялись, осталась на месте. Макс любит Хантера, я знаю. Хантер, вероятно, единственный человек на планете, которого Макс любит беззаветно, но Макс остается Максом. Напряженным и

требовательным, даже со своим десятилетним сыном. И Хантер воспринимает это на свой счет, и большую часть времени, находясь рядом с отцом, ведет себя не как ребенок, а как взрослый.

Отступив от окна, я оглядываю гостиную Зака — она меньше моей. В углу стоит большой диван, перед ним два кресла, между ними журнальный столик, а сбоку заваленная всякой всячиной этажерка. Прибежав сюда утром, чтобы узнать, куда мне позвонить, я изо всех сил старалась не глазеть по сторонам, теперь же вижу несколько фотографий детей на стенах, и кроме них, у комнаты отсутствует настоящая индивидуальность. Рассеянно задаюсь вопросом, жила ли Тина здесь с ними, или они все изначально жили где-то в другом месте. Заметив стопку коробок в углу, подхожу к ней и, не задумываясь, беру ту, что сверху, и поворачиваюсь к Обри.

— Мой дедушка любил пазлы. — С улыбкой поднимаю коробку и встряхиваю, слушая, как кусочки стучат друг о друга.

— Я собирала их вместе с ним, — застенчиво говорит Обри, и я чувствую, как от ее признания мое лицо озаряет нежность.

— Правда?

Обри кивает, заправляя прядь длинных темных волос за ухо.

— Да, эм... до его переезда, мы со Стивеном обычно ходили к нему домой после школы, если папа работал, и собирали пазлы.

Присев на диван, смотрю на коробку в своих руках, затем на Обри. Мне нравится, что ей посчастливилось узнать моего дедушку. Нравится, что она была с ним здесь после того, как я уехала.

— Мне нравится, что ты проводила с ним время, — произношу свои мысли вслух.

— Я скучаю по нему, — признается Обри, и ее прекрасные глаза, так похожие на глаза отца, наполняются слезами.

Недолго думая, ставлю коробку на кофейный столик и, подойдя к ней, крепко обнимаю.

— Что случилось? — раздается вопрос Зака, и мы отпрыгиваем друг от друга, с улыбкой вытирая щеки.

— Ничего. Мы говорили о том, чтобы собрать пазл, — отвечаю я, при этом, не сводя глаз с Обри. Выражение ее лица смягчается, заставляя что-то в моей груди сместиться и наполнить ее теплом.

— И это довело вас до слез? — недоверчиво спрашивает он.

Бросаю на него взгляд, удивляясь, как мужчина может выглядеть все красивее с каждым разом, когда я его вижу. Судя по щетине, покрывающей подбородок, сегодня утром он не брился, а еще ему уже давно следует подстричься. Вьющиеся вокруг ушей локоны, падают на воротник темно-синей рубашки хенли, подходящей под цвет джинсов. Ремень на талии с большой серебряной пряжкой и значком — единственный явный контраст между ними.

— Мы женщины. Для слез нам причина не нужна, — заявляю я.

— Да, папа. Мы женщины. Для слез нам причина не нужна, — повторяет Обри, а я поворачиваюсь к ней и улыбаюсь.

— Раз вы так говорите. — Он качает головой, затем переводит взгляд с дочери на меня, в его глазах такое выражение, отчего все внутри начинает трепетать. — Мальчики едут со мной и Полом выпускать медведя.

— Что, прости? Куда вы собрались? — Я откидываюсь на спинку дивана, сжимая руки в кулаки на коленях.

— Нам нужно выпустить медведя подальше от города. Мальчики поедут с нами.

— Я не...

— Это безопасно, Шел, — тихо прерывает он меня.

В ответ я прикусываю щеку изнутри. Я хотела, чтобы жизнь Хантера отличалась от той, что он вел в городе, но, когда в ваш дом вваливается медведь, а затем этого медведя выпускают в дикую природу — это кажется несколько экстремальным. Особенно, когда я больше склонялась к тому, что сын будет рыбачить и расти в окружении природы вместо того, чтобы весь день торчать перед телевизором или компьютером.

— Этот медведь — не Луи, и однажды проник в твой дом, я не хочу, чтобы он думал, что у него есть свободный доступ сделать это снова.

— Кто же это тогда был? — хмурюсь я.

— Его имени я не знаю. — Зак улыбается, и я пытаюсь убедить себя, что в его словах нет ничего смешного, но все равно ухмыляюсь.

— Насколько пострадал дом? — глубоко вздохнув, задаю вопрос, на который не хочу знать ответ.

— Там не так плохо, учитывая, что в нем побывал медведь. Кое-что сломано, и большая часть еды пропала, но ничего серьезного.

— Я помогу прибраться, — вставляет Обри, и то чувство в моей груди усиливается.

— Было бы очень мило, — говорю я, переводя на нее взгляд.

— Пойду оденусь. — Она вскакивает, затем останавливается, чтобы обнять отца, а затем исчезает.

— Уверен, что мальчикам безопасно ехать с вами?

— Детка, я бы не взял их, если бы это было небезопасно, — ласково уверяет Зак, и я киваю.

Смотрю в окно, где Стивен и Хантер стоят, прижавшись друг к другу.

— Как дела у Хантера? — Я не совсем уверена в ответе на его вопрос, заданный таким нежным голосом.

После его ухода вчера, мы с Хантером сели и поговорили об усыновлении и немного о нас с Заком, но я позволила ему вести разговор и задавать вопросы, на которые сын хотел получить ответы. Теперь я не совсем уверена, что поступила правильно. Мне так сильно хотелось рассказать ему о паре, которая усыновила Сэмюэля. О том, что у отца семейства были самые добрые глаза из всех, что я видела, и какой нежный голос у его жены, и как она постоянно улыбалась. Я хотела рассказать ему, что они пытались завести ребенка восемь лет, а потом решились на усыновление, и как оно сорвалось в последнюю минуту, и это их чуть не уничтожило. Объяснить ему, что отказ от Сэмюэля был самым трудным решением, которое принимала в своей жизни, но также и самым правильным, потому что я предоставила двум замечательным людям шанс стать родителями. Чего они не смогли сделать самостоятельно.

Было время, когда я не видела всей красоты этой ситуации, того, что вижу сейчас. Время, когда винила Зака, хотя не должна была этого делать, потому что мы вместе приняли это решение, и сейчас я чувствую себя из-за этого ужасно. Знаю, усыновление тоже далось ему нелегко. До сих пор помню его беззвучные слезы, а я вместо того, чтобы хотя бы попытаться его утешить, просто ушла, слишком поглощенная собственным горем. С моей стороны было нечестно взваливать на него всю тяжесть своей боли, но я все равно поступила именно так.

— Шел.

Звук моего имени выводит меня из задумчивости, и я снова перевожу взгляд на Зака и качаю головой.

— С ним, вроде бы, все в порядке. — Я пожимаю плечами.

— Может, он нуждался в твоём доверии.

— Возможно, — соглашаюсь я, снова пожимая плечами, затем прикусываю щеку изнутри. — Насчет моих вчерашних слов, они были несправедливыми, прошу прощения.

Сгоряча я позволила себе сказать несколько действительно не очень приятных вещей. Позволила эмоциям взять надо мной верх. Я не знаю прошлого Зака. Могу лишь предполагать и догадываться, что произошло, когда уехала, но, по правде говоря, я понятия не имею, и, честно говоря, мы были не вместе. Не имею права чувствовать себя преданной им, когда именно я настояла на том, чтобы мы расстались.

— Мы поговорим.

— В этом нет необходимости, — сразу же говорю я. Не хочу говорить об этом. Ни сейчас, ни когда либо еще.

— Мы поговорим.

— Не стоит. — Я начинаю паниковать. Возможно, я и нахожу способ справиться с болью, которую таскаю с собой, но не хочу снова вступать в какие-либо отношения с Заком. По крайней мере, так я себе говорю.

Он шагает ко мне. Его глаза теплеют, а голос понижается.

— Мне нравится видеть тебя в моей одежде.

— Что?

Я охаю, глядя вниз на рубашку, которую дала мне Обри. Я взяла ее не задумываясь. Просто надела и забыла, но, увидев сейчас, удивилась, как не заметила, что это мужская рубашка в клетку, ведь она мне велика и доходит до середины бедра.

— И мои носки мило на тебе смотрятся, — добавляет он, имея в виду большие шерстяные носки на моих ногах.

— О, эм... спасибо, — мямлю я, как идиотка, глядя на него снизу вверх. Он ухмыляется, заставляя бабочек порхать в животе, пока мы смотрим друг на друга.

— Я готова, — кричит Обри, вырывая меня из транса.

Я резко встаю с дивана, но Зак не двигается и не отступает, так что наши тела соприкасаются, когда прохожу мимо него. Стремительно направившись к входной двери, пересекаюсь с Обри, когда она спускается по лестнице, одетая в мешковатые джинсы и красную рубашку с длинными рукавами, на три размера больше ее миниатюрной фигурки. Рассматривая наряд, я понимаю, что те несколько раз, когда я видела Обри, она носила вещи, которые были ей слишком велики, и никак не подчеркивали, какая она красивая девушка.

— Пойдем. — Я улыбаюсь ей, избегая зрительного контакта с Заком, открываю дверь и выхожу.

— Увидимся позже, папа, — слышу я позади, пока спускаюсь по лестнице к Хантеру и Стивену, стоящим рядом с медведем, тот все еще без сознания, но сейчас находится в кузове грузовика в большой круглой клетке на колесиках.

— Когда будете отпускать медведя на волю, чтобы вас и близко рядом с ним не было. Поняли? — Я указываю на каждого, и Хантер закатывает глаза, в то время как Стивен выглядит смущенным, заставляя меня осознать, что я не его родитель и на самом деле не

имею права диктовать ему, что делать.

— Мам...

— Не мамкай мне тут, Хантер. Чтобы и близко не подходил к медведю.

— Ладно, — бурчит он, засовывая руки в карманы толстовки, и на секунду опускает глаза в землю.

— Хорошо. — С этими словами я посылаю каждому мальчику прощальный взгляд и разворачиваюсь, чтобы уйти, но налетаю на крупное мужское тело.

— Даже не поздороваешься со мной, Шелби Линн?

Поднимая голову все выше и выше, встречаюсь взглядом с Полом, и улыбаюсь, когда замечаю копну рыжих волос и бороду, скрывающую половину лица. С годами Пол стал для меня всего лишь еще одним воспоминанием, но в детстве, он постоянно присутствовал в моей жизни как папин лучший друг. После смерти родителей он часто навещал меня и проверял, есть ли у меня все необходимое и все ли у меня в порядке. Когда я рассказала ему о беременности, он прочитал мне отеческую лекцию, а затем поддержал мое решение об усыновлении, хотя многие в то время были против этого. После рождения Сэмюэля он был одним из первых, кому рассказала о своих планах уехать, и он пытался меня отговорить, но, когда я сказала, что у меня нет сил здесь оставаться, поддержал.

— Привет, Пол. — Я с улыбкой наклоняю голову набок. — Ты по-прежнему здесь, — тихо говорю я, и его глаза сканируют меня с головы до ног, а в уголках глаз появляются морщинки.

— Я здесь, а ты вернулась, — отвечает он так же тихо. — Твой дедушка обрадовался бы, что ты вернулась туда, где тебе самое место.

Тяжело сглотнув, киваю, и Пол заключает меня в крепкие объятия, отрывая меня от земли.

— Я рад, что ты вернулась.

— Я тоже, — признаюсь, обнимая его так же крепко.

Поставив меня на ноги, он откидывается назад и еще раз оглядывает меня.

— Тебе придется найти время, чтобы прийти ко мне домой на ужин. Уверен, Джо хотела бы с тобой познакомиться.

— Джо? — спрашиваю я, и его лицо смягчается еще больше.

— Джоанна — моя жена... многое изменилось с момента твоего отъезда.

— Ты женился? — Я не в состоянии скрыть неверие в голосе. Пол был вечным холостяком. Даже папа говорил, что он никогда не женится и не остепенится.

— Женился, и у нас мальчик и три девочки. — Он ухмыляется, отчего его борода шевелится. — Ден, иди сюда, сынок, — зовет он, и к нам подходит молодой парень, которого я ранее видела в окно, он одет в темные джинсы, тонкий жилет нараспашку, демонстрирующий обтягивающую черную рубашку хенли, подчеркивающую мускулистое юношеское тело. — Ден, это Шелби, мама Хантера.

Пол хлопает сына по плечу, и я улыбаюсь, думая, что даже для своих четырнадцати или пятнадцати лет, он красив: волевая челюсть, полные губы, темные волосы и карие глаза.

— Приятно познакомиться. — Парень улыбается, демонстрируя ямочку на щеке, и я улыбаюсь в ответ, затем смотрю на Обри, но вижу, что она не отрывает взгляда от земли, и ее щеки розовеют.

Хм-м.

— Значит, с моим сыном вы познакомились? — спрашиваю я, и Пол кивает.

— Да. У тебя хороший мальчик, — хвалит он.

— Так и есть, — соглашаюсь я, глядя на Хантера. Сын улыбается, а его глаза светятся так, как бывает нечасто, но я хочу видеть это гораздо чаще.

— И ты снова с Заком. Как же удивителен мир, в котором мы живем, не находишь? — Я тут же поворачиваю голову к нему, и мой пульс ускоряется.

— Н-нет, я не с Заком.

Пол изучает мое лицо, и его улыбка превращается в усмешку. На мгновение его взгляд скользит за мое плечо, но затем вновь возвращается ко мне, и в нем пляшут искорки веселья.

— Как бы то ни было, я просто рад, что ты вернулась.

— Я тоже, — глубоко вздохнув, повторяю я.

Удивляюсь, почему внутри разрастается такое странное чувство.

— У Зака есть номер моего сотового. — Пол отступает назад, вытаскивая из кармана связку ключей. — Спроси у него, и мы спланируем, чтобы вы все приехали как-нибудь вечером поужинать. Я живу в сумасшедшем доме, окруженный в основном женщинами, но там чисто и хорошо пахнет. Кроме того, они вечно готовят что-нибудь такое, что в девяти случаях из десяти приятно на вкус, так что я не могу особо жаловаться.

Я улыбаюсь этому. Папе было бы приятно узнать, что его друг женат и у него куча дочек. Он определенно подумал бы, что это некая карма за то, как Пол обычно вел себя с женщинами.

— Я обязательно позвоню, и мы договоримся, — соглашаюсь я, одаривая его еще одной улыбкой.

— Нам лучше ехать, пока медведь не проснулся. Скоро наверстаем упущенное. — Он кивает кому-то позади меня, затем отворачивается, делая шаг назад, и я смотрю, как Пол и мальчики залезают в грузовик, затем поворачиваюсь к Обри, но сталкиваюсь лицом к лицу с Заком.

— Мы скоро вернемся. — Его взгляд скользит по моему телу, а голос смягчается. — Иди внутрь, детка, и позаботься о моей девочке.

— Не называй меня деткой.

Я прищуриваюсь, наблюдая, как его губы подергиваются, а потом он отводит от меня взгляд.

— Оставайся с Шел, красавица.

— Хорошо, папа, — соглашается Обри, и я чувствую, как пальцы Зака мимолетно скользят по моим, прежде чем он поворачивается и уходит.

— Проследи, чтобы мальчики держались подальше от медведя, Зак Уоттерс, — кричу ему в спину, пока он направляется к грузовику.

— Будет сделано, детка, — бормочет он в ответ, не глядя на меня, и я раздраженно фыркаю, слыша позади хихиканье Обри.

Повернувшись, улыбаюсь Обри, обнимаю ее за плечи и веду к своему дому. Как только мы поднимаемся по ступенькам, и я уверена, что нас никто не слышит, наклоняюсь к ее уху и шепчу:

— Ден супермилый.

— Знаю, — шепчет она в ответ, и с этими словами я открываю дверь, улыбаюсь, глядя под ноги, а затем принимаюсь за уборку беспорядка, учиненного медведем.

— Мам! — крик Хантера проникает в дом до того, как входная дверь громко хлопает, и

раздается звук его шагов по паркету прихожей.

— На кухне! — кричу в ответ, завязывая мусорный мешок, который мы с Обри наполнили разбитой посудой со стола и вскрытыми коробками с едой из шкафов.

Зак оказался прав. Дом был не в таком уж плачевном состоянии, учитывая, что в нем похозяйничал медведь. Большая часть повреждений припала на кухню, где мишка решил позавтракать тем, что мы оставили на столе, а потом принялся рыться в шкафах, откуда явно доносился запах еды.

— Обри, твой папа просил передать, что он и Стивен дома, — говорит Хантер, входя в кухню.

— Хорошо, — отвечает она, затем смотрит на меня. — Хотите, чтобы я помогла с чем-нибудь еще, прежде чем уйду?

— Нет, милая. — Я улыбаюсь, передавая мешок для мусора Хантеру, чтобы тот вынес его через заднюю дверь в мусорный контейнер позади дома. — Спасибо, что помогла мне.

— Было весело. — Девушка улыбается и направляется к раковине вымыть руки.

— Что же, в следующий раз предлагаю заняться чем-нибудь более веселым, например, испечь печенье или торт.

— Правда? — выдыхает она, ее руки замирают под струей воды, а глаза встречаются с моими.

— Безусловно, — тихо отвечаю я, изучая ее. Интересно, почему она выглядит такой удивленной. — Мне очень понравилось проводить с тобой время.

— Мне тоже.

Она отводит от меня взгляд, затем выключает воду и, склонив голову, проходит мимо меня к входной двери. Я не знаю, что не так, но что-то в ее реакции мне не нравится.

— Обри, — мягко зову я, наблюдая, как она засовывает ноги в кроссовки, которые сняла после того, как мы вымыли пол.

— Да? — отвечает она, не поднимая глаз.

Я хмурюсь, не зная, что делать, потому что, кажется, она пытается сбежать от меня как можно быстрее.

— Еще раз спасибо, дорогая.

— Пожалуйста.

Не глядя на меня, девушка открывает дверь и выходит на крыльцо. Когда она спускается по ступенькам, я прикусываю губу и снова зову ее по имени. Обри поднимает на меня глаза, и от боли, которую я в них вижу, у меня сводит живот.

— Заглядывай в любое время, и я говорю серьезно. Если мой фургон у дома, пожалуйста, приходи.

— Спасибо, Шел, — шепчет она, затем поворачивается и бежит к своему дому, поднимается по ступенькам и входит внутрь, и все это не оглядываясь.

— Что у нас на ужин? Я умираю с голоду, — стонет Хантер, когда я закрываю дверь и поворачиваюсь к нему.

— Видимо, нам придется съездить в магазин, малыш. Медведь съел большую часть запасов, — объясняю я, и сын с улыбкой смотрит на меня, а затем снова на кухню.

— Не могу дождаться, чтобы рассказать Эрику и Илаю о том, что к нам в дом забрался медведь. Они ни в жизнь не поверят. — Он ухмыляется, затем достает свой телефон.

— Уверена, что не поверят, — бормочу я, смеясь.

— Повезло, что в доказательство у меня есть несколько фоток. — Он протягивает мне

телефон, и на экране появляется растянувшийся на кухонном полу медведь, и склонившиеся над ним Пол и Зак. — Теперь они точно захотят приехать в гости.

Ох, черт возьми, уверена, их родителям будет приятно услышать, что здесь медведи запросто ходят по домам.

— Почему бы тебе не принять душ и не смыть с себя медвежий запах, а потом мы поужинаем, и ты расскажешь мне все о том, что случилось с медведем, когда ты помогал выпускать его на волю.

— Мы можем заказать гамбургеры?

— Конечно, — соглашаюсь я, улыбнувшись.

— Ура! — кричит он и, не выпуская телефон из рук, несется к лестнице.

Улыбаюсь ему в спину, а затем оглядываю себя. Я, наверное, выгляжу ужасно. Я не сняла рубашку Зака, но, войдя в дом, надела резиновые сапоги, и они до сих пор на мне. Направляюсь в свою комнату, но останавливаюсь, когда Хантер спускается с чердака, бледный, как привидение.

— Что такое?

— Эм... папа на телефоне, — шепчет он, протягивая мне сотовый. — Я послал ему фото медведя.

Блядь!

— Все в порядке, милый, — говорю я ему, нежно беру его за руку, веду в свою комнату к кровати и усаживаю, а затем вынимаю телефон из его руки и прикладываю к уху.

— Макс, — спокойно приветствую я, отступая от Хантера.

— Шел, что за херня? Ты позволила Хантеру приблизиться к долбаному медведю? Что, мать твою, с тобой не так? Ради всего святого, ты думаешь, это какая-то шутка?

— Макс, пожалуйста, успокойся.

— Успокойся? Ты хочешь, чтобы я успокоился? Мой сын был рядом с ебаным медведем. Медведем, Шел. Не могу поверить, что ты подвергла его такой опасности, — рычит он, и мое самообладание, которое уже сходило на нет при виде лица Хантера, начинает улетучиваться.

— Я бы никогда не подвергла Хантера опасности, — шиплю я, с силой стискивая телефон.

— Это пиздец как смешно, потому что именно это ты и сделала. Ты подпустила его к медведю, а потом позволила вывезти его в лес, черт возьми, и Хантерн говорит об этом так, будто это гребаная поездка в Диснейленд.

— Макс, успокойся, — снова требую я, поворачиваясь спиной к Хантеру. — Позволь мне объяснить.

— Нет, не хочу слышать никаких оправданий. Это пиздец настолько, что и словами не опишешь. Я хочу, чтобы Хантер остался со мной.

— Макс, пожалуйста, выслушай меня.

— Мой адвокат свяжется с тобой.

И он отключается. Последовавшая за этим тишина наполняет сердце ужасом. Слезы наворачиваются на глаза, передо мной все темнеет, и я теряю контроль над своей жизнью.

— Мам? — Голос Хантера прорывается сквозь боль, охватившую каждый дюйм тела. — Мам? — повторяет он, и я чувствую, как он обнимает меня за талию.

Заклучив его в объятия, вдыхаю его запах и впитываю ощущение маленького тельца, крепко прижатого к моему телу.

— Прости, — шепчет он, и у меня разрывается сердце, причиняя мучительную, пронзительную боль.

— Все в порядке. Все будет хорошо, — вру я, вода ладонями по его спине.

Ничего не будет хорошо. Я знаю Макса. Знаю его достаточно, чтобы быть уверенной, что, если говорит, что заберет у меня Хантера, именно так он и поступит.

— Я должен...

— Ты не сделал ничего плохого, — прерываю я его. — Твой папа успокоится, и мы поговорим. Все будет хорошо. Ты меня понял?

— Да, мам. — Он кивает.

— Иди, прими душ. У нас ужин, а от тебя воняет медведем, — говорю сыну, прижимаясь губами к его макушке и удерживаю их там.

— От меня не воняет медведем, — отшучивается он, но в его словах я улавливаю легкую дрожь.

— Воняет. — Я улыбаюсь, затем отстраняюсь и беру его маленькое личико в ладони. — Я люблю тебя. Знаю, ты не хочешь слышать это от своей старушки мамы, но должен знать, что я люблю тебя больше всего на свете.

— Я тоже тебя люблю. — Его подбородок дрожит, и, клянусь, если бы Макс был здесь, я бы выбила из него все дерьмо за то, что заставил моего мальчика испытывать то, что сын чувствует сейчас.

— А теперь иди в душ.

— Хорошо. — Хантер отводит от меня взгляд, затем выходит из спальни, прикрывая за собой дверь.

Я иду в ванную и, закрыв дверь, включаю душ и снимаю одежду. Не хочу, чтобы Хантер знал, что я плачу. Не хочу, чтобы он слышал мои рыдания, поэтому ныряю под струи воды, сажусь на пол, обхватываю руками голени, и тихо плачу, уткнувшись в колени, пока не вынуждаю себя подняться и двигаться, словно мой мир только что не рухнул.

ГЛАВА 5

Шелби

Передо мной лежит папка с документами, и я просматриваю заявку на получение бизнес-кредита, срок которого истекает сегодня, но замираю, когда в мой кабинет заглядывает Мисти.

— Я уйду на обед. Хочешь, прихвачу тебе что-нибудь? — спрашивает она, наклоняясь еще немного вперед, так что ее тело наполовину в кабинете, а другая половина — за дверью.

— Я в порядке. Мне нужно разобраться с этим, а потом схожу выпить кофе, чтобы успеть до прихода мистера Дорси в час.

— Ладно. До моего возвращения клиентов будет принимать Майк.

— Приятного аппетита. — Я улыбаюсь, и она машет мне рукой, а затем исчезает.

Прошло чуть больше пяти дней, с тех пор как я приступила к своим обязанностям в местном банке, и мне уже нравится окружение и люди, с которыми работаю.

Когда мы с Максом впервые встретились, я только начала работать в одной из крупнейших брокерских фирм Сиэтла. Я наслаждалась своей работой, но не любила ее только потому, что была всего лишь одним из многих кредитных инспекторов в компании. Никакого чувства семьи или дружбы. Никакого единства. Все мои клиенты были важными шишками, которые на самом деле не знали, кто я такая.

Мы с Максом поженились спустя шесть месяцев после знакомства, и в том же году я

забеременела Хантером. Мы оба были взволнованы тем, что станем родителями, и Макс настаивал, что не хочет, чтобы няня воспитывала нашего сына так, как воспитывали его. Больше всего на свете я хотела сидеть дома и быть мамой, поэтому в третьем триместре уволилась с работы и стала мамой-домоседкой. Мне нравилось проводить дни с Хантером, когда он был маленьким, но время шло, Хантер пошел в школу, и мне захотелось вернуться на работу.

Максу не нравилась мысль, что его жена будет работать, поэтому я отложила свои желания, чтобы угодить ему и сохранить нашу семью, которая, как чувствовала, медленно разваливалась, и это, в конечном итоге, привело к еще большему разладу, между нами. Только в последний год брака я решила вернуться на работу, независимо от мнения Макса. Я знала, что смогу работать в банке и быть мамой Хантеру, провожать его утром в школу, а вечером возвращаться как раз к ужину.

Это придавало мне сил делать то, что хотела, зарабатывать собственные деньги, но я понимала, что это стало соломинкой, которая, как говорится, сломала спину верблюду. Все жены друзей Макса только и делали, что целыми днями нежились в салонах красоты, сплетничая о том, кто кому изменяет, у кого больше денег и кто обанкротился. Я не хотела такого для себя и ненавидела жить по такому шаблону. Меня от этого тошнило, по-настоящему тошнило. Я стала терять в весе, у меня начали выпадать волосы. Я боялась проводить время с этими женщинами. Я ненавидела жить во лжи, и, в конце концов, начала ненавидеть Макса за то, что он навязал мне этот образ жизни, за то, что он не видел, как я несчастна. Я хотела, чтобы он желал мне счастья, но мои чувства никогда по-настоящему не имели для него значения.

— Шелби, тебе звонят по третьей линии, — говорит Мисти, просовывая голову в дверь кабинета и отрывая меня от моих мыслей.

Я моргаю при виде нее, а затем спрашиваю:

— Ты уже вернулась с обеда?

— Да. — Она смеется. — Должно быть, ты увлеклась работой.

— Наверное, — бормочу я, и она хихикает и исчезает.

Взглянув на часы, обнаруживаю, что уже половина первого. Взяв трубку, прижимаю ее к уху, а затем нажимаю на кнопку, чтобы подключиться к звонку.

— Шелби Колдер слушает.

— Мисс Колдер, меня зовут Энни Паттерсон. Я адвокат вашего бывшего мужа. У вас есть минутка для разговора?

Внутренности наполняются страхом, а ладони мгновенно становятся липкими. С телефонного звонка Максиму прошла неделя, неделя пугающего молчания с его стороны. Когда звонила ему сама и пыталась с ним поговорить, он не брал трубку, а когда Хантер разговаривал с ним по телефону, он отключался еще до того, как я успевала попросить телефон, и это оставляло меня совершенно беспомощной.

— Мисс Колдер, вы здесь?

— Да, простите. Я на работе, миссис Паттерсон, и скоро придет клиент. Могу я перезвонить вам примерно через час?

— Извините, да, конечно, можете, но на самом деле разговор отнимет всего минуту вашего времени. Я неоднократно пыталась дозвониться до вас по домашнему телефону, но вы были недоступны и не ответили ни на одно из оставленных мной сообщений.

— Прошу прощения, у вас, должно быть, неправильный номер. Я не получала никаких

сообщений, — говорю я, делая глубокие вдохи, пытаюсь усмирить сердце, так как оно колотится так сильно, что ощущаю его в животе.

— Я оставила несколько сообщений вашему сыну, Хантеру.

Опустив голову, крепко зажмуриваюсь. Хантер. Я видела, что с ним что-то происходит. Казалось, он нервничает всякий раз, когда звонит телефон, а разговаривая с отцом, он выглядел взвинченным... настолько, что после этих звонков ему требовался час, если не больше, чтобы расслабиться.

— Чем могу вам помочь? — сдаюсь я, зная, что сейчас ничего не могу поделать.

— Мне всего лишь нужно подтвердить кое-какую информацию и узнать имя и номер телефона вашего адвоката. Мы с вашим бывшим мужем пришли к согласию, что будет лучше, если с этого момента вопросы будут обсуждаться через адвокатов.

— В настоящее время у меня нет адвоката.

— Хм, — хмыкает она, и мои кулаки сжимаются. — Я работаю на вашего мужа, так что, на самом деле, мне не следует говорить вам то, что собираюсь сказать, мисс Колдер, но советую вам как можно скорее нанять адвоката.

Не знаю, каковы планы Макса, но он точно не отказался от идеи получить опеку над Хантером, и этот звонок тому доказательство.

— Я займусь этим вопросом и найду кого-нибудь, кто будет представлять меня, — тихо говорю я.

— Было бы хорошо. — Ее ответ такой же тихий, и если бы я не знала лучше, то поклялась бы, что ей жаль меня.

— Могу я спросить, какого рода соглашение об опеке просит Макс?

— В настоящее время он просит о полной опеке.

— Конечно, — шепчу, сделав глубокий вдох, и медленно выдохнув.

Закрываю глаза, задаваясь вопросом, сколько стоит хороший адвокат. У меня есть кое-какие сбережения, но их немного, так как большую часть я потратила на развод, а затем на переезд на Аляску.

— Какая еще информация вам нужна? — спрашиваю я, желая, чтобы этот звонок закончился.

— Мне нужно подтвердить ваш фактический адрес, а также имя, адрес и номер телефона человека, который присматривает за Хантером, пока вы на работе.

— В это время за ним никто не присматривает. Я работаю до пяти, до четырех он в летнем лагере, после которого отправляется домой и ждет меня.

— Хм, — снова хмыкает она, и от этого я стискиваю зубы, потому что звук неодобрительный.

— Извините, миссис Паттерсон, но только что вошел мой клиент. У вас есть адрес электронной почты, по которому я могу попросить своего адвоката связаться с вами, как только я его найму?

— Конечно. — Она диктует адрес электронной почты, я быстро его записываю и, пожелав ей доброго вечера, вешаю трубку.

Откинувшись на спинку кресла, тупо смотрю на стену перед собой, желание схватить Хантера и сбежать почти непреодолимо. Я буду бороться всем, что у меня есть, чтобы сын остался со мной, но я также знаю, что Макс позаботится о том, чтобы увидеть, как я испускаю последний вздох, отнимая у меня Хантера.

Даже не потрудившись налить в бокал, забираю открытую бутылку белого вина в свою комнату, выхожу на балкон и сажусь в кресло, положив ноги, все еще обутые в туфли на высоких каблуках, на перила. Поднеся бутылку к губам, делаю глоток. Обычно я бы не пила — или, скорее, не стала бы пить с мыслью напиться, — но поскольку Хантер проводит ночь у друга из лагеря, могу спокойно запить свои заботы и проблемы, не чувствуя себя ужасной матерью.

Проглотив прохладную жидкость, вздыхаю. Когда я вернулась с работы, Хантер уже был дома, и, как у нас повелось с первого дня, когда начала работать, а он посещать лагерь, сын взволнованно рассказал мне о своем дне. О лососе, которого поймал, и о том, как завтра их научат коптить и готовить вяленое мясо, которое он принесет домой. Затем спросил, можно ли переночевать у Фиана, а утром отправится с ним в лагерь. Семья Фиана устраивала пикник у реки, и он хотел пойти с ними.

После того, как я сказала «да» и увидела его счастливую мордашку, мне стало так паршиво от того, что придется расспрашивать его о причине, по которой он скрыл от меня важные сообщения. Когда я усадила его и спросила об этом, то не ожидала, что он так расстроится. В явном потрясении он сказал, что скучает по друзьям и отцу, но хочет остаться со мной. Он объяснил, что отец рассказал ему, что наймет адвоката, и Хантер скоро вернется в Сиэтл и будет жить с ним. Сын решил, что, если я не узнаю об этом, ничего не случится, и он сможет остаться там, где хочет. Меня убивало осознание того, что выбор не зависит ни от него, ни от меня. Некий человек, не имеющий реального понимания ситуации, будет решать нашу судьбу.

Сделав еще глоток из бутылки, откидываю голову на спинку кресла и смотрю на медленно темнеющее небо, жалея, что дедушки нет рядом. Он сказал бы мне, что все будет хорошо, или нашел бы способ сделать так, чтобы все было хорошо. Даже сейчас я не могу поверить, что его нет. Я действительно думала, что он будет жить вечно. В своей голове возвела его в ранг супергероя, бросившего вызов времени. Лучше бы я так не делала. Хотела бы я осознавать, что он был всего лишь человеком и что его время на земле ограничено, как и у всех остальных.

Тогда я поступила бы совсем по-другому. Убедилась в том бы, чтобы он знал, как сильно я его люблю и ценю. Четыре года назад, когда отношения между мной и Максом начали ухудшаться, дедушка переехал во Флориду и купил дом недалеко от пляжа. Он сказал мне, что устал от холода и снега на Аляске, но знаю, он сделал это для того, чтобы мне было куда пойти, когда, в итоге, положу конец лжи, которой, как мы оба знали, я жила.

За месяц до его смерти я сказала ему, что попросила Макса о разводе, и что, как только развод завершится, мы с Хантером переедем во Флориду в то же здание, в котором жил он. Дедушка опечалился из-за Хантера, но достаточно хорошо знал ситуацию, чтобы понять, что, оставаясь вместе, мы с Максом приносим больше вреда, чем пользы. Через три дня после нашего с ним последнего разговора, мне позвонил один из его соседей и сказал, что у двери дедушки скопились газеты и что он не отвечает на стук. Тогда я поняла, что его больше нет. Я поняла, что опоздала.

Помню, как пыталась дозвониться дедушке, но он так и не ответил. В конце концов, я обратилась в полицию и объяснила, что нахожусь в Сиэтле и не могу проведать его сама. Офицер, с которым я разговаривала, уверил меня, что он займется этим. Только четыре часа спустя я получила звонок, которого так боялась, звонок, давший мне понять, что единственный мужчина, который никогда меня не подводил, никогда не бросал, скончался.

У него случился сердечный приступ, и он умер во сне.

— Плохой день?

Я не подпрыгиваю, когда голос Зака прерывает мои размышления. Мое тело полностью расслаблено от выпитого алкоголя, но я перевожу взгляд в сторону Зака.

— В значительной степени. — Подношу бутылку к губам и делаю еще один глоток.

— Хочешь поговорить об этом? — спрашивает он.

Я поднимаю голову и пытаюсь сосредоточиться на нем.

— Ты случайно не знаешь дешевого, очень, очень, очень дешевого адвоката?

Он в замешательстве хмурит брови.

— Зачем тебе адвокат? — рычит он.

Я фокусирую на нем взгляд и поправляю:

— Дешевый адвокат.

— Ладно, зачем тебе дешевый адвокат?

— Обычное дело. Бывший пытается получить опеку над Хантером, потому что в дом забрел медведь, будто это я пригласила долбанного медведя к нам на завтрак. — Я делаю паузу. — Он меня принимает за идиотку? Я бы никогда не пригласила медведя в дом, — пьяно бормочу себе под нос.

— Что за херня?

— А я о чем? — Я вздыхаю, откидываю голову назад и делаю очередной глоток вина.

— Где Хантер?

— На вечеринке с ночевкой, — бормочу я, снова сосредотачиваясь на небе.

— Ясно. Спустись и открой входную дверь.

— Что? — Я хмурюсь.

— Спустись и открой входную дверь, — повторяет он, и мой взгляд перемещается на него.

— Зачем?

— Я сейчас приду.

— Нет, не придешь. — Я резко выпрямляюсь и чуть не падаю с кресла.

— Спустись и открой дверь, Шелби, — командует Зак.

— Нет, — сузив глаза, шиплю в ответ.

— Ладно, — бормочет Зак, и я начинаю откидываться на спинку кресла, а затем напрягаюсь, когда он отступает от перил на шаг, хватается за них и прыгает, почти бесшумно приземляясь на мой балкон. Я предполагала, что балконы между нашими домами расположены довольно близко, но до настоящего момента не осознавала, насколько.

— Не могу поверить в то, что ты только что сделал, — бормочу я в полном шоке.

— А теперь давай поговорим.

— Зак.

— Поговори со мной, — требует он, пододвигая ко мне другое кресло и садясь лицом вперед, облокотившись на колени.

— Какой же ты назойливый.

— Шелби.

— Где дети? Разве ты не должен быть дома с ними?

— Я в десяти футах от того места, где стоял на своем балконе. Если я им понадобится, они могут прийти и позвать меня. А теперь поговори со мной.

Отпив из бутылки, откидываюсь на спинку кресла и вздыхаю.

— Прекрасно. Когда медведь ворвался в дом, Хантер отправил фотографии Макс, а затем рассказал ему о том, как помог вам выпустить медведя на свободу. Макс взбесился и заявил, что заберет Хантера за то, что я подвергла его опасности, — тихо говорю я, качая головой от нелепости всей ситуации.

— У вас есть соглашение об опеке? — спрашивает Зак, забирая у меня бутылку, поднося ее к губам и отпивая. Желудок переворачивается от одной только интимности этого акта, и требуется большая концентрация, чтобы ответить на его вопрос.

— Н-нет, у нас устная договоренность, что Хантер будет жить со мной.

— Во время развода опека не обсуждалась? — Он хмурится, и я качаю головой, затем киваю.

— Обсуждалась, но судья согласился, что, поскольку мы уже пришли к согласию, нам не нужно ничего менять.

— А потом ты переехала сюда.

— А потом я переехала сюда, — соглашаюсь я.

— У меня хороший адвокат. Она уехала из Анкориджа, но приезжает в город на встречи с клиентами. Я узнаю, сможет ли она взяться за твое дело. Если нет, я помогу тебе найти того, кто сможет.

— Зак. — Я с трудом сглатываю и закрываю глаза, желая, чтобы он перестал быть милым. Я не могу смириться с тем, что он так добр ко мне.

— Детка, он не заберет у тебя Хантера, — ласково говорит он, неправильно меня поняв, и я чувствую, как его рука ложится на мое бедро, и мои глаза покалывает от слез.

— Ты его не знаешь. Он сделает все, что в его силах, чтобы не оставить мне сына. У Макса есть деньги и связи.

— Посмотри на меня, Шел, — тихо командует Зак, и я качаю головой. — Пожалуйста, детка, посмотри на меня.

С трудом сглотнув, открываю глаза и встречаюсь с ним взглядом.

— Не сдавайся еще до начала сражения.

— Я не сдамся. Я буду бороться до последнего вздоха, — шепчу я, удерживая его взгляд. — Никогда не сдамся, но я его знаю. То, каким Макс становится, когда что-то решает для себя. Он будет наносить мне удары до тех пор, пока внутри меня не останется ничего способного бороться.

С беспокойством и нежностью в глазах Зак подается вперед.

— В таком случае, хорошо, что я рядом, чтобы бороться за тебя.

— Не говори так. — Я откидываюсь назад, убирая его руку. — Я не хочу, чтобы ты боролся за меня.

— Я думал, ты вернулась.

— Что? — Я хмурюсь, гадая, о чем он говорит.

— Когда ты уехала, я думал, тебе просто нужно время прочистить мозги. Думал, ты вернешься. Потом один месяц превратился в два, а два — в три, ты не возвращалась, не отвечала на мои звонки. Ты бросила меня здесь, — приблизившись ко мне и понизив голос, говорит Зак,

— Мы говорим не об этом, — выдыхаю я, паникуя от поворота разговора, алкоголь в организме выветривался слишком быстро.

— Я начал пить, принимать наркотики. Делал все возможное, чтобы заглушить боль, с которой ты меня оставила, — признается он, и я в недоумении смотрю на него.

— С тобой все было в порядке. Кажется, ты это доказал, — шиплю я, и его лицо расслабляется, но глаза сужаются так, что я напрягаюсь.

— Ты охренеть как застряла в своей голове, ослепленная тем дерьмом, что сама себе навывдумывала.

— Нет, я просто знаю, что ты полон дерьма. У тебя не заняло много времени продолжить жить дальше, — напоминаю я, но больше для того, чтобы напомнить себе.

— Я никогда не продолжал жить дальше. Я застрял в прошлом, пытаюсь понять, как вернуть девушку, которой позволил уйти.

— Остановись. — Я отвожу от него взгляд. Не могу говорить об этом. Не сейчас, когда все остальное вокруг такое зыбкое, не тогда, когда я чувствую себя такой безумно уязвимой.

Его рука касается моего подбородка, и мои глаза обращаются к нему.

— Почему ты вернулась?

— Я уже говорила. — Чувствую, как сжимается челюсть.

— Да. Ты сказала, что здесь ты была счастлива.

— Дедушка...

— Нет, — прерывает он меня, не отпуская подбородок и заглядывая мне в глаза. — Мы были счастливы. Мы с тобой были счастливы.

— А потом стали несчастны, — выдавливаю я, и его взгляд на мгновение опускается, а рука перемещается от моего подбородка к затылку, сжимая.

— Ты права. В конце концов, мы стали несчастны. Мы были убиты горем из-за Сэмюэля, и никто из нас не знал, как справиться с этим, — говорит он, глядя на свои колени, затем поднимает глаза, чтобы снова встретиться со мной взглядом. — Но мы не ненавидели друг друга. Это не закончилось плохо. Между нами было много боли, но в то же время было много любви.

— Ты...

Я закрываю глаза, мне нужно привести мысли в порядок, что кажется невозможным, когда он сидит передо мной и говорит такие слова.

— Ты продолжил жить дальше, — повторяю я, чувствуя, как сердце снова разбивается. Я любила его. Я его любила, а он продолжил жить дальше.

— Не продолжил.

— От тебя забеременела другая, и ты женился на ней. Ты продолжил жить дальше, — повышаю я голос, и Зак качает головой и на мгновение отводит взгляд.

— Мне жаль это говорить, потому что знаю, это больно, но я не сожалею о том, что произошло между мной и Тиной, и никогда не пожалею об этом, потому что, в итоге, у меня двое удивительных детей, которых люблю всем сердцем. Это не значит, что я не сожалею о том, что потерял тебя.

— Это должны были быть мы! — кричу я, сжимая руки в кулаки, жалея, что не сдержала этих слов. Жалея, что так легко открылась перед ним, обнажая все, что так долго защищала. — Это должны были быть мы, — тихо повторяю я, отводя от него взгляд, глядя на деревья позади нас.

— У тебя когда-нибудь возникало сожаление о том, что у тебя есть Хантер? — тихо спрашивает он, и я замираю, устремляя взгляд на него.

— Никогда. — Я стискиваю челюсти.

— Конечно. Ты на такое не способна. Так как же ты можешь ожидать, что я буду сожалеть об Обри и Стивене?

Сплотнув, сильно зажмуриваюсь. Он прав. Знаю, что он прав. Если бы я не ушла, у меня не было бы Хантера, а у него, вероятно, не было бы Обри и Стивена, и мне бы ни за что не хотелось, чтобы он сожалел о своих детях.

— Я знаю, ты не хочешь, чтобы я сожалел о них, и знаю, ты мне не поверишь, но то, что я не пошел за тобой — мое самое большое сожаление.

— Перестань.

Я пытаюсь отодвинуться от него, но Зак встает и опирается руками на подлокотники кресла по обе стороны от меня, заставляя оставаться на месте.

— Это правда. Каждый день с тех пор, как ты ушла, я жил осознанием того, что не боролся за нас, не пытался найти способ заставить тебя остаться, не отправился за тобой и не вернул обратно.

— Кто знает, что бы с нами случилось, если бы я осталась или вернулась? — шепчу я, затем чувствую, как его рука скользит по моей вниз к безымянному пальцу.

— Ты права. Мы никогда не узнаем, что бы произошло, но должна знать, что я не продолжил жить дальше. Я не переставал тебя любить, — тихо говорит он, и его рука скользит вверх по моей руке к затылку. Теплые губы легко касаются моих губ, так легко, что я даже не уверена, что это было, и Зак оказывается в нескольких футах от меня. — Я уйду через парадную дверь. Запри за мной потом.

Затем он исчезает в моей комнате, закрыв за собой дверь. Не знаю, как долго я сижу после его ухода, думая обо всем, что он сказал, но к тому времени, как покидаю балкон, тьму надо мной усеивает миллион звезд.

Обри

— Стивен, — зову я брата в темноте комнаты, закрыв за собой дверь. — Стивен.

Я подхожу ближе к его кровати, затем спотыкаюсь обо что-то и чуть не падаю ничком на пол, обретая равновесие в последнюю секунду.

— Какого черта ты здесь делаешь, Бри? Выметайся отсюда, — ворчит Стивен, и я закатываю глаза, затем нащупываю лампу, которая, как знаю, стоит рядом с его кроватью, и включаю ее. — Какого хрена? — кричит он, и я прыгаю на него, зажимая ему рот ладонь и глядя на дверь.

— Не буди папу.

— Слезь с меня, — рычит брат из-под моей ладони, пытаюсь оттолкнуть, но я держусь крепко, как только могу, но он всегда был сильнее меня, так что мне требуется много сил.

— Я должна тебе кое-что сказать! — восклицаю я, когда он отдирает мою руку и отталкивает меня.

— Сейчас... — Он смотрит на часы. — Уже за полночь. Что тебе приспичило сказать мне в такой час?

Он щуриться, и я облизываю губы, размышляя, стоит ли рассказывать. Брат очень любит маму и всегда во всем принимает ее сторону, но у меня больше нет никого, с кем бы я могла поделиться.

— Бри, говори уже или убирайся.

— Папа любит Шелби, — пишу я, и его брови сходятся вместе.

— Что?

— Папа любит Шелби и любил ее всегда.

— И что?

— Что значит «и что»? — кричу я, затем захлопываю рот ладонью и прислушиваюсь, нет ли признаков того, что папа меня услышал.

— Ну, кому какая разница? — Стив пожимает плечами, укладываясь обратно, и тянется выключить лампу.

— Тебе все равно? — шепчу я, потирая руки. Он замирает, и его глаза возвращаются ко мне.

— Да, — бурчит брат, затем выключает свет, погружая комнату в крошечную темноту.

— Почему у папы никогда не было девушки?

— Не знаю, Бри, и мне все равно. А теперь уходи.

— Папа все еще любит ее и не переставал любить. Он сказал, что сожалеет, что не отправился за ней, когда она уехала.

— Он сказал это тебе? — Его тон полон недоверия, и я слышу, как скрипит кровать, а затем комнату наполняет свет.

— Нет, не мне. Он сказал это ей.

— Что?

Присев на край кровати, обхватываю себя руками за талию и прикусываю губу.

— Бри, — рычит он.

— Я пошла поговорить с папой, но он был с Шелби на балконе, и они разговаривали. Я услышала наши имена, поэтому прислушалась к тому, что они говорили. Он сказал ей, что сожалеет, что не отправился за ней и не привез обратно. Сказал, что не продолжает жить дальше и не перестает ее любить.

— Ладно.

— Что значит «ладно»? — восклицаю я, взмахивая руками.

— Просто «ладно». — Стивен пожимает плечами. — Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать. Ну влюблен в нее папа и что? Кого это волнует?

— Я хочу, чтобы папа был счастлив, — шепчу я. — Она не хочет давать ему шанса. Мы должны заставить ее дать ему шанс.

— Бри. — Он трет лицо и стонет.

— Пожалуйста, Стивен.

— Что ты хочешь, чтобы мы сделали? — Он вскидывает руки вверх. — Seriously, Бри, что мы можем сделать?

— Не знаю, но должен быть способ показать Шелби, какой папа хороший парень, и заставить ее тоже полюбить его.

— Ты сумасшедшая, Бри. Ты не можешь заставить людей влюбиться.

— Не стоило просить тебя о помощи, — бормочу я, жалея, что у меня нет друзей, с которыми я могла бы поговорить об этом.

— Я не говорю, что не помогу. Просто не знаю, что мы могли бы сделать.

— Ты мне поможешь? — выдыхаю я, рассматривая брата, чтобы понять, не лжет ли он.

— Я тоже хочу, чтобы папа был счастлив. — Он закатывает глаза.

Вскакивая, обнимаю его и крепко сжимаю.

— Я придумаю план.

С улыбкой отпрыгиваю, прежде чем Стив успеет оттолкнуть меня, а затем тихо выхожу из его комнаты, возвращаясь в постель, где последние четыре часа провела за попытками сообразить, как заставить Шелби влюбиться в папу.

ГЛАВА 6

Зак

Нажав на кнопку звонка, прислушиваюсь к звуку. Снаружи звучит ужасно, и я не представляю, каково слышать это внутри дома. Подождав несколько минут, смотрю на часы, затем на дверь. Сейчас только семь, но сегодня пятница и Шел должна готовиться к работе, так как банк открывается в девять. С другой стороны, если вчера после моего ухода она продолжила пить, возможно, у нее убийственное похмелье.

Позвонив еще раз, но так и не получив ответа, вытаскиваю из кармана связку ключей и перебираю их, пока не нахожу тот, который много лет назад дал мне Пэт. Раздумываю, не воспользоваться ли им, чтобы заглянуть на секунду.

— К черту, — бормочу я, вставляя ключ в замок и поворачивая его.

Когда щелчка не раздается, у понимаю, что Шел не заперла дверь на ночь.

Войдя в темный дом, подхожу к панели системы безопасности на стене, понимая, что она даже не включила сигнализацию.

— Шелби, детка, я отшлепаю тебя по заднице.

Покачав головой, направляюсь по коридору в заднюю часть дома, и обнаруживаю, что дверь в спальню широко распахнута. Шел все еще спит. Оглядев комнату, обнаруживаю что шторы задернуты, а жалюзи закрыты, отчего в комнате царит почти полная темнота.

Шагаю к кровати и мгновение рассматриваю Шел. Она спит на животе, подложив руку под щеку, нога вылезла из-под одеяла, густая грива волос закрывает половину лица. Перекинув их через плечо, наклоняюсь ближе, прижимаясь губами к ее уху.

— Шелби, проснись.

— Я сплю, — бормочет она, делая замах в мою сторону, и промахивается, а затем возвращает руку на прежнее место.

— Тебе нужно вставать. Через час у нас встреча с моим адвокатом, — тихо говорю я, жалея, что не могу разбудить ее своим ртом и руками.

— Что?

Даже во сне она выглядит очаровательно. Сводит вместе брови, надувает губы.

— У нас назначена встреча с моим адвокатом. Тебе нужно встать и собраться, — повторяю, проведя пальцем между ее бровями.

— Что? — опять спрашивает она, открывая один глаз.

— Вставай, детка.

Открыв оба глаза, Шел, моргая, смотрит на меня, затем оглядывается вокруг. Перекатывается на спину и внезапно садится, отчего одеяло спадает до талии, давая возможность увидеть ее грудь, просвечивающую сквозь гребаную кружевную вещицу.

— Что ты здесь делаешь?

— Я же сказал, мы должны встретиться с моим адвокатом.

— Как ты попал в дом? — Шел хмурится, смотрит на балконную дверь, потом снова на меня.

Чувствуя, как все веселье покидает меня, упираюсь руками на кровать по обе стороны от Шел, и наклоняюсь ближе, пока мое лицо не оказывается в дюйме от ее.

— Ты не заперла гребаную дверь прошлой ночью.

— Что? — выдыхает она, и это слово проносится по моим губам.

Шелби откидывает голову назад, и ее сонные глаза скользят по моему лицу, а затем опускаются к моим губам.

Хотел бы я ее поцеловать, но это плохо закончится. Во всяком случае, на данный

момент.

— Вчера ты не заперла дверь. — Я отстраняюсь, и она моргает.

— Заперла.

— Нет.

— Да.

Она прищуривается, и я выдыхаю. Спорить с ней было бессмысленно было и раньше, когда она считала, что права — вижу, ничего не изменилось.

— Тебе нужно вставать. — Я отступаю, и ее глаза прищуриваются еще больше.

— Я заперла дверь прошлой ночью, Зак, — шипит она, наклоняясь вперед. Очевидно, еще не закончив спорить, хотя я не заглываю наживку и не возражаю, потому что это чертовски бесполезно.

— Хорошо, ты ее заперла. Просто убедись, что продолжаешь запирасть ее, и в дополнении к этому, включай на ночь сигнализацию.

— Не указывай мне, что делать, — огрызается она, вскакивая с кровати.

Вот тогда я в полной мере осознаю, что на ней надето — темно-синее, почти черное прозрачное кружево на тонких бретельках прикрывает грудь, кремовый шелк опоясывает талию, и такое же темное кружево заканчивается на середине бедра. Я даже не задумываюсь, когда делаю шаг к ней или когда кладу руку ей на талию и чувствую под ладонью шелковистую ткань.

— Чт...

Не позволяя закончить то, что Шелби собиралась сказать, притягиваю ее к себе, свободной рукой обхватываю за затылок, и накрываю губами рот. Шел упирается руками мне в грудь, и я наматываю на кулак ее волосы и сжимаю крепче, но, когда провожу языком по ее губам, замирает. Даже секунды не требуется, чтобы ее тело обмякло в моих руках, а губы раскрылись, впуская мой язык внутрь.

Черт, ее вкус ничуть не изменился.

Рыча ей в рот, оттягиваю ее голову еще дальше назад, одновременно проводя рукой по боку и заднице, притягивая к себе. Член болезненно пульсирует, едва наши языки соприкасаются, а ее пальцы перебирают мои волосы. Я веду Шел обратно к кровати, она постанывает мне в рот, и я замираю, осознав, что делаю.

— Блядь. — Прерываю поцелуй. Руки Шел цепляются за мои плечи, грудь быстро поднимается и опадает, а глаза медленно открываются. — Нам нужно остановиться.

— Да, — выдыхает она, опуская взгляд на мои губы.

Выражение лица и глаз чертовски мешают мне не продолжить вести ее к кровати, к которой мы направлялись секунду назад.

— Шелби.

— Да? — выдыхает она, прижимаясь нежной грудью и телом ко мне, заставляя стонать от досады.

— Тебе нужно собираться. — Я сжимаю ее талию.

— Собираться?

Она моргает, глядя на меня, и я борюсь с собой, чтобы отпустить ее. Отступить на шаг назад, потому что, если я этого не сделаю, то все будет развиваться намного быстрее, чем она к этому готова.

— Прими душ и оденься. Мы должны встретиться с моим адвокатом через, — я смотрю на часы, — сорок минут.

— М-м-м? — Она оглядывается, потом снова смотрит на меня, будто только что поняла, где находится, с кем и что только что произошло. — Ты серьезно говорил об этом?

— Да, детка. — Стараюсь не рассмеяться, гадая, подумала ли она, что я сказал это только для того, чтобы прийти и разбудить ее. — Она в городе. Вчера вечером я отправил ей электронное письмо, и адвокат позвонила мне сегодня утром, сказала, что, если ты хочешь встретиться, у нее есть время сегодня до ее обратного рейса в Анкоридж. Она вылетает в одиннадцать.

— Правда? — тихо спрашивает она, глядя на меня широко распахнутыми, полными надежды глазами.

— Из-за твоей реакции мне трудно не поцеловать тебя снова, — честно признаюсь я, и ее нижняя губа исчезает за зубами, а глаза снова опускаются на мой рот. — Иисусе.

Я сжимаю кулаки по бокам.

— Собирайся. Я сварю тебе кофе. — Поворачиваюсь и быстро выхожу из комнаты, зная, что, если этого не сделаю, мы вообще не уйдем.

На кухне я завариваю кофе и наливаю себе чашку. Сажусь за стол и слушаю, как в соседней комнате шумит душ. Потирая руками лицо, пытаюсь усмирить член. Ночь прошла не очень хорошо. Я не планировал вываливать на нее все, но как только начал, уже не мог остановиться. Уходя, я понимал, что либо окончательно облажался, либо заставил ее взглянуть на вещи с моей точки зрения.

И все же, даже сидя сейчас здесь, я не знаю, по какому из двух путей мы пойдем. Откидываюсь на спинку стула и поудобнее устраиваюсь с кружкой, когда слышу звук приближающихся шагов. Наблюдаю, как она входит в кухню, одетая в коричневые сапоги на низком каблуке, темные широкие брюки и кремовый, почти белый свитер с толстым цветастым шарфом, обернутым вокруг шеи. Ее волосы собраны в тугий пучок, а на лице почти нет косметики.

— Ты быстро.

— На самом деле мне не требуется много времени на сборы, — отвечает она, и ее щеки розовеют, когда она отводит взгляд от меня в сторону кофейника. — Есть время приготовить что-нибудь перекусить?

— Да. Мы едем в коттедж. Он всего в десяти минутах отсюда.

— В коттедж? — спрашивает она, доставая из шкафа буханку хлеба.

Все время забываю, что Шелби здесь долго не было, и она даже не знает, как сильно все изменилось с момента ее отъезда.

— Старый консервный завод в конце дороги. Человек по имени Стэн Уинс купил его около семи лет назад и построил на территории коттеджный комплекс. Там есть конференц-зал, которым мой адвокат пользуется, когда приезжает в город на встречи с клиентами.

— Консервный завод с привидениями? — склонив голову на бок, спрашивает Шел, повернувшись в мою сторону.

— Ага.

— Вау. — Ее глаза расширяются. — Интересно, знают ли гости коттеджа, что они спят рядом с местом захоронения.

— Не уверен, что Стэн помещает это в буклеты, детка.

Я улыбаюсь.

— Умно. То место наводило жути, — бормочет она в ответ и вздрагивает, а я едва сдерживаю смехок.

В детстве мы бегали туда по ночам именно по этой причине. Жуткое место. Здания внутри были почти пусты, за исключением кроватей, небольшого количества личных вещей и оставленных документов. История гласит, что еще в конце 1800-х годов филиппинские рабочие, прибывшие по морю для работы на консервном заводе, заразились чумой, и, хотя каждый из них подписал контракт, в котором говорилось, что после смерти их тела будут отправлены домой, людей было так много, что компания решила поместить тела в деревянные бочки и похоронить за баракком, где они жили. По сей день местные жители говорят, что в этом районе все еще обитают духи обманутых людей, тела которых так и не были отправлены на родину.

— Будешь? — Шел показывает ломтик хлеба, выводя меня из задумчивости, и я качаю головой.

— Я в порядке, детка.

Кивнув, она отворачивается от меня и опускает ломтики хлеба в тостер, затем наливает кофе в дорожную кружку с рисунком из розовых роз.

— Сколько берет твой адвокат? — спрашивает она, размешивая молоко в кружке после того, как положила три ложки сахара.

— Она работает от случая к случаю. Если у нее будет время взяться за твое дело, по выплатам вы договоритесь.

— У меня есть кое-какие сбережения, просто сейчас их немного, — тихо говорит Шел, подходя ко мне.

Затем рассеянно берет мою чашку кофе, которую я приготовил для себя, возвращается к стойке и достает другую дорожную кружку, такую же, как у нее, но в мелкий цветочек с ярко-желтой крышкой, а затем выливает в нее мой кофе. Затем доливает немного кофе из кофейника.

— Поговори с ней сначала, а потом разберешься, как действовать дальше, — предлагаю я.

— Я так и сделаю. — С легкой улыбкой Шел протягивает мне кружку. — Мальчиковых нет. Извини.

Она пожимает плечами, и я киваю, забирая у нее кружку, чтобы она вернулась к тостеру.

— Как Обри?

— Что, прости? — спрашиваю я, наблюдая, как она достает из шкафа банку арахисового масла.

— Обри, эм... как она? — Шел замирает с ножом в руке и оглядывается на меня через плечо. — С ней все в порядке?

— Да.

— Хорошо, — тихо отвечает она, поворачиваясь обратно к стойке, где продолжает намазывать масло на тост.

— Почему ты спрашиваешь?

— Не уверена. — Она выдыхает, затем поворачивается ко мне. — Я не очень хорошо ее знаю, поэтому может мне это просто показалось, но когда Обри уходила отсюда в то утро после того, как помогла мне прибраться, казалось, она торопилась уйти. Я просто... — Шелби качает головой, и ее лицо смягчается. — Я не знала, сказала ли что-то, что расстроило ее, или она просто спешила домой, потому что вы вернулись.

Она пожимает плечами, откусывая кусочек тоста и прислоняясь спиной к стойке.

— О чем вы говорили?

Моя дочка застенчива и всегда была такой, вот почему у нее не так много друзей. Большинство не видят этого в ней и предполагают, что она ведет себя сдержанно или даже грубо, когда все совсем не так.

— Я предложила ей прийти как-нибудь ко мне потусоваться и испечь что-нибудь вместе. После этого, мне показалось, что ей не терпится сбежать от меня.

— Она застенчивая. Иногда ей требуется немного времени, чтобы привыкнуть к людям, — мягко отвечаю я, не желая ранить чувства Шел, но желая, чтобы она поняла, что не должна обижаться.

— Я поняла, что она застенчивая, но не думаю, что дело в этом. — Шел делает паузу, прикусывая щеку изнутри. — Мы смеялись, и казалось, ей было весело, пока я не сказала, чтобы она приходила в гости. — Она пожимает плечами. — После этого мне показалось, будто я сказала что-то не то.

Ее слова — удар под дых. Тина всегда была близка со Стивеном, но ее отношения с Обри — вечный хаос. Многие годы я настаивал, чтобы Обри и Тина занимались чем-нибудь вместе. Девчачьими штучками, которыми я, как мужчина и как ее отец, не интересовался. Но со временем Обри становилась все более и более непреклонной в нежелании проводить время со своей мамой, и Тина вела себя с ней все более сурово по той же причине.

— Ты не сказала ничего плохого. — Потираю затылок и опускаю глаза к ботинкам, затем встаю и беру кружку.

— Она очень милая, — тихо говорит Шел, и я поднимаю взгляд на нее. — Мне не нравится мысль о том, что я каким-то образом причинила ей боль. Вот и все.

— У нее не самые лучшие отношения с мамой. Уверен, твое предложение заняться чем-то таким простым, как выпечка, заставило ее грустить, потому что, как бы она ни была не согласна с поведением или действиями матери, но все равно хотела бы тусоваться с ней, хорошо проводить время и делать такую чепуху, как смеяться и печь торты, — объясняю я.

Шелби отводит от меня глаза и отправляет в рот последний кусочек тоста. Мгновение она быстро моргает, будто борется со слезами.

— Просто дай ей немного времени. Она придет в себя, — говорю я, а Шел кивает и направляется к раковине, чтобы вымыть руки.

— Обри сказала, что они с дедушкой собирали пазлы, — говорит Шелби ни с того ни с сего.

Я подхожу ближе и наклоняюсь, чтобы видеть ее лицо.

— Так и было, — соглашаюсь я, кладя руку ей на поясницу, после того как она выключает воду и прислоняется к раковине.

— Должно быть, Обри была очень ему дорога, и Стивен тоже. — Ее взгляд перемещается к моим глазам, и я киваю.

— Они росли, считая его своим дедушкой. Оба были раздавлены его переездом, и опустошены известием о его кончине, цветы у входа — дело рук Обри, она настояла на уходе за ними, когда твой дедушка уехал, — признаюсь я, и ее подбородок начинает дрожать.

— Хотела бы я, чтобы он рассказал мне о них.

Видя стоящие слезы в ее глазах, не оставляю ей выбора, прижимая к своей груди, обнимаю и кладу подбородок ей на макушку.

— Не уверен, что тогда ты была в состоянии слышать о моих детях и их отношениях с ним, и, зная Пэта, понятно, что он пытался защитить тебя от этого, — мягко говорю я, и Шел

прерывисто вздыхает, затем откидывается назад и смотрит на меня.

— Прости, если заставила тебя почувствовать, что ты должен сожалеть о Стивене и Обри. Я этого не хотела. Они оба — удивительные дети, — тихо говорит она.

Судорожно сжимаю руки вокруг Шел, открываю рот, но прежде чем успеваю ответить, она вырывается из моих объятий, бормоча что-то о том, что ей нужно взять сумочку, и покидает кухню. Откинув голову назад, задаюсь вопросом: как действовать дальше. Мой взгляд опускается на стойку, где бок о бок стоят наши кружки, и пусть у меня нет плана в отношении нас, но я буду двигаться вперед.

— Ух, ты, здесь действительно красиво, — говорит Шел останавливаясь рядом со мной, и я улыбаюсь лобовому стеклу.

— Уже не так жутко, да?

— Определенно, больше не жутко. Как на открытке, — говорит она, наклоняясь вперед, чтобы лучше разглядеть.

Район красивый и расположен прямо у воды. Старый консервный завод все еще стоит на своем месте в глубине, но теперь используется для хранения лодок и чистки рыбы. Когда-то полуразрушенные бараки переоборудовали для рабочих и посетителей. Посередине большой территории площадью десять акров расположена красная столовая, а коттедж находится в центре внимания.

— Стэн проделал большую работу и постоянно добавляет новые комнаты, так как места забронированы все лето рыбаками, туристическими и экскурсионными группами, а большую часть зимы — лыжниками.

— Понимаю, почему, — бормочет она, когда я подъезжаю к территории комплекса и паркую грузовик.

Повернувшись к ней, замечаю, как крепко Шел стискивает сумочку, так, что костяшки пальцев побелели.

— Все будет хорошо. — Тянусь к ней, заставляя расслабить руки. — Вы просто поговорите. Если адвокат тебе не понравится, мы найдем кого-нибудь другого.

— Спасибо за помощь, — тихо говорит она, и я киваю, затем смотрю в сторону здания.

— Иди внутрь. Я подожду тебя здесь, — заверяю я, и Шел расслабляется еще больше.

Я хочу пойти с ней и быть рядом, чтобы поддержать, если понадобится, но она этого не хочет. Каждый раз, когда речь заходила о ее бывшем, Шелби замыкалась в себе. В основном, из-за меня, и я не хочу, чтобы при разговоре она что-то скрывала от Мэнди.

— Спасибо.

Шел ненадолго закрывает глаза, затем посылает мне легкую улыбку, открывает дверцу и выскакивает из машины. Остановившись у полуприкрытой дверцы, просовывает голову в салон, смотрит на меня и ухмыляется.

— А кого мне спросить?

— На входе спроси Мэнди. Тебе укажут правильное направление, — посмеиваясь, бормочу я.

— Мэнди. Поняла.

Шелби посылает мне еще одну улыбку, а затем захлопывает дверцу. Наблюдая за ее походкой, мой взгляд опускается на задницу, когда Шел поднимается по лестнице в домик, и я сжимаю руки на руле.

— Черт, — бормочу я в пустоту кабины. Я определенно буду двигаться вперед.

Не проходит и двадцати минут, как Шел выходит из коттеджа, и я прерываю разговор по телефону и завожу грузовик.

— Как все прошло? — спрашиваю я, когда она открывает дверцу, забирается внутрь и ставит сумочку на колени.

— Хорошо, — говорит Шел, потянувшись назад за ремнем безопасности и пристегивая его.

— Просто «хорошо»? — настаиваю я, пытаюсь прочесть ее тон, и отъезжаю с парковки.

— Она мне очень понравилась, — вздыхает Шел. — Я просто не знаю, смогу ли позволить себе ее. Даже при рассрочке, сумма чуть выше, чем я могу себе позволить в данный момент, а я только недавно начала работать.

— Ты получаешь помощь от отца Хантера? — Выезжаю на главную дорогу, которая приведет нас обратно в город.

— Да, небольшую. Но такова была договоренность между нами, — тихо говорит она, и я знаю, что не услышу ничего хорошего.

— Сколько он тебе дает?

Шел возится с сумочкой, не глядя на меня.

— Не имеет значения.

— Шел, сколько он дает тебе в месяц?

— Пятьсот, — шепчет она, и мои руки сжимаются на руле.

— Что? — рычу я, поворачивая голову, чтобы посмотреть на нее.

— Все всегда было хорошо, — быстро говорит она. — Он оплачивает то, что нужно Хантеру дополнительно, и до сих пор я не хотела и не нуждалась в его деньгах.

— Пятьсот долларов в месяц — это ничто. Блядь, да Стивен порой может потратить эту сумму за один поход за продуктами.

— Нам это подходило, — восклицает Шелби, и я качаю головой.

— Чем он занимается?

— Кто?

— Твой бывший. Кем он работает? Чем зарабатывает на жизнь?

— Он юрист, — бормочет она, и я киваю.

Ничего удивительного. Одежда, которая на ней сейчас, хотя и несколько повседневная, выглядит дорогой, а сумочка на коленях, судя по принту с монограммой, обошлась ей, по меньшей мере, в тысячу долларов, если не больше.

— Он оказывает бесплатные услуги?

— Нет, — огрызается она.

— Мне жаль это говорить, детка, но твой бывший — мудака. Даже если ты согласилась на пятьсот долларов в месяц, он должен был дать тебе больше, несмотря на то, что ты его об этом не просила.

— Я сама не захотела больше, — шепчет она.

— Ты ему изменяла?

— Нет, конечно, нет, — незамедлительно следует ее сердитый ответ

— Тогда, почему? — рычу я.

— Просто так, — шипит она в ответ.

— Не может быть, — мгновенно бормочу я.

— Мы просто хотели разных вещей, — объясняет она, и я стискиваю руль. Мне ненавистно слышать боль в ее голосе, когда она говорит о нем. — Я не хочу, чтобы он был

прав. Не хочу, чтобы он знал, что я не могу справиться сама, или что мне действительно нужна его помощь.

— Нет ничего плохого в том, чтобы просить его помочь заботиться о родном сыне, — возражаю я, накрывая ладонью ее руку на коленях.

— Знаю, — бормочет она.

— Итак, что сказала Мэнди?

— Что вопрос с опекой обычно решается в пользу матери, но так как я увезла Хантера очень далеко от его отца, судья может отказать.

— Черт. — Стысскиваю зубы, зная, что она права. Обычно опека предоставляется матерям, но часто, если ребенок мальчик, а мать находится в другом штате, судья может решить, что мальчику будет полезнее расти с отцом.

— Я кое-что решу с Мэнди, а тем временем попытаюсь поговорить с Максом.

— Тебе не нужно с ним разговаривать, — выдавливаю я сквозь зубы.

— Он любит Хантера. Если я смогу заставить его понять, что его действия причиняют ему боль...

— Ему насрать. Он пытается причинить боль тебе, — прерываю я ее.

— Можешь высадить меня у банка? — просит она, вытаскивая руку из-под моей ладони.

— Шел...

— Я не хочу опоздать, — перебивает она.

— Хочешь, подгоню твой фургон?

— Дойду домой пешком, — тихо говорит Шел, и, улучив возможность взглянуть на нее, я вижу, что прогресс, которого мы достигли утром, сошел на нет, и она снова злится на меня.

— Я заеду за тобой. Вечером вы с Хантером пойдете ужинать с нами.

— Нет, не пойдем, — спокойно отвечает она.

— Я уже сказал Обри и Стивену, что вы придете, — лгу я и краем глаза замечаю, как при моих словах Шел напрягается.

— Ладно, — шипит она, и мне приходится сдерживать улыбку всю дорогу до банка.

Еще до того, как я успеваю остановить грузовик, Шел выскакивает из машины и огибают капот.

— Хорошего дня, детка, — кричу я, опустив окно.

Мои слова вызывают у нее испепеляющий взгляд и несколько взглядов прохожих. Ну а я просто улыбаюсь.

— Бри, Стивен, — зову я, входя в дом.

За мной медленно следует Пенни. Лекарства, которые собака принимает против инфекции, сделали ее немного вялой, но когда я забрал ее, она определенно была рада меня видеть. Либо это, либо она была счастлива выбраться из клетки, в которой находилась, пока восстанавливала силы.

— Да, пап, — отзывается Обри, останавливаясь наверху лестницы и перегибаясь через перила.

— Спускайтесь. — Я бросаю пакет с мисками и едой Пенни на стол у двери.

— О, боже мой! Ты подарил нам собаку! — визжит дочь, замечая у моих ног Пенни, затем слетает по лестнице вниз, заставляя собаку спрятаться позади меня и заскулить.

— Тише, красавица, — мягко говорю я, а Обри останавливается на полпути и смотрит на меня.

— Ты купил нам собаку? — спрашивает Стивен, и я гляжу на него, стоящего наверху лестницы.

— Спускайся. Я хочу поговорить с тобой и твоей сестрой.

— Конечно, сейчас только договорю с мамой, — бормочет он, исчезая из поля зрения.

— Что с ней такое, папа? — тихо спрашивает Обри, присаживаясь на корточки, опускаясь на один уровень с глазами Пенни, которая все еще прячется за мной.

— Объясню, как только твой брат спустится, — тихо отвечаю я.

Стивен снова появляется в поле зрения и спускается по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз.

— Поверить не могу, что ты привел собаку, — говорит Стивен, и я улыбаюсь ему, а затем отступаю назад, так что Пенни вынуждена встать передо мной.

— Это Пенни. — Я наклоняюсь, глядя ее по макушке. — Недавно она перенесла операцию и сейчас чувствует себя не очень хорошо, так что вам обоим придется быть с ней терпеливыми.

— Она такая милая, — тихо говорит Обри, опускаясь на колени и протягивая руку, чтобы Пенни ее понюхала. — Какой она породы?

— Частично — немецкая овчарка, и не знаю, кто еще.

Я улыбаюсь Обри, затем смотрю на Стивена.

— Почему ей делали операцию? — спрашивает сын.

— Она провела слишком много времени привязанной на улице без еды и воды. Веревка въелась в мех и кожу, вызвав инфекцию, и, чтобы удалить ее, пришлось сделать операцию.

— Люди такие уроды, — рычит он, и я чувствую, как грудь распирает от гордости.

— Так и есть, — соглашаюсь я, затем мягко продолжаю: — я привел ее сюда, чтобы вылечить и подыскать ей дом.

— Но... — начинает Обри, когда две пары глаз поворачиваются ко мне.

— Если вы, ребята, не докажете, что достаточно ответственны, чтобы позаботиться о ней, — пресекаю я их возражения.

— Я буду ее выгуливать, — тут же заявляет Обри, лаская макушку Пенни, а та прижимается носом к ее руке.

— Я тоже помогу, папа, — обещает Стивен, и я киваю.

— Там ее еда и миски. — Я киваю на принесенный пакет. — Покажите ей дом и окрестности, — подсказываю я, и Обри зовет Пенни следовать за ней, в то время как Стивен остается рядом со мной, и я уверен почему.

— Мама просила передать тебе, что завтра она будет дома, так что... тебе не нужно беспокоиться о том, что мы останемся там одни, — говорит он, подтверждая мои мысли.

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Я, наконец, поговорил с Тиной после нескольких дней, когда она избегала моих звонков. Она совершенно ясно дала понять, что все еще злится, но хочет видиться с детьми, и я уверил ее, что проблем не будет, если она будет проводить ночи с ними.

— Если она уйдет, Стивен, я верю, что ты мне позвонишь.

— Я позвоню, — бормочет сын, засовывая руки в передние карманы джинсов.

— Я забираю Шелби в пять, и мы все едем ужинать.

— Ужинать? — спрашивает он, бросая взгляд в направлении голоса сестры, разговаривающей с Пенни.

— Ужинать с ней и Хантером. Тебя это устраивает?

— Да, все в порядке. — Он кивает.

— Хорошо. А теперь иди, помоги сестре устроить Пенни и расскажи ей о плане. Мне нужно ненадолго съездить в участок.

— Хорошо, пап. — Сын снова кивает, и я похлопываю его по плечу, затем смотрю, как он идет к сестре, задаваясь вопросом, что, черт возьми, означала ухмылка на его лице.

ГЛАВА 7

Шелби

— Спокойной ночи, мам. Сегодня было весело.

Хантер устало улыбается.

— Я рада, малыш, — шепча, притягиваю его к себе и коротко обнимаю.

Целую его в макушку, отпускаю и подталкиваю к лестнице. Наблюдая, как он тащит за собой рюкзак, жду, пока сын скроется из виду, а затем плетусь в свою комнату и сразу в душ, позволяя горячей воде омыть ноющие мышцы. Я совершенно измотана, все тело болит после целого дня в походе на ледник с Чайлдсом и Хантером, который, казалось, обладал безграничной энергией. Выйдя из душа, кутаюсь в халат и направляюсь к кровати, падая вниз лицом.

С закрытыми глазами мысленно возвращаюсь к Заку и раздраженно рычу в подушку. Я не хочу влюбляться в него, но чувствую, что этого не избежать. Он так мил не только со мной, но и с Хантером, что совершенно не помогает. Перекатившись на спину, смотрю в потолок и глубоко вздыхаю.

Вчера я попыталась улизнуть с работы пораньше, чтобы избежать встречи с ним, но когда вышла из банка, Зак с улыбкой ждал меня у входа, прислонившись к борту своего грузовика. И его улыбка говорила — он знал, что я задумала. Я все еще злилась на него после утреннего разговора и дала ему это понять, а затем разозлилась еще сильнее, осознав, что он находит мое настроение забавным. После того, как я неохотно села в его грузовик, мы заехали к нему домой за детьми и за Хантером. Потом все поехали в гавань.

По дороге Обри взволнованно объяснила, что ресторан, в который мы направляемся, открыт только летом, а затем объяснила, как трудно получить там столик, если только вы не ее отец, кинозвезда или президент Соединенных Штатов. Я была так счастлива, что Обри разговаривала со мной и вела себя нормально, что почувствовала, как мое настроение изменилось. Зак почувствовал тоже самое и ободряющее коснулся моей руки.

Добравшись до гавани, я поняла, что Обри не просто хвасталась своим замечательным отцом. Парковка была забита машинами, и снаружи толпились люди в ожидании освободившегося столика. Ресторан представлял собой великолепное бревенчатое здание, выходящее окнами на океан, с двумя гигантскими террасами, смотрящими на воду. Как только мы вошли внутрь и расселись, дети — точнее, Обри и Стивен — расположились за столом так, чтобы мы с Заком оказались рядом, а Хантер между ними. С моего места открывался прекрасный вид на океан, вдалеке сумерки касались горизонта, а Зак и дети смеялись и хорошо проводили время, и я знала, что всю оставшуюся жизнь хочу таких моментов и подобных им.

После ужина мы спустились к пляжу, и Обри со Стивеном увели Хантера с собой наблюдать за выдрами и тюленями, которые плавали у берега, оставляя нас с Заком одних. Мы не разговаривали, пока стояли там, но его рука нашла мою. И было что-то значительное и прекрасное в том, чтобы держать его за руку, наблюдая за нашими детьми. Прежде чем я была готова, Зак позвал детей и сказал, что пора уезжать. Поэтому мы все забрались в его

грузовик и направились к нему домой, так как за ужином Обри упомянула, что испекла торт и не хотела, чтобы он пропал даром, так как они со Стивеном уедут к маме на остаток выходных. И вот так закончился один из лучших вечеров в моей жизни: мы с детьми Зака сидели в гостиной Зака, ели вкусный торт и собирали один из дедушкиных пазлов.

Услышав «тук-тук-тук», выныриваю из своих мыслей и хмурюсь, глядя на закрытую дверь спальни. Когда стук раздается снова, понимаю, что он доносится с балкона. Соскользнув с кровати, тихо пересекаю комнату и на дюйм отодвигаю жалюзи, гадая, не Луи ли это. Вместо него меня встречает Зак в джинсах, футболке с длинными рукавами с расстегнутыми пуговицами на воротнике и в кроссовках.

Полностью отодвинув жалюзи, пристально смотрю на мужчину и открываю защелку. Дверь открывается, у меня даже нет секунды, чтобы спросить Зака, что он здесь делает, как его рука оказывается в моих все еще влажных волосах, а рот обрушивается на мой. Подталкивая меня в глубину комнаты, Зак свободной рукой захлопывает за нами дверь, и мое тело тает в его объятии, а руки обвиваются вокруг его шеи. Зак облизывает мои губы, и от его вкуса, что взрывается на моем языке, я дрожу.

— Господи, — стонет Зак, скользя рукой по моей заднице, прикрытой халатом, затем проникает ладонью под ткань и двигается по обнаженным ягодицам вверх по позвоночнику.

Откинув голову назад, хнычу, чувствуя, как щетина царапает мою шею, а за ней следует его язык. Желая ощутить кожу, задираю на Заке футболку. Его руки на мгновение оставляют меня, чтобы стянуть футболку через голову. Как только препятствие исчезает, я свободно касаюсь гладкой кожи, пользуясь преимуществом, пробегаю ногтями по твердой груди, прессу, а затем делаю то же самое своим ртом, языком и зубами.

— Дай мне свой рот, Шел.

Я игнорирую мужчину, прикусывая его грудь, но затем всхлипываю, когда рука в моих волосах напрягается, оттягивая их назад, и Зак берет то, что требовал, проникая языком мне в рот. Он ведет меня через комнату и толкает на кровать, накрывая своим телом и одновременно распахивая халат.

— Зак, пожалуйста, — выдыхаю я, когда пространство между моими бедрами наполняется жаром, и его рука скользит вверх по моей икре и бедру, закидывая ногу себе на талию.

— Такая идеальная. — Его слова вибрируют на коже моей груди, а затем жадные губы смыкаются вокруг соска. Зак глубоко всасывает, заставляя меня выгнуть и впиться ногтями ему в спину.

— О, боже.

Я крепко зажмуриваюсь, чувствуя, как его пальцы легко скользят между моих ног. Передвинув руку между нами, хочу прикоснуться к себе, но вскрикиваю от досады, когда он сжимает мое запястье.

— Не надо.

Я замираю, и Зак отпускает мое запястье и возвращает пальцы туда, где они были, погружая сразу два глубоко внутрь меня.

Подняв голову, впиваюсь зубами ему в плечо, когда его большой палец обводит клитор, и чувствую, как внизу живота нарастает оргазм.

— Пожалуйста, не останавливайся. Я близко, — бормочу я, пробегая руками по его спине, по волосам. — Пожалуйста, я очень близко.

Прикусываю губу, а затем чувствую, как это происходит, заставляя меня врасплох, отправляя через край в крутое пике, и я кончаю, цепляясь за Зака.

— Мокрая, такая чертовски мокрая, — рычит он, и его губы возвращаются к моим, а пальцы возобновляют движение, снова подталкивая ближе к краю. Укусив мою нижнюю губу, его рот покидает меня, скользая вниз по шее, затем по груди.

— Что ты делаешь? — паникую я, когда его губы движутся вниз по моему животу.

— Собираюсь съесть тебя. — Он кусает меня там, и я пытаюсь сесть, но Зак надавливает мне на живот, чтобы удержать на месте.

— Ты не обязан этого делать.

Его брови сходятся вместе, отчего он выглядит почти пугающим. Я снова пытаюсь сесть, но когда его пальцы скользят по чувствительному клитору, выгибаю спину.

— Расслабься, — приказывает он, но я не могу. Мне больше не нравится оральный секс. Я хочу наслаждаться им, как и любая другая женщина в мире, но не могу расслабиться настолько, чтобы достичь этого, или, по крайней мере, не могла последние пятнадцать лет.

— Пожалуйста, просто иди ко мне, — умоляю я, затем хнычу, когда его палец снова скользит по клитору.

— Ляг на спину.

Я мотаю головой, но, когда его рука достигает моей груди, потягивая за сосок достаточно сильно, чтобы послать огненный заряд к клитору, падаю на спину. Прежде чем успеваю сказать больше, его рот оказывается на мне, и он ест меня, будто умирающий с голоду. Пожирает, облизывает, кусает и посасывает. Обхватив руками мои бедра, не позволяет сомкнуть ноги, ограничивая движения. Я скольжу пальцами по его волосам, и мое тело оживает под его ртом, заставляя испытывать то, чего я не чувствовала много лет.

— Зак.

Вжимаюсь головой в подушку, хватаюсь за простыни, выдыхаю его имя и сильно кончаю. Не успеваю полностью прийти в себя, как Зак накрывает мое тело, глубоко и крепко целует, и мой вкус смешивается с его вкусом на моем языке. Протиснув руки между нами, расстегиваю пуговицу его джинсов, затем опускаю их достаточно, чтобы обхватить его твердую длину.

— Хочу быть в тебе, — стонет он, покачивая бедрами, и моя рука скользит по члену.

— Да, — с трудом выдыхаю я.

Зак сдвигается в сторону, избавляется от кроссовок и джинсов, снова накрывает меня своим телом, а затем стягивает халат с плеч. Чувствуя жар его тела, я стону и обвиваю его ногами.

— Готова?

Зак приподнимается, обхватывает рукой член и скользит им вверх и вниз по клитору. Я блуждаю ладонями по его бокам и киваю. Затем он входит в меня, проникает глубоко одним быстрым толчком, от которого у меня перехватывает дыхание, стон срывается с губ, а спина выгибается над матрасом.

— Как я мог забыть? — спрашивает Зак, хотя не думаю, что вопрос адресован мне. Но мне все равно, потому что, когда он во мне, я впервые чувствую себя цельной.

Перекатившись на бок, не чувствую ничего, кроме кровати, и открываю глаза. Сев, оглядываю комнату, сердце начинает колотиться, когда я задаюсь вопросом: была ли прошлая ночь просто сном. Лишь моей фантазией. Затем в туалете спускается вода, и из

двери ванной входит Зак, на нем абсолютно ничего нет, кроме ласковой улыбки.

— Во сколько Хантер встает? — спрашивает он, подходя ко мне.

От его вида у меня пересыхает во рту. Он красив в одежде, но совершенно голый, за гранью совершенства, с крепкими мышцами, порослью волос на груди и уходящей линией от пупка до идеального члена, сейчас длинного, толстого, направленного прямо на меня.

— Детка, — зовет Зак, и я вскидываю голову, чтобы посмотреть ему в глаза, затем тянусь через кровать к тумбочке, и смотрю на будильник.

— Через час или около того, может, чуть позже. Вчера мы вернулись домой уставшими, — отвечаю я, натягивая простыню, чтобы прикрыть грудь, внезапно застеснявшись своей наготы, что абсурдно, так как прошлой ночью он видел все — абсолютно все.

— Хорошо, у меня есть время для поцелуя, прежде чем придется идти собираться на работу. — Он ухмыляется, вырывает у меня простыню и заползает на кровать, раздвигая мои ноги и устраиваясь между ними.

— Думаю, нам нужно поговорить, — начинаю я, пока его рот движется по моей челюсти и вниз по шее.

— Говори, — бормочет он, облизывая шею и заставляя мое тело снова ожить.

— Не думаю, что это умно, — стону я, поднимая ноги, чтобы обвить его талию, одновременно проводя руками по гладкой коже его спины.

— Неверно. — Его ответ мгновенный и уверенный, рука скользит вниз по задней части моего бедра к заднице, прижимая меня к нему.

— Я... о, боже, — выдыхаю я, когда его ладонь накрывает мою грудь, а большой палец скользит по соску.

— А это верно, детка. Можешь пытаться убеждать себя, что это не так, но мы с тобой оба знаем, что ты лжешь себе. — Его слова вибрируют на моей шее, а затем Зак приподнимается, чтобы посмотреть на меня. — Я видел выражение твоих глаз за ужином. Знаю, что это значило, потому что испытывал те же самые чувства, сидя там, рядом с тобой. С нашими детьми. Сейчас мы должны были быть здесь, в этом моменте. Нам суждено вновь обрести друг друга.

От его слов кислород в легких сгорает, и я задерживаю дыхание, не давая слезам, которые вот-вот подступят, пролиться.

— Я не хочу, чтобы мне причинили боль, — честно говорю я, и его ладони движутся, нежно обхватывая мое лицо.

— Не могу обещать, что все будет идеально, но я могу обещать, что никогда не причиню тебе вреда намеренно, и буду стараться сделать тебя счастливой, чтобы ты чувствовала себя в безопасности.

— Тебе не кажется, что между нами слишком много прошлого? — спрашиваю я.

Лицо Зака смягчается, затем наклоняется к моему, и он нежно целует меня, после чего отстраняется.

— Единственное, что я думаю — единственное, что знаю — это то, что последние пятнадцать лет в моей душе зияла бездонная пустота, и в тот момент, когда я увидел тебя, стоящую у дома под дождем, эта пустота заполнилась. — Слова вызывают поток слез, и Зак быстро смахивает их подушечками больших пальцев.

— Дело не только в нас, — пытаюсь я снова, не зная, почему вообще беспокоюсь. Я хочу этого, хочу его больше, чем следующего вдоха.

— Ты права. Дело не только в нас. Не говорю, что завтра мы поженимся или съедемся

на следующей неделе, но очень хочу этого и буду стараться сделать так, чтобы ты захотела этого так же сильно, как и я.

Думаю, сказать ему, что уже хочу этого, но не могу так открыться. Во всяком случае, пока.

— Не торопимся? — говорю я, и его лицо снова меняется.

— Не торопимся, — шепчет Зак мне в шею, а потом, снова заполняя, скользит внутрь меня.

— Не снова с Заком, значит? — тихо спрашивает Пол, и я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него, и вижу, как его ухмылка превращается в огромную самодовольную улыбку.

— Нет, мы не вместе. — Пол приподнимает бровь, и я выдыхаю, закатывая глаза. — Ладно. Да, мы встречаемся, но сейчас мы движемся медленно, — объясняю я, зная, что моя версия «медленно» совершенно отличается от версии Зака.

Мы не рассказали детям о нас, но я не сомневаюсь, что они знают, что-то происходит, судя по тому, как Зак ведет себя по отношению ко мне, даже в их присутствии. Не совсем неуместно, но все же его лицо меняется, когда наши взгляды встречаются, пальцы касаются друг друга, или его рука перемещается мне на поясницу, если мы стоим рядом. Они это видят. Должны видеть.

Хантер ведет себя так, будто ничего не замечает, и я не могу решить, хорошо это или плохо. Он никогда не видел меня ни с кем, кроме своего отца, и я не хочу его расстраивать. Обри выглядит счастливой всякий раз, когда случайно переводит взгляд с нас на Стивена, а Стивен... ну, от Стивена всегда исходят противоречивые вибрации. Хотя знаю, что дело не в том, что я ему не нравлюсь. Это потому, что он любит свою маму и предан ей, что не может не вызывать гордость.

— Рад видеть тебя счастливой.

Вынырнув из своих мыслей, обхватываю себя руками за талию и задерживаю дыхание, наблюдая, как Пол затягивается сигаретой. Я счастлива. Счастливее, чем за очень долгое время, и это пугает, потому что не хочу, чтобы мое счастье было связано с Заком. Хочу, чтобы оно было отдельным от чего-либо, чтобы я могла взять его с собой, если наступит момент уходить, когда у нас ничего не получится. Я должна была сделать это с Максом, но у меня не получилось. Я возложила ответственность за свое счастье — наше счастье — на его плечи, и это было несправедливо по отношению к нему. В конце концов, это стало для него непосильным бременем.

— Тебе следует бросить курить, — журю я его, и он смеется, а секундой позже выпускает большое облако дыма.

— Да, но от старых привычек трудно избавиться. — Он улыбается, затем склоняет голову набок. — Рад, что ты пришла.

— Я тоже. Мне очень нравится Джо. Она идеально тебе подходит. — При упоминании имени жены, его лицо смягчается, а глаза теплеют.

— В начале наших отношений, я поступал с ней неправильно. Держал на расстоянии, пытаюсь обезопасить себя, и вел себя как мудака.

— Что изменилось? — спрашиваю я, оглядываясь на дом, где Зак, Джо и все дети сидят за столом, разговаривают, пока мы с Полом общаемся во время его перекура.

— Она сказала, что беременна Денвером и что больше не может быть со мной. Что не

хочет воспитывать его с мужчиной, который рядом только тогда, когда ему удобно, а затем заявила, что собирается найти мужчину, который будет любить ее так, как она того заслуживает. Тогда я понял, что Джо найдет этого мужчину. Такой хорошей и милой женщине не потребуется много времени, чтобы найти того, кто даст ей то, что нужно, но я знал, что не смогу ее отпустить, поэтому собрался с духом и стал бороться за нас.

— Умная женщина.

— Сильная, такая чертовски сильная... и упрямая. — Пол ухмыляется, и его борода шевелится. — Потребовался весь период беременности, чтобы она одумалась. Только после рождения Дена, Джо сказала, что готова дать нам еще один шанс. Не знаю, что бы я делал, если бы она не приняла меня обратно.

— Ты хороший человек. В конце концов, она бы одумалась.

— Иногда женщина сломана настолько, что ее невозможно исцелить. К счастью для меня, я смог вылечить то, что сломал.

Проглотив комок в горле, я точно знаю, о чем речь, потому что, хотя Зак и не уничтожил меня, некоторые части все еще не зажили полностью.

— Вы разберетесь, — мягко говорит Полу, и я поворачиваю голову к нему. — Верю, что каким-то образом нас ведут именно к тому месту в нашей жизни, где мы должны быть, и я не сомневаюсь, что вам с Заком суждено сейчас быть здесь, так что теперь вам решать, как заставить это работать.

— Мне страшно, — признаюсь я. — Брак у меня был не самый удачный, и мы уже не те люди, что много лет назад. У нас обоих есть багаж.

— Вам просто нужно понять, как разделить груз между собой. Настанут времена, когда тебе придется носить повсюду его багаж, и времена, когда он будет делать тоже самое. В этом смысл отношений. Отдавать и брать. Удостовериться, что другой человек доволен.

— Несомненно, Джо наделила тебя мудростью. — Я улыбаюсь, и он улыбается в ответ, а затем делает длинную затяжку.

— Твой дедушка был бы счастлив. Он всегда хотел, чтобы вы двое снова сошлись, — говорит Пол, удивляя меня.

— Знаешь, он никогда не говорил со мной о Заке или его детях.

— И я понимаю, почему, но это не меняет того факта, что он знал, Зак — единственный для тебя, как и твоя бабушка была единственной для него.

— Он любил бабушку, — тихо говорю я. После ее смерти, дедушка так больше и не завел других отношений, по крайней мере, я о них не знаю. Дедушка так и не двинулся дальше.

— Да, и тот мужчина, сидящий за моим столом, тоже тебя любит. Никогда не сомневайся в этом.

— Я не...

— Доверься мне в этом.

— Он женился на Тине. Она забеременела от него, и он женился на ней.

— Все верно. И я не говорю, что он не облажался, но знаю, каким человеком Зак был тогда, и знаю, какой сейчас. Он поступил правильно по отношению к ней и своим детям. Я бы сделал тоже самое.

— Я не могу говорить об этом, — возражаю я, и Пол качает головой, затем тянется ко мне и берет за руку.

— Тебе нужно об этом поговорить. Это вас разлучило. Если вы этого не сделаете, то

ничего не получится. Зак хороший человек и хороший отец. Он любит своих детей до мозга костей. Тебе нужно найти способ примириться с тем, что произошло после того, как ты ушла. Я не говорю, что тебе должно это нравиться, но в жизни всякое случается, и в ней не всегда все идеально. Иногда путь к счастью полон испытаний и невзгод. Просто нужно понять, как преодолеть трудные времена, чтобы обрести свою частичку счастья.

— Почему Тина? Из всех женщин, почему именно она? — задаю вопрос, который не давал мне покоя.

— Не знаю. Это тебе придется спросить у него. — Пол пожимает плечами, отпускает мою руку, тушит сигарету, только чтобы взять другую из пачки на столе, и закуривает. — Но знаю точно, что света, появившегося сейчас в его глазах, не видел давно.

— Как я уже сказала, мы не торопимся.

— И, как я уже сказал, найди способ поговорить с ним. Получи нужные тебе ответы и примиришься с ними. Тебе не обязательно должно понравиться то, что он тебе скажет, но ты не захочешь оглянуться назад через десять, двадцать лет, и пожалеть, что не рискнула открыться.

Откинувшись на спинку кресла, ненадолго закрываю глаза.

— Думаю, часть меня все еще его любит, — признаюсь я, удивляясь, как это вообще возможно после такой долгой истории.

— Любовь не умирает. Иногда она превращается в нечто совершенно другое, но никогда не проходит.

— Я сама наделала ошибок. Знаю, что заставила его испытать, убедив, что усыновление Сэмюэля — полностью на его совести, будто Зак заставил меня пройти через это, когда он этого не делал.

— Еще один вопрос, которой вам нужно обсудить.

— Да, — соглашаюсь я, зная, что Пол прав. Нам действительно нужно поговорить об этом. Возможно, я этого не хочу, но, если мы когда-нибудь найдем способ наладить отношения, в какой-то момент нам это предстоит.

Услышав смех, доносящийся из дома, оглядываюсь и вижу, как Обри согнулась пополам в кресле, смеясь с Денвером, который сидит рядом с ней, наблюдая за ней с нежностью.

— Вот, дерьмо.

— Что «дерьмо»? — интересуюсь я, глядя на Пола, и он качает головой.

— Девчушка симпатичная. Только понятия не имеет, насколько она хорошенькая, и думаю, Ден только что это понял.

Оглянувшись назад, вижу, что Ден не сводит с нее глаз, а затем смотрю на Зака, проверяя, заметил ли он. И конечно же, его прищуренный взгляд и поза — будто он сейчас вскочит с места и совершит убийство, направлен на Дена.

— Лучше вернуться, пока твой сын не распрощался с жизнью, — бормочу я, а Пол усмехается.

Он тушит сигарету и открывает дверь, пропуская меня вперед.

— Над чем смеетесь? — Все взгляды устремляются на меня, Мэйзи ухмыляется, а Джо с улыбкой качает головой.

— Хантер рассказывал, как вы застали в доме медведя, — объясняет Джо, и я смотрю на Хантера.

— Твое лицо, когда ты увидела медведя, было забавным, мам, и то, как ты кричала. — Сын смеется, а Обри хихикает.

— Я удивилась. Не так уж часто ты оборачиваешься и обнаруживаешь на своей кухне медведя.

— Верно, детка, — мягко говорит Зак, и когда наши взгляды встречаются, я плаплюсь изнутри.

— Готовы к десерту? — Джо встает, и все дети говорят «да».

— Хорошо, нас ждет пирог с морошкой по рецепту моей бабушки с ванильным мороженым.

— Морошка, — шепчу я, и Джо с улыбкой смотрит на меня.

— Поможешь мне? — спрашивает она.

— Конечно.

Я следую за ней и когда прохожу мимо Зака, чувствую, как он проводит по моим пальцам. На кухне Джо уже достала из морозилки мороженое и сняла с пирога фольгу.

— Хочешь, займусь мороженым?

— Да, ложка в ящике рядом с холодильником, — указывает она, и я, взяв ложку, встаю рядом с ней у кухонной стойки.

— Я уже целую вечность не ела морошки. В Сиэтле ее нет, — объясняю я, и у меня текут слюнки.

Морошка похожа на малину или ежевику, но цвет варьируется от оранжевого до желтого, а иногда и розового, и отличается по вкусу — она сладкая и одновременно немного кисловатая.

— Ее трудно найти, если не живешь на Аляске. Летом я делаю желе и замораживаю ягоды, но к концу зимы она у нас всегда заканчивается.

— Нужно взять Хантера на сбор ягод и научиться собирать самим.

— С радостью вас научу. Дашь знать, когда захочешь пойти, и мы с девочками присоединимся к вам.

— С удовольствием. Я нашла мамины старинные приспособления для консервирования и очень хотела бы научилась ими пользоваться.

— Ты меня не помнишь, не так ли? — спрашивает Джо, кивая, и слегка улыбается.

— Нет, — тихо признаюсь я, задаваясь вопросом: должна ли ее помнить.

— Ты была маленькая, может, лет шести, когда я видела тебя в последний раз, — отвечает она, затем возвращается к пирогу. — Твоя мама брала тебя с собой, когда мы летом ездили собирать морошку. Вот почему я сегодня испекла этот пирог. Однажды она сказала мне, что это твое любимое блюдо.

— Верно, но я этого не помню.

Она кивает, кладя кусок пирога на тарелку передо мной.

— Ты выглядишь в точности как она. Пол мне говорил об этом, но увидев тебя вечером, я не могла поверить, насколько ты на нее похожа. Мы с ней были хорошими подругами. Знаю, меня не было рядом, когда она скончалась, но если тебе сейчас что-нибудь понадобится, я здесь.

— Спасибо, — тихо говорю я, и она снова кивает.

— Пол очень рад твоему возвращению. Он часто вспоминал о тебе все эти годы и всегда хотел связаться с тобой, но не знал, стоит ли ему это делать, — признается Джо.

— Я забыла, — шепчу я себе, на мгновение закрывая глаза.

— Что? — спрашивает она, кладя еще один кусок пирога на тарелку.

— Прости.

Я прочищаю горло, внезапно почувствовав волнение.

— Я забыла об этом. — Обвожу взглядом вокруг, потому что имею в виду все это. — Я забыла, что именно поэтому была счастлива здесь. Я заблокировала это.

— Я все еще не понимаю, милая.

— Когда люди, даже незнакомые, заботятся о тебе, — объясняю я, и она улыбается.

— Я тоже забыла, пока не вернулась. Такого не найдешь нигде, не так ли?

— Нет, не найдешь, — соглашаюсь я, и она толкает меня плечом.

— Ты отстаешь, милая.

Смеясь, принимаюсь за мороженое, а потом мы зовем детей на кухню, и они набрасываются на пирог, как голодная стая львов. К тому времени, как мы справляемся с десертом, наступает время прощаться. Еще один вечер, который я не хотела, чтобы заканчивался.

ГЛАВА 8

Шелби

Просыпаясь в постели, чувствую Зака позади себя и не могу удержаться от улыбки, когда слегка приоткрываю глаза.

— Я знаю, что ты проснулась, — говорит Зак мне в плечо. Ощущаю его губы, впитываю это чувство, а затем поворачиваюсь к нему лицом.

Прошло чуть больше трех недель после ужина с Полом и его семьей. С тех пор как мы сказали детям, что встречаемся. Ужинали каждый вечер вместе, то в доме Зака, то в моем. Мы с Обри готовили, а мальчики убрали со стола, если только не ели вне дома или не заказывали пиццу. Это было приятно — более чем приятно. Мне нравится, когда Зак и дети рядом, и я знаю, что Хантеру тоже нравится.

— И все же ты спишь? — спрашивает он со смешком, вырывая меня из моих мыслей. Проводит пальцем по щеке, заставляя глаза закрыться.

— Да, извини.

— Извини, что разбудил тебя.

— Я сама просила разбудить меня, если буду спать, когда ты придешь. Хотела знать, что ты дома, — отвечаю я, и его глаза перемещаются на мое плечо и затуманиваются. — Что такое?

Кладу руку ему на грудь, и его взгляд возвращается ко мне.

— Ничего.

— Скажи мне, пожалуйста, — тихо настаиваю я, и он накрывает мою руку, прижимая мою ладонь к своему сердцу.

— Мне нравится, что ты называешь то место, где бы ты ни была, «домом».

— Зак. — Мои пальцы сжимаются на его груди, и пульс учащается.

— Тина никогда не давала этого ни мне, ни детям, — продолжает он, и я напрягаюсь. — Не хотела, чтобы я будил ее, когда возвращался домой. Мы не ужинали вместе и не проводили время всей семьей, в детстве у меня не было дома, и я хотел его для своих детей и себя больше, чем чего-либо еще в этом мире.

— Тогда почему женился на ней?

Спросив, тут же задаюсь вопросом: действительно ли готова услышать, но уже слишком поздно. Вопрос прозвучал, и как бы сильно я не хотела знать ответ, мне он нужен.

— Хотел, чтобы у моих детей было то, чего не было у меня. Верил, что со временем мы сможем найти способ быть счастливыми.

— Может, нам не стоит говорить об этом, — пытаюсь я исправить ситуацию, когда тошнота и ревность скручивают желудок в узлы.

— Ты любила своего бывшего, детка. Я знаю, что любила. У меня этого не было. Я хотел любви, но после тебя так и не испытал ее ни с ней, ни с кем-либо еще.

— Пожалуйста, остановись.

Почувствовав, как из-за него слезы жгут глаза, я крепко зажмуриваюсь. В самом начале мы с Максом были счастливы и любили друг друга, и мне невыносимо знать, что у Зака никогда не было этого... дети этого не видели и не чувствовали.

— Хотел бы я, чтобы мое прошлое не причиняло тебе такой боли. Прости, что я причинил ее тебе. Если бы мог избавить тебя от страданий, я бы это сделал. — Зак притягивает меня к себе и кладет мою голову себе под подбородок.

— Как бы мне ни было грустно, я бы желала, чтобы у тебя было это с ней или с кем-то еще, — говорю я, и его объятия стискиваются так сильно, что мне становится трудно дышать.

— Нет, — рычит он.

— Что? — хриплю я, и он ослабляет хватку ровно настолько, чтобы я могла вздохнуть.

— Не хочу думать о том, что случилось бы, если бы я был с ней или кем-то еще, когда ты вернулась. Не хочу встречаться лицом к лицу с тем демоном внутри меня, который знает, как бы я поступил.

— Зак...

— Я любил тебя почти восемнадцать лет. Так долго носил в себе твои недостающие части, Шелби. Знаю, это делает меня мудаком, но для меня существуешь только ты. Кроме детей, ты — единственная, с кем я чувствую себя как дома. — Его голос полон эмоций, и эта пустота внутри меня заполняется немного больше. Мне ненавистно слышать его слова, но часть меня испытывает облегчение от чувств, что он питает ко мне, от того, насколько они глубоки.

— С момента, как мы отдали Сэмюэля, и я оставила тебя, внутри меня разверзлась бездонная пустота. Пустота, которая, как я думала, когда-нибудь, да и заполнится, но с тех пор, как вернулась, она постепенно заполняется, — шепчу я, коснувшись ладонью его щеки.

Зак замолкает от моих слов, проходит несколько мгновений, прежде чем заговаривает снова.

— Однажды эта пустота будет заполнена, — шепчет он в ответ. — Клянусь, всем, что у меня есть, детка, я позабочусь о том, чтобы она переполнилась и ты никогда больше не чувствовала себя опустошенной.

— Ты доведешь меня до слез, — бормочу я, и его голова склоняется к моей. Он нежно целует меня в губы.

— На слезы времени нет. Тебе нужно поспать, детка. Через несколько часов нам нужно встать, забрать детей у Тины, а затем отправиться в аэропорт, чтобы успеть на самолет, — напоминает он мне, и я понятия не имею, как забыла, что всего через несколько часов мы садимся в самолет и направляемся в Джуно на целый день.

Мы сядем на лодку и отправимся наблюдать за китами, а вечером самолетом перелетим в Анкоридж, где проведем ночь, а после повезем детей за покупками к школе. Это была моя идея. Кордова может предложить многое, но здесь не так много магазинов одежды, а Хантер, похоже, вырос на фут с момента нашего приезда сюда. Я также надеюсь уговорить Обри купить более подходящие вещи, которые помогут подчеркнуть ее красоту.

— Хантеру понравится, и это одно из любимых занятий Обри, — говорит он, и мое тело расслабляется.

Хантеру понравится, и каждый раз, когда вижу Обри счастливой, я тоже счастлива.

— Не могу дождаться. Хантер только об этом и говорил сегодня, — соглашаюсь я, пожимая его руку. — Мне нужно сказать кое-что еще. — Я зеваю, снова погружаясь в сон, и теснее прижимаясь к Заку.

— Что?

— Я тоже сожалею. — Я делаю вдох и замолкаю. Чувствую его взгляд на себе. — Прости, что из-за меня ты скверно чувствовал себя. Отдать Сэмюэля на усыновление было нашим совместным выбором, прости, что заставила тебя думать, будто ты вынудил меня сделать это. С моей стороны это было нечестно, и мне жаль, что меня не было рядом с тобой, когда ты нуждался во мне, — говорю я, ощущая, как его руки сжимаются, а мои веки смыкаются, и я засыпаю, не слыша его бормотания: «Чтоб меня».

— О, боже. Посмотрите на этого, — кричит Обри, указывая в воду.

На поверхность у борта лодки всплывает большой горбатый кит.

Рядом с ней Хантер и Стивен закатывают глаза, не так взволнованны, как она, потому что это не первый, а двадцатый кит, которого мы видели с тех пор, как вышли на лодке. Не то чтобы это уменьшило энтузиазм Обри. Она реагировала одинаково всякий раз, когда это случалось.

— Разве не круто, Шел? — выдыхает Обри, поворачивая ко мне свое улыбающееся личико.

Не раздумывая, касаюсь ладонью ее покрасневшей от холода щеки, думая, что она выглядит красивее и счастливее, чем раньше, и все потому, что делает то, что ей явно нравится, с людьми, которые ей важны.

— Очень круто, красавица, — соглашаюсь я, и ее лицо смягчается.

Она переводит взгляд на отца, который стоит позади меня, и я понимаю, что использовала прозвище, данное ей отцом. Я опускаю руку, и Обри снова переводит взгляд на воду, не говоря больше ни слова. Это заставляет меня жалеть, что я не сказала чего-нибудь другого.

— Все нормально, детка. Расслабься, — говорит Зак позади меня, и я киваю, затем вижу, как уголок губ Обри приподнимается, и мое тело расслабляется, откидываясь назад в объятия Зака. И я делаю глубокий вдох. — Она обожает тебя. Как и Стивен. Тебе не о чем беспокоиться, — шепчет он мне на ухо.

— Хорошо, — соглашаюсь я, затем смотрю на Хантера и вижу, как он смеется со Стивеном.

Я всегда хотела много детей. Чтобы Хантер рос с братьями и сестрами. Чтобы у него было то, чего не было у меня, но после его рождения Макс сказал, что больше не хочет детей, и я не стала возражать. Не хотела принуждать его к чему-то, что в долгосрочной перспективе могло бы вызвать у нас проблемы. Раньше мысль о том, что у Хантера не будет братьев или сестер, наводила на меня грусть, но, стоя здесь, я надеюсь и молюсь, чтобы он с нетерпением ждал таких моментов, о которых будет с радостью вспоминать, когда вырастет.

— Как насчет того, чтобы зайти внутрь и выпить горячего шоколада? — предлагаю я несколько минут спустя, когда, кажется, в передвижении китов наступает затишье.

— По мне, так неплохо, — соглашается Зак, сжимая мою талию. Берет меня за руку и

повел нас с детьми внутрь, где расположен небольшой киоск с напитками и едой.

Видя, что Зак расплачивается за напитки, я оглядываюсь на Стивена и Обри, сидящих за столом и пьющих горячее какао, а Хантер в сторонке смотрит в одно из больших окон, и кажется погруженным в свои мысли. С ним все было в порядке, но то, что происходит между его отцом и мной, сказывается на нем, и сын отказывается говорить со мной об этом.

— Сейчас вернусь, — говорю я Заку, и его взгляд скользит поверх моей головы к Хантеру.

Он понимающе кивает, затем наклоняется и целует меня в лоб. Слегка улыбнувшись девушке за прилавком, беру горячий шоколад и направляюсь к сыну.

— Малыш, ты в порядке? — спрашиваю я, оказываясь рядом с ним, но он не смотрит на меня, когда отвечает.

— Вот бы папа был здесь, — тихо говорит он, и мой желудок сжимается. Обняв его за плечи, склоняю голову к его голове.

— Может, вы сможете спланировать поездку вдвоем, когда он приедет к тебе. Держу пари, ему бы хотелось сделать нечто подобное с тобой.

— Может быть. — Он пожимает плечами.

— Я знаю, сейчас это может так не казаться, но все будет хорошо. — Прикусываю губу, надеюсь, что права.

— Хорошо, мам, — отвечает он без намека на убежденность.

— Отправь ему фотографию, — предлагаю я, и его тело напрягается, но я продолжаю, как ни в чем не бывало, хотя его реакция снова побуждает меня придушить Макса. — Расскажи ему, чем занят, и что хотел бы повторить это с ним как-нибудь.

— Конечно, — соглашается он, но я знаю, что он этого не сделает.

Когда мы впервые приехали в город, он не выпускал из рук мобильный, который я раньше ненавидела. Сейчас же в большинстве случаев нахожу его лежащим то здесь, то там, даже не заряженным. Макс должен был приехать в прошлом месяце, но в последнюю минуту отменил визит, не позвонив мне, а передав это через адвоката, чем доказал, какой он кретин.

— Пойдем сядем со всеми, — призываю я через мгновение, и Хантер кивает, затем следует за мной к столу, где устраивается рядом со Стивеном.

Я медленно влюбляюсь в этого мужчину. У него есть сила, которой не обладаю я, когда дело доходит до Хантера, и проходит всего несколько минут, прежде чем Стивен заставляет его смеяться.

— Не останавливайся. Я очень близко, — выдыхаю я в рот Заку, крепче обхватывая ногами его талию.

Пятнадцать минут назад мы зарегистрировались в отеле на ночь, и как только устроились в номерах, дети сказали, что собираются спуститься в бассейн, чтобы часок поплавать перед закрытием. Как только они ушли, Зак запер дверь и снял с меня одежду.

— Блядь, я сейчас кончу, — рычит он, затем переворачивает меня на живот, приподнимает мои бедра и врзается в меня сзади.

— О, боже.

Моя голова откидывается назад, и его руки скользят вперед, одна обхватывает мою грудь, другая проникает между ног, нацеливаясь на клитор. Зак вколачивается в меня снова и снова, заставляя погрузиться в оргазм, от которого перехватывает дыхание.

Рассеянно слышу, как Зак стонет позади меня, а затем его бедра полностью вжимаются

в меня и замирают, только звук нашего тяжелого дыхания наполняет комнату. Прислонившись лбом к кровати, пытаюсь отдышаться и взять под контроль сердцебиение. Достигать оргазма до Зака было сложно, но с ним это случается каждый раз. И каждый раз ошеломляет.

— Не двигайся, — командует Зак, медленно выходя из меня. Я хнычу от потери его, затем поворачиваю голову и смотрю, как он идет в ванную, и оттуда слышится звук льющейся воды.

Возвращается секундой позже, с губкой в руке, наши взгляды встречаются. Во время нашего второго раза я научилась не спорить об этом и не указывать, что сама могу привести себя в порядок. Не знаю, почему Зак настаивает, но делает это всякий раз. Расположившись на кровати, мужчина нежно вытирает меня, а затем я чувствую на спине прикосновение его губ. Еще одна вещь, которую он иногда делает. А если я лежу на спине, то он целует меня в губы или в живот, а потом уходит прополоскать губку.

— Теперь ты в порядке, детка, — тихо говорит он.

— Спасибо, — говорю я застенчиво, затем наклоняюсь и хватаю с пола трусики и джинсы.

— Что будем на ужин? — спрашивает он, влезая в джинсы и застегивая их.

— Не знаю. Что-нибудь полезное для здоровья, потому что дети съели много вредного на лодке, а затем в самолете, — говорю я, замедляя движения, и мои джинсы остаются натянуты до середины бедра. — Что? — спрашиваю я, видя выражение его лица.

— Ничего, — ухмыляется он, и я качаю головой.

— Думаю, через дорогу есть «Сабвэй». Можем поужинать там.

— Здоровая пища, — бормочет он, и я чувствую, как мое лицо морщится.

— Что?

— Мило, что ты всегда стараешься, чтобы дети питались здоровой пищей.

— Овощи важны, Зак.

— Конечно, — соглашается мужчина, улыбаясь шире, но его улыбка говорит, что он считает меня милой, и я выдыхаю.

— Я знаю, что ты, Стивен, и Хантер верите, листья салата и помидоры считаются овощами, но это не так, — говорю я, вскакивая, чтобы закончить натягивать джинсы и застегнуть пуговицу.

— Почему нет? — Он приподнимает бровь, упирая руки в бедра, и мои глаза сканируют его торс, желая, чтобы нам не пришлось одеваться. — Ты что-то говорила? — напоминает он, звуча слишком самоуверенно.

— Во-первых, салат — это грубая пища и не имеет реальной питательной ценности, а во-вторых, помидоры — это фрукт, так что они тоже не считаются.

— Не уверен, что в «Сабвэй» будет шведский стол из овощей, детка.

— Это лучше, чем «Бургер Кинг» или «Макдональдс», — бормочу я, выхватывая лифчик из его рук и надевая его. Тянусь за футболкой, которую он поднял и держит в руке, но Зак наматывает ее на мое запястье и притягивает к своей груди.

— Это отпуск. Дети почти не питаются в «Макдоналдсе» или «Бургер Кинге», так что, если им захочется туда сегодня, мы пойдем.

— А как насчет тебя? Ты уже не так молод, как раньше. Тебе тоже следует питаться здоровой пищей, — говорю я, и его лицо приближается к моему.

— Ты назвала меня старикашкой?

— Нет, — выдыхаю ему в губы.

Зак проводит рукой вниз, хватая меня за задницу и притягивает мои бедра вплотную к себе.

— Хорошо.

— Может, отпустишь меня, чтобы я могла надеть футболку?

— Вообще-то, мне не хочется, но ладно. — Он прикусывает мою нижнюю губу, затем отпускает, и я надеваю футболку через голову.

— Уверен, что вам с мальчиками будет удобно спать здесь? — спрашиваю я, оглядывая номер с двумя двуспальными кроватями, комодом и креслом, которое раскладывается в кровать.

— Все хорошо. Я же сказал тебе перестать волноваться.

— Знаю. Мне просто жаль, что одному из вас придется спать на кресле, в то время как у нас с Обри по большой удобной кровати.

— В следующую поездку у нас будет свой номер, мальчики смогут жить вместе, а Бри достанется отдельный номер. Сейчас им, наверное, все равно, но я хочу дать этому...

— Я согласна с тобой, — подтверждаю я, прерывая его. — Еще слишком рано.

Он делает шаг ко мне, входя в мое пространство, и я откидываю голову назад, чтобы посмотреть на него.

— Я хочу, чтобы вы с Хантером были в моем доме, как можно быстрее. Хочу, чтобы ты спала в моей постели, рядом со мной.

— У тебя нет свободной комнаты, — тихо указываю я, и он наклоняется ближе.

— Тогда мы останемся у тебя.

— Как думаешь, Стивен не будет против? — тихо спрашиваю я, кладя руки ему на грудь.

— С ним все будет в порядке. — Зак заправляет прядь волос мне за ухо. — Хантер теперь его приятель, и ему нравится, как ты ведешь себя с Обри. Я знаю, что ему требуется больше времени, чтобы оттаять...

— Понимаю, — прерываю я. — Мне нравится, что он любит свою маму и предан ей. Для него это нелегко. Стивен потрясающий, действительно потрясающий во всем.

— У нас есть время, чтобы разобраться во всем этом, но я не хочу ждать год. Дети скоро пойдут в школу, а потом наступит зима, городская жизнь замедлится. Я бы хотел разработать какой-нибудь план до того, как выпадет первый снег.

— Ты говоришь о том, чтобы съехаться? — спрашиваю я, и мои глаза расширяются.

Зак садится на край кровати и берет меня за бедра, устраивая между своих раздвинутых ног.

— Съехаться, выставить мой дом на продажу. — Он скользит руками мне под футболку. — Если только ты не хочешь переехать ко мне. В таком случае, Хантеру и Стивену пришлось бы жить в одной комнате. Очень не хочу поступать так с ними. Я бы хотел, чтобы у каждого из них было свое личное пространство. У тебя на три спальни больше, чем у меня, так что для нас имеет смысл переехать к тебе.

— Ты серьезно? — выдыхаю я, и Зак наклоняет голову в сторону, изучая меня.

— Да.

— Не думаю, что это значит не торопиться, — указываю я, и он ухмыляется.

— Для меня и это медленно.

— Что, если дела пойдут плохо? — спрашиваю я, и он притягивает меня ближе, если такое, в принципе, возможно.

— Не вижу никаких предпосылок, но если от этого ты почувствуешь себя в большей безопасности, мы можем сдать мой дом на зиму приезжающим лыжникам, заработать на этом немного и пустить деньги на нашу свадьбу.

— Теперь ты говоришь о браке? — Я чувствую, как мои глаза распахиваются невероятно широко, и он смотрит куда-то вправо от меня, что-то бормоча себе под нос. — Это не медленно! — восклицаю я, хлопая его по плечу.

— Дети счастливы. Я счастлив, и, думаю, ты тоже счастлива, если только я чего-то не упускаю.

— Нет, не упускаешь. Я счастлива, и, думаю, дети тоже, но совместная жизнь и брак... — Зак тянет меня вниз, усаживая себе на бедро, затем подается вперед, так что наши лица оказываются в дюйме друг от друга, и запускает пальцы мне в волосы, удерживая меня на месте.

— Я хочу, чтобы мы начали совместную жизнь — ты, я и дети. Хочу возвращаться домой к тебе, ложиться спать рядом с тобой. Хочу слушать твоё ворчание по поводу употребления овощей на ужин, и слушать, как ты называешь мою дочь красавицей так, как, я знаю, она это чувствует. Я хочу всего этого с тобой и даже больше, пока не испущу свой последний вздох.

— Если из-за тебя я расплачусь, то не смогу объяснить это детям, — говорю я, чувствуя, как по мне разливается тепло, и пустота внутри заполняется ещё больше.

— Тогда не плачь. Просто скажи, что мы с тобой думаем одинаково. Скажи, что хочешь того же, чего хочу я.

— Я хочу этого — ну, кроме ворчания, потому что это не ворчание, а хорошее воспитание. Дети должны есть овощи, и ты мог бы помочь мне в этом, без жалоб съев их тоже, — бормочу я, наблюдая, как он улыбается.

— Я буду есть овощи, детка, если только смогу съесть тебя на десерт.

— Не заводи меня, дети скоро вернуться, — ворчу я, и его улыбка становится самодовольной.

— Черт, хотел бы я, чтобы у нас было время, — говорит он мне в губы, прежде чем поцеловать глубоко и влажно, заставляя пожалеть, что у нас нет больше времени до возвращения детей.

— Что думаешь об этом? — спрашиваю я Обри, поднимая симпатичную темно-синюю кофточку с длинными рукавами, которая короче спереди и длиннее сзади.

— Милая, но не уверена, мое ли это, — говорит она, и я держу кофточку перед ней, закрыв один глаз.

— Смотрелось бы невероятно очаровательно с леггинсами и тем черным жилетом, которые ты подобрала, и твоими черными сапогами до середины икры, что ты надевала неделю назад, — предлагаю я, и она берет кофточку из моих рук, разглядывая ее.

— Ты действительно так думаешь?

— Просто примерь. Если понравится, она есть в разных цветах, — предлагаю я.

Обри пожимает плечами, а затем идет в примерочную с охапкой одежды.

Этим утром, прежде чем покинуть отель, я спросила Зака о выборе одежды Обри, и он сказал, что за походы по магазинам за одеждой для детей всегда отвечала Тина. Поскольку дочь отказывалась участвовать в этом, Тина просто покупала все, что угодно, вероятно, считая, что, если вещи покажутся неприглядными, Обри захочет выбрать их сама.

Я не стала указывать на то, что ее план не сработал, но спросила, могу ли сходить с Обри в несколько магазинов и показать кое-что. И то ли из-за того, что он просто мужчина, или потому, что действительно хотел, чтобы я взяла ее с собой, но Зак согласился без всяких споров.

Присев возле примерочной, смотрю на телефон и отправляю сообщение Заку, давая ему знать, что мы скоро закончим. Он, Стивен и Хантер покинули нас два часа назад с планами посмотреть какой-нибудь фильм о супергероях. Хантер и Стивен закончили ходить по магазинам и ясно дали понять, что хотят убраться из торгового центра. Зак не сильно отставал от них, достигнув своего предела, что меня вполне устраивало.

— Ты действительно думаешь, что это нормально? — спрашивает Обри, выходя из примерочной, в которой исчезла несколько минут назад. Убрав сотовый в сумочку, поднимаю голову.

— О, боже, — шепчу я. Кофточка идеально сидит на ней и подчеркивает талию, а леггинсы делают ее юной, модной и очень стильной. — Это прекрасно, но как тебе самой? — интересуюсь я, замечая ее неуверенность.

— Не знаю. Это не то, к чему я привыкла, но все равно удобно. — Обри пожимает плечами.

— Ты прекрасно выглядишь, милая, — мягко говорю я, ставя сумочку на соседний стул и вставая. — И одежда не обязательно должна быть неудобной, чтобы выглядеть стильной.

— Я просто не знаю, действительно ли это мое.

— Ты по-прежнему выглядишь сама собой. — Я беру выбранный ею жилет, и помогаю надеть его, затем отступаю на шаг. — Ты красивая девушка, и независимо от наряда, эта красота просвечивает насквозь.

Она смотрит на себя в зеркало, потом на меня и глубоко вздыхает.

— Не считаешь, что я слишком толстая, чтобы носить такое? — спрашивает она, и меня охватывает неловкость, но я пропускаю это мимо ушей, вспоминая, как чувствовала себя в ее возрасте. Как порой чувствую себя даже сейчас, черт возьми. Мир может быть жесток, и у каждого найдется свое мнение о том, что такое красота и как должно выглядеть женское тело.

— В тебе нет ничего толстого, и очень надеюсь, ты не считаешь, что у тебя избыточный вес, потому что это не так, ни на грамм.

— У Стивена есть пресс, а я...

— А ты девушка. У девушек есть формы. У нас должны быть формы. В них нет ничего такого, чего можно стесняться или чувствовать себя неуверенно. Сейчас у тебя тело молодой девушки, а однажды будет тело женщины. Тебе следует принять эту красоту. Это не всегда легко, но ты должна любить себя такой, какая ты есть. Ты совершенна.

Сглотнув, ее взгляд возвращается к своему отражению в зеркале, затем она поворачивается то в одну, то в другую сторону.

— Думаю, мне нравится. — Обри кусает губу, глядя на меня.

— Я рада, — говорю я с улыбкой.

— Как думаешь, могу я взять еще несколько других цветов? — тихо спрашивает она, улыбнувшись в ответ.

— Безусловно, — киваю я, ни капельки не заботясь о том, что, наверное, превышу лимит, данный мне Заком. Видеть ее счастливой стоит любого спора, который у нас может возникнуть.

— Спасибо, Шел.

— Всегда пожалуйста, милая, — подтверждаю я, подразумевая, что Обри не знает, насколько я серьезна.

Час спустя мы, наконец, заканчиваем с покупками, а мальчики выходят из кино, поэтому мы встречаемся с ними на фуд-корте, где мальчики наперебой рассказывают о фильме, который они посмотрели, поедая гамбургеры и картошку фри. К тому времени, как мы завершаем есть, у нас остается всего час, чтобы добраться до аэропорта, поэтому мы выписываемся из отеля, забираем вещи и мчимся в аэропорт, чтобы успеть на рейс домой в Кордову.

ГЛАВА 9

Зак

— Чья это машина? — спрашиваю я, и Шел, отстегнув ремень, оглядывается через плечо на свой дом, который мы только что миновали.

— Не знаю, — бормочет она.

Заглушив мотор, выхожу из машины, открываю заднюю дверцу детям, а затем обхожу грузовик сзади, где встречаюсь с Шел.

— Хантер, — раздается мужской голос, и все взгляды устремляются к соседнему дому.

В тот момент, когда мои глаза останавливаются на стоящем на крыльце мужчине в сшитом на заказ костюме и начищенных ботинках, понимаю, что это бывший муж Шел и отец Хантера. Чего я не знаю, так какого черта он здесь забыл.

— О, здорово, — шепчет Шел, когда Хантер тихим голосом произносит: «Папа», звуча не радостно, а обеспокоенно. Мой взгляд устремляется к мальчику, и я вижу, как Стивен берет его за руку, а Обри встает рядом, и они окружают его с обеих сторон.

— Макс. — Шел обходит меня, прежде чем мне представляется шанс ее остановить. — Что ты здесь делаешь?

— Ты сказала, я могу приехать, — заявляет он, удивляя меня. Засунув руки в карманы, мужчина обводит взглядом нашу компанию, затем смотрит на Шел.

— Забыла кое-что упомянуть, детка? — спрашиваю я, и она глядит на меня, закатывает глаза и снова переводит внимание на Макса.

— Нет, — отвечает она, направляясь к своему дому, а я следую за ней. Остановившись, она оглядывается на детей, которые все еще жмутся друг к другу, и обращается к Стивену. — Отведи Хантера к себе домой, милый. Твой папа или я придем за ним через несколько минут.

— Мама? — тихо спрашивает побледневший Хантер.

— Все в порядке, малыш. Иди со Стивеном и Обри. Я приду за тобой через минуту.

— Хорошо, — соглашается он, и Стивен, обняв Хантера за плечи, ведет его к нашей входной двери, откуда доносится дикий лай Пенни, понимающей, что все ее люди снаружи, пока она заперта внутри.

— Я приехал повидаться с сыном, — огрызается Макс, пристально глядя на Шел, остановившуюся у подножия лестницы, затем переводит хмурый взгляд на меня, когда я кладу руку ей на поясницу.

— А ты кто, черт возьми?

— Зак Уоттерс, городской шериф, — заявляю я.

Глаза Макса вспыхивают пониманием, затем возвращаются к Шел.

— Seriously? — спрашивает он.

— Мы не будем устраивать разборки здесь, — бормочет она, поднимаясь по ступенькам к двери, распахивает ее без ключа, — чем выводит меня из себя — и придерживает ее открытой для нас. Как только мы оба оказываемся внутри, она захлопывает дверь и поворачивается к Макс, указывая на него пальцем.

— Ты не можешь говорить это всерьез.

— Я приехал не устраивать драму, Шел. Я приехал повидаться с Хантером. Он не отвечал на мои звонки, и ты тоже.

— Ты с ума сошел? Ты хоть задумывался?.. — Она качает головой и опускает глаза в пол. — Забудь. Не отвечай на это. Мы оба знаем, что ты не остановился, чтобы подумать. Ты никогда этого не делаешь. Мир всегда вертится только вокруг тебя, и к черту то, что чувствуют остальные.

— Я приехал сюда не за этим.

— Хорошо, тогда зачем ты сюда приехал? — Она вскидывает руки в воздух.

— Я же сказал: хотел увидеть Хантера.

— Я рада. Знаю, ему понравится, что ты рядом, — тихо говорит она, затем делает глубокий вдох и медленно выдыхает. — Но это не нормально. То, что ты сделал... То, что ты сделал, расстроило его. Ты это понимаешь? Ты сказал ему, что он вернется в Сиэтл вместе с тобой, и из-за этого он сходит с ума от беспокойства. Твой сын любит тебя, Макс, но он также любит и меня, и с твоей стороны несправедливо заставлять его чувствовать, что Хантер должен выбирать между нами.

— Почему ты здесь? — спрашивает меня Макс.

— Я здесь ради Шел. — Я выпрямляюсь, скрещивая руки на груди, зная, что если Шел захочет, чтобы я ушел, она мне скажет. Хотя я все равно не уйду.

— Присутствие Зака не имеет никакого отношения к тому, что ты не понимаешь, что наш сын испугался в ту секунду, когда услышал твой голос и увидел тебя возле нашего дома минуту назад.

— Я бы никогда не причинил ему вреда, — рявкает он, подаваясь вперед.

— Отойди, — рычу я, и каждый мускул в моем теле напрягается.

— Не указывай мне, что делать.

— Ты нападаешь на мою женщину, я более чем могу указывать тебе, что делать.

— Этот парень серьезно? — спрашивает он, указывая на меня и одновременно глядя на Шел.

— Да только потому, что тебе нужно перевести дух и успокоиться. Я знаю, ты расстроен и знаю, что не причинил бы Хантеру вреда. Не нарочно, но ты сделал это, — тихо говорит она, и он, нахмурившись, отступает.

— У него должен быть отец.

— Да, должен, но несправедливо заставлять его чувствовать, что ему нужно выбирать между двумя людьми, которым он может доверять, чтобы быть уверенным, что он счастлив и в безопасности.

— Ему не нужно выбирать.

— Он был счастлив, Макс. До всей этой истории с адвокатами и опекой он был счастлив. Он обустроивается здесь, заводит новых друзей, отправляется в приключения, но также делится всем этим с тобой и с нетерпением ждет вашей встречи. — Шел указывает на бывшего. — Когда он в последний раз звонил тебе, чтобы рассказать о том, как провел день? Звонил ли он, чтобы рассказать о лагере или новых друзьях? — тихо затем спрашивает она.

— Я уже сказал тебе, Шелби, что не разговаривал с ним некоторое время.

— Сказал, но тебе неинтересно, что может это твои слова заставили нашего сына закрыться от тебя? Он с радостью поделился с тобой чем-то, а ты взбесился из-за этого и сорвался на нем и на мне.

— Это был медведь, а не чертов котенок.

— Хантер был в безопасности. Я бы никогда не подвергла его угрозе. Я бы лучше отрубила себе руку, Макс. Ты же знаешь, — говорит она, и его плечи слегка опускаются.

— Я скучаю по нему. Скучаю по вам обоим, — признается Макс и мне требуется все силы, чтобы оставаться на месте и держать рот на замке.

— Макс, пожалуйста, не надо. Ты мне дорог. Так будет всегда, но мы расстались. Единственное, чего я хочу, это чтобы у Хантера были мы оба.

— Ты забрала его у меня.

— Я не забирала его у тебя. Я переехала. Почти за год до переезда я говорила тебе, что собираюсь покинуть Сиэтл. Мы с тобой договорились, что Хантер должен жить со мной.

Проводя рукой по волосам, он откидывает голову назад.

— Мне это не нравится.

— Я понимаю, но Макс, ты можешь мне честно сказать, что, если бы он жил с тобой, ты проводил бы время дома? Ты бы не работал все время и не уезжал по делам так часто, как сейчас? — спрашивает она, и его лицо становится суровым.

— Я должен работать.

Сглотнув, лицо Шел смягчается. Она на мгновение прикусывает губу.

— Конечно, должен, и я знаю, что ты любишь то, чем занимаешься, но если бы Хантер жил с тобой, кто бы с ним оставался, когда ты на работе или в отъезде? — мягко спрашивает она.

— Я найму няню.

— Когда мы узнали, что я беременна, мы оба хотели одного. Мы хотели, чтобы наш сын знал, что его любят, — говорит Шел, и меня пронзает боль, потому что этого мы хотели и для Сэмюэля. Мы хотели, чтобы он знал, что его любят без всякой причины. Помимо того, что мы создали его, еще хотели, чтобы у него была семья, которая дала бы ему все, что он желал и в чем нуждался. Все, что мы не могли дать ему в то время. — Ты как-то сказал мне, что не хочешь, чтобы Хантера воспитывала няня. Чтобы он не рос, как ты, с постоянным чувством, что никому на самом деле нет до тебя дела, кроме людей, которым платят.

— Мы не будем говорить об этом в присутствии твоего парня. — Макс выжидающе поворачивается ко мне.

— Я не уйду, — спокойно заявляю я, и лицо Шел смягчается еще больше. Она встает передо мной, но глаза Макса все еще прикованы к моим поверх ее головы.

— Мы с Хантером строим здесь жизнь, и часть этой жизни включает в себя Зака и его детей. Я не буду говорить о твоём прошлом при нем, если ты этого не хочешь, но он никуда не уйдет.

— Я знаю, кто он, Шелби, — говорит Макс, опуская на нее глаза.

— Да, знаешь, — мягко соглашается она, делая шаг назад ко мне. — А он знает, что ты отец Хантера, и мужчина, угрожавший забрать у меня сына всего несколько недель назад.

Его ноздри раздуваются.

— Ты должна понимать, почему я это сделал.

— Я понимаю. Правда, понимаю. Разлука с ним убила бы меня, но, насколько я знаю,

может наступить время, когда он захочет жить с тобой. Будет хреново, но если это все-таки случится, я разберусь. И не буду заставлять его чувствовать, что у него нет выбора, нет голоса или мнения в том, что происходит. Я не заставлю его чувствовать, что он должен выбирать между нами.

— Отлично, — рычит он, вскидывая руки в воздух. — Я позвоню своему адвокату в понедельник и все отменю.

— Макс, — вздыхает Шелби. — Твои действия ошеломили меня и причинили боль нашему сыну. Я не хочу повторения этого через несколько дней, недель или месяцев, когда тебя не устроит, как идут дела. Так что если существует необходимость в фиксации всех условий документально, пусть адвокаты займутся этим.

— Я беспокоился.

— Я знаю и понимаю твои чувства, но тебе следовало остыть и поговорить со мной. Дать мне шанс объяснить ситуацию и поверить, что я никогда не подвергну Хантера опасности.

— Знаю. — Он проводит рукой по волосам. — Я поговорю со своим адвокатом и придумаю, как со всем разобраться. Такого больше не повторится.

— Спасибо, — тихо говорит она, затем поворачивается ко мне. — Ты не мог бы сходить за Хантером и сообщить детям, что все в порядке?

— Конечно, детка, — соглашаюсь я, сжимая ее плечо и целуя в лоб, затем развернулся и направился к своему дому.

— Все в порядке? — спрашивает Хантер, как только я открываю дверь и нахожу всех детей и Пенни, сидящих внизу лестницы, прижавшись друг к другу.

— Да, малыш. Все хорошо. Пойдем. Я провожу тебя.

— Я не хочу возвращаться в Сиэтл. Не хочу оставлять маму, — заявляет он, не двигаясь с места, и что-то внутри меня меняется.

Подойдя к нему, я опускаюсь на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне, и кладу руку ему на шею.

— Ты не оставишь маму. Твой папа просто хочет провести с тобой время, поэтому приехал тебя навестить.

— О, — бормочет он, и Стивен легонько толкает его в плечо.

— Я же говорил, что все в порядке.

— Да. — Хантер оглядывается назад, туда, где сидит Стивен, и хотя я не вижу выражения его глаз, знаю, что он смотрит на него с восхищением.

— Может, завтра мы все сможем поужинать с твоим папой, — вмешивается Обри, и я борюсь с улыбкой и встаю.

— Не думаю, что это произойдет, красавица, но ты увидишься с Хантером и Шел. Хорошо?

— О, ладно, — соглашается она.

— Бри, ты реально сумасшедшая, — бормоча, закатывает глаза Стивен.

— Я не подумала, — ворчит она, шлепая его по руке.

— Неважно. — Он встает. — Я разгружу грузовик, пап.

— Спасибо, приятель.

Я киваю сыну, затем провожаю Хантера обратно к Шел. Я не задерживаюсь надолго после того, как завожу его в дом. Им нужно поговорить без меня. Час спустя я возвращаюсь с

сумками Шел и Хантера и убеждаюсь, что они не против того, чтобы Макс остался у них на ночь. Шел не в восторге от этого, но уверяет, что с ней все будет в порядке. Я неохотно оставляю ее с влажным поцелуем на губах, прежде чем отправиться домой.

Услышав глухой удар и громкое: «Ох, черт, как больно», я скатываюсь с кровати и иду к балконной двери, чтобы открыть ее, а затем спешу к Шел, растянувшейся на балконе.

— Господи, детка, ты в порядке?

— Нет, мое эго уязвлено, — стонет Шел, глядя на меня, и я улыбаюсь ей сверху вниз, затем подхватываю на руки и несу в спальню, закрывая за нами дверь. — Ты так легко перепрыгивал, — жалуется она, и я смеюсь, укладывая ее на кровать.

Затем включаю лампу, видя, что на ней обрезанные спортивные штаны, моя клетчатая рубашка, которую я так и не попросил ее вернуть, и носки до середины икры.

— Мои ноги такой же длины, как твое тело.

— Это правда, — ворчит она, потирая колено.

— Насколько все плохо? — спрашиваю я, убирая ее ладонь, чтобы посмотреть самому.

— Я в порядке. Все нормально. — Она морщится, когда я провожу пальцами по образующемуся синяку.

— Надо было воспользоваться дверью.

— Я не хотела стучать и будить детей. — Она закатывает глаза, и я беру ее лицо в ладони.

— Ты могла бы позвонить мне, и я бы встретил тебя у двери. Тогда тебе не пришлось бы стучать и будить детей.

— Об этом я не подумала. — Шел хмурится, и я наклоняюсь, чтобы поцелуем стереть это выражение с ее лица.

— Теперь будешь знать. В следующий раз, когда тебя обуяет зов плоти.

— Это не зов плоти. — Она смеется, откидываясь назад, и я наклоняюсь ближе.

— Неужели? Сейчас уже больше часа ночи. Иначе зачем тебе появляться у моей двери в такое время?

— Я хотела поговорить, — лжет она, и я ложусь на кровать, обхватываю руками ее ноги и раздвигаю их, освобождая себе место между бедрами.

— О, да? И о чем ты хотела поговорить?

— Я... эм... ты... — выдыхает она, откидываясь на спину.

— Очень интересно, — ухмыляюсь я, и ее глаза сужаются.

— Ты сбиваешь меня с толку. Ты так на меня набросился, что я забыла, о чем хотела поговорить.

— Через минуту я планирую проникнуть в тебя, детка. Как думаешь, тогда ты вспомнишь?

— Да, то есть, нет, — говорит она, и я улыбаюсь ей в губы, а затем убеждаюсь, что она не может вспомнить, о чем хотела поговорить, что не занимает много времени.

— Зак, слезь с меня. Мне пора вставать, — шепчет Шел, и я чувствую, как ее пальцы скользят по моим волосам, а теплое мягкое тело извивается подо мной.

— Спи. Еще слишком рано, — ворчу я, подминая ее глубже под себя и обнимая за талию.

— Обычно я бы согласилась, но мне нужно вернуться домой и собраться на работу.

— Который сейчас час? — Открываю один глаз и вижу, что в комнате светло, но это мало что значит, так как летом рассвет на Аляске может сыграть с вами злую шутку.

— Всего семь, но у Хантера лагерь, так что он скоро встанет, и я хочу быть дома до того, как это произойдет.

— Как долго Макс пробудет здесь? — спрашиваю я, приподнимаясь на локте и глядя на нее сверху вниз.

— Сказал, несколько дней. Не знаю, сколько это в его понимании. Я не обсуждала эту тему с ним, но надеюсь, несколько дней закончатся в среду. Не знаю, как долго я смогу жить с ним под одной крышей.

— Ты всегда можешь провести ночь со мной. — Я улыбаюсь, пробегая пальцами по волосам сбоку от ее головы и разбрасывая их по подушке.

— Наверное, останусь на ночь здесь. И скажу Хантеру, что я у тебя, чтобы он не волновался, если случайно зайдет ко мне в комнату и не найдет меня.

— Конечно, и я скажу детям, что ты будешь ночевать у меня. — Я игнорирую выражение ее лица. — Как Макс вел себя вчера после моего ухода? — спрашиваю я.

— Нормально. Даже мило, но странно, он задавал вопросы о фотографиях и тому подобном. Такое его никогда раньше не интересовало.

— Что ты хочешь сказать?

— Не знаю. — Она пожимает плечами и выдыхает. — Когда мы приехали сюда, и Хантер нашел фотографию меня с моей мамой, я попыталась вспомнить, спрашивал ли Макс когда-нибудь о моих родителях, но не думаю, что он это делал. Он, конечно, знал, что они умерли, но не просил показать фотографии или узнать, какими людьми они были. Вчера у него, казалось, был миллион вопросов, и это немного встревожило меня.

— Хм, — выдыхаю я, избавляясь от чувства ревности. Знаю, что ей не нужно, чтобы сейчас я вел себя как неандерталец, независимо от того, как сильно этого хочу. — Не беспокойся об этом. Просто сосредоточься на том факте, что тебе не нужно вступать с ним в бой.

— Я все еще не верю в это. И не поверю, пока не поговорю с Мэнди и не подтвержу, что он позвонил своему адвокату и согласился уладить дело вне суда.

— Это, наверное, умно, детка, — соглашаюсь я, и ее лицо смягчается, она проводит рукой между моими бровями и вниз по переносице. — Как Хантер вел себя вечером?

— Расслабился, после того, как Макс сказал, что не заберет его обратно в Сиэтл. До этого был на взводе. Думаю, Макс, наконец-то, сам увидел, какую реакцию у него вызвал. Они всегда были близки, но до того, как Макс успокоил его, Хантер держался с ним сдержанно, и, видимо, это его напугало.

— Может, Максу нужно было это испытать, — тихо говорю я, и она кивает.

— Возможно.

Я запускаю руку ей под рубашку, которую она надела ночью после того, как я ее вымыл.

— Должен сказать, мне неприятно, что он остановился у тебя. Что спит с тобой под одной крышей, — признаюсь я, обхватывая ее грудь и наблюдая, как выгибается ее спина. Мой член дергается в ответ.

— Ревнуешь? — дразнит Шел, улыбаясь, и я щиплю ее за сосок, слыша, как она ахает.

— Еще как, он провел с тобой годы. Годы, которые я упустил, и ненавижу, что теперь он получает еще больше твоего времени.

— Он — не ты, — тихо говорит она, взглядываясь в мое лицо, и я чувствую, что твердою

сильнее, когда вижу и слышу искренность в ее глазах и голосе.

— Сколько, ты сказала, у нас времени, прежде чем тебе придется пробираться к себе домой? — спрашиваю я, скользя рукой вниз по ее животу и между ног.

— У нас нет времени. Ты должен помочь мне вернуться на мой балкон.

— Войди через дверь.

— Не могу. Она заперта.

— Уверена? Кажется, ты все время оставляешь ее открытой, черт возьми.

— Макс запер ее прошлым вечером, и я не подумала о том, чтобы отпереть ее, прежде чем прийти к тебе. Так что, да, уверена, она сейчас заперта, мистер шериф. — Шел закатывает глаза, и я просовываю руку ей в трусики и обхватываю лоно.

— Знаю, ты думаешь, это смешно, но тебе действительно нужно начать запираать свои двери, детка. Я понимаю, что ты чувствуешь себя здесь в безопасности, но город растет, и сейчас лето. Мы не следим за тем, кто приходит и уходит с рыбацких лодок, которые сюда причаливают.

— С этого момента я буду более осторожна, — соглашается она, и я чувствую, как мое тело расслабляется. Мои пальцы скользят внутрь нее. — Мне, правда, нужно встать и вернуться домой, — стонет она.

Я прижимаюсь лбом к ее лбу и разочарованно выдыхаю, прежде чем убрать руку.

— Мы воспользуемся моим ключом от твоего дома, так ты и войдешь.

— Нет. Я не хочу, чтобы кто-нибудь видел, как я полуголая крадусь домой.

— Господи, поверить не могу, что собираюсь это сделать, — бормочу я, поднимаясь с кровати и таща ее за собой.

Как только мы оба встаем, я целую ее в губы, затем подхожу к комоду и беру футболку, надеваю ее, пока она натягивает шорты и мою рубашку.

— Это единственный раз, когда я помогу тебе сделать это, — сообщаю я, открывая раздвижную дверь в своей комнате и выходя на балкон.

Холодный воздух ударяет в меня.

— Как скажешь.

Шелби улыбается, проходя мимо меня к перилам. Наши балконы разделяет всего около двух футов, но это все равно опасно, так как между ними семифутовый спуск на каменистую почву. Мысль о том, что она прыгала ночью в темноте, сводит меня с ума, но я отбрасываю ее прочь, подхожу туда, где стоит Шел, кладу руки на перила и перепрыгиваю, приземляясь на ее балкон.

— Ты делаешь это до раздражения легко, — ворчит она.

Не обращая внимания на ее реплику, перегибаюсь через перила и подхватываю ее под мышки.

— Когда скажу «прыгай», я хочу, чтобы ты подпрыгнула и согнула колени.

— Эм... — Она смотрит вниз на землю. — Может, мне стоит воспользоваться стулом или чем-то еще, встать на перила и перешагнуть.

— Ни за что, а теперь прыгай. — Когда она это делает, я использую инерцию ее тела, чтобы поднять и перетащить к себе, а затем поставить перед собой.

— Святая корова, — выдыхает она, глядя на меня, а затем за спину. — Это было... — Она замолкает, облизывая губы. — Ты перенес меня как пушинку.

Улыбаясь ей, качаю головой, затем беру ее лицо в ладони.

— Хорошего дня на работе, и увидимся вечером.

— Увидимся вечером, — соглашается Шел, кладя руки мне на грудь и приподнимаясь на цыпочки. Наклонившись, я нежно целую ее в губы, затем еще раз в лоб, после чего отступаю и открываю дверь, пропуская ее в спальню.

— Тебе нужно собираться на работу, — тихо напоминаю я ей, когда замечаю, что она не двигается.

— Знаю. — Шел с улыбкой прислоняется к дверному косяку. — Но я не хочу пропустить твой прыжок обратно. Он даст мне пищу для размышлений на сегодня, пока я на работе.

— Размышлений о чем? — спрашиваю я.

— Сможешь ли ты трахнуть меня у стены или стоя посреди комнаты, — дерзко отвечает она, и я возвращаюсь к ней, снова целую, на этот раз с языком, чувствуя, как она отстраняется, только когда стонет.

— Я определенно могу трахнуть тебя у стены, — бормочу я ей в губы. — Стоя посреди комнаты, придется попробовать, но я в игре, если ты готова.

Ухмыльнувшись, отворачиваюсь и оставляю ее возле открытой двери, а сам подхожу к перилам и перепрыгиваю обратно на свой балкон. Когда я оборачиваюсь, ее глаза сверкают, а на губах играет легкая улыбка.

— Хорошего дня, шериф, — говорит Шел, прежде чем исчезнуть и закрыть дверь.

Зайдя в комнату, я даже не утруждаюсь возвращаться в постель. Просто направляюсь в душ. Тот самый душ, где планирую трахнуть ее уже сегодня вечером.

ГЛАВА 10

Шелби

— Привет, малыш. Как дела в лагере? — спрашиваю я, входя в кухню и снимая куртку, но резко останавливаюсь, видя у плиты Макса, помешивающего что-то в большой кастрюле, а Хантера здесь нет.

— Он наверху. Сегодня я подарил ему телескоп, так что он настраивает его с тех пор, как вернулся из лагеря.

Повесив куртку на спинку стула, бросаю сумку на стол и скрещиваю руки на груди.

— Я сама собиралась подарить ему телескоп на Рождество. Кажется, говорила тебе об этом.

Стараюсь скрыть раздражение, так и проскальзывающее в голосе, хотя в бешенстве от того, что Макс меня не слушает. Более трех месяцев назад, когда Хантер упомянул, что ему нужен телескоп, я сказала бывшему мужу по телефону, что планирую подарить его сыну на Рождество, потому что знала, что Макс тут же его купит.

— До Рождества еще несколько месяцев.

Макс пожимает плечами и возвращается к помешиванию чего-то похожего на соус для пасты. Когда он научился готовить, понятия не имею, так как за время нашей совместной жизни он ни разу не подходил к плите. Полагаю, единственное, что он знал, как приготовить, чтобы вкус был более-менее приличным — это макароны с сыром, которые нужно только разогреть. И даже так он мог с треском провалиться.

— Макс, — я делаю паузу, проводя рукой по волосам, — хотя, знаешь? Забудь.

Качаю головой, зная, что бессмысленно даже пытаться объяснить, почему он поступил неправильно. Подойдя к холодильнику, беру кувшин с водой, затем достаю из шкафа стакан.

— Где ты спала прошлой ночью? — спрашивает он, бросая на меня взгляд через плечо, и я становлюсь по стойке смирно.

— Прошу прощения?

— После того, как Хантер заснул, я пришел поговорить с тобой, а тебя не оказалось ни в твоей спальне, ни в доме.

— Прошлой ночью я осталась у Зака, — отвечаю честно, не видя причин обманывать. Кроме того, если Макс действительно обыскал дом, то понял бы, что я лгу.

— Ты оставила нашего сына дома, чтобы отправиться спать со своим парнем?

— Нет, я оставила нашего сына дома с его отцом, чтобы отправиться спать со своим парнем, — спокойно парирую я, когда его глаза вспыхивают.

— Ты часто так делаешь: оставляешь его одного, чтобы развлекаться всю ночь?

— Что ты сказал?

— Просто ответь на вопрос, — рывкает Макс, бряцая ложкой по столешнице, отчего красные брызги разлетаются по всей поверхности, а я слегка подпрыгиваю.

— Во-первых, я не выступаю в качестве свидетеля, так что не обращай со мной подобным образом, и, во-вторых, нет, я никогда не оставалась на ночь в доме Зака. Ни разу. Но так как я знала, что ты спишь в нескольких футах от Хантера, то не думала, что это важно, — отвечаю я, ставя стакан с водой на стол.

— А если бы ты понадобилась Хантеру?

— Ты, очевидно, сложил бы два и два. Позвонил бы мне или пришел за мной, постучав в соседнюю дверь. Если бы я ему понадобилась.

— Меня это не устраивает, — заявляет Макс, упирая руки в бедра.

— Ненадолго же тебяхватило, — вздыхаю я, потирая лоб, чувствуя, как начинает болеть голова.

— Ты спишь с другим мужчиной, Шелби. Как, черт возьми, ты ожидаешь, я буду себя чувствовать?

— Ты менял одну подружку за другой с того момента, как я сказала тебе, что хочу расстаться! — кричу я.

Неожиданно Макс оказывается возле меня и накрывает мои губы поцелуем. Мне требуется секунда, чтобы понять, что он задумал, и я тут же толкаю его в грудь и отворачиваю голову в сторону, но Макс обнимает меня крепче.

— Остановись, сейчас же. Прекрати! — шиплю я, отталкивая его и делая шаг назад, как только освобождаюсь от хватки, а затем тычу в него пальцем. — Не смей мной манипулировать. Не смей манипулировать этой ситуацией и заставлять меня чувствовать себя дерьмово, потому что твое эго не может смириться с тем фактом, что я тоже живу дальше. Ты отпустил меня задолго до того, как я перестала бороться за нас, так что не пытайся вести себя так, будто тосковал по мне. Я не та, кто тебе нужна. И никогда не буду той, кем ты хочешь меня видеть. Мы не подходим друг другу, Макс.

— Мне все равно, хочешь ты работать или нет. У меня было время подумать об этом, и теперь я вижу, что ты была несчастна. Хочешь работать? Да устройся хоть в десять мест. Мне плевать. Я просто хочу вернуть свою семью.

— Боже, ты можешь остановиться на секунду, перестать думать о себе и выслушать меня? Я не люблю тебя. Ты мне безразличен, как отец нашего сына, но и только. Это все, что могу тебе дать. Я годами пыталась сделать тебя счастливым, страдая в тишине, и ты позволял мне это. Позволял страдать, чтобы самому поступать по-своему. Чтобы самому быть счастливым. Нам не суждено быть вместе. Нам с тобой. Мы пытались, но ничего не вышло.

— А он делает тебя счастливой? — Макс смеется мерзким, злым смехом, и я киваю, понижая голос.

— Зак делает меня счастливой. Заставляет чувствовать себя наполненной, словно я вкушаю лучшую еду в своей жизни. Он заставляет меня чувствовать, и я знаю, что делаю то же самое для него. Я не хочу причинять тебе боль, Макс. И хочу тебе счастья. Чтобы ты нашел человека, который даст тебе все, что нужно, но этот человек — не я, и если ты честен с самим собой, то знаешь, что я права.

— Эйприл беременна.

— Что? — спрашиваю я, не имея ни малейшего представления о том, кто, черт возьми, такая Эйприл.

— Женщина, с которой я встречался последние полгода. Она беременна.

— Боже, ну ты и мудак, — рычу я, и он отходит, выдвигает стул и садится, роняя голову на руки. — Поверить не могу тебе и всей этой чуши! — огрызаюсь я.

— Знаю, — соглашается он.

— О чем, черт возьми, ты думал, пытаюсь меня поцеловать, Макс? У тебя есть девушка, и она беременна от тебя.

— Знаю, — снова соглашается он, и я смотрю в сторону, делая один вдох, затем другой, пытаюсь успокоиться. — Она сказала мне попробовать вернуть тебя.

— Прощу прощения? — Сузив глаза, поворачиваю голову в его сторону.

— Она сказала, что ты стоишь между нами и что, если я так тебя люблю, то должен попытаться тебя вернуть.

— Ого. Да ты идиот мирового класса. Ты даже не влюблен в меня, черт возьми, каким же дураком надо быть?

— Я облажался.

— Да неужели? — бормочу я, и он поднимает голову, наши глаза встречаются.

— Я просто подумал, что, возможно, она права. Может, если бы я попытался тебя вернуть...

— Этого не будет, — обрываю я его, прежде чем он успевает сказать что-то еще. — И позволь сказать тебе кое-что. Твоя девушка подвергла тебя испытанию, и ты провалился. Ты не просто потерпел неудачу, ты потерпел огромную неудачу. Ты не должен был приезжать и пытаться вернуть меня. Ты должен был заверить ее, что хочешь быть с ней. Не знаю, любишь ли ты ее, но говорю тебе сейчас, если любишь, по возвращении домой тебе будет очень больно, потому что она подвесит тебя за яйца.

— Говоришь без прикрас, — саркастически бормочет он, и я качаю головой.

— Пойду проверю Хантера.

— Прости, Шел. Я не должен...

— Ни слова. — Я указываю на него. — Мы больше никогда не будем говорить об этом. Притворимся, что ничего не было.

И с этими словами я поворачиваюсь, выхожу из кухни и направляюсь на чердак, где нахожу Хантера, сидящего посреди комнаты на полу в окружении деталей телескопа, звездных карт и планет. И именно там я остаюсь до тех пор, пока не приходит время ужина, приготовленного Максом, который, если честно, оказался не так уж плох на вкус, но я все равно ненавидела каждый кусочек.

— Мам, Стивен спросил, могу ли я пойти к нему поиграть в видеоигры, — говорит Хантер, входя в мою комнату, где я пряталась за чтением с тех пор, как мы убрались после

ужина.

— Где папа?

— Наверху. Сказал, что будет работать, так что он не против, если я уйду на пару часов, если ты не возражаешь.

— Подойди, присядь на минутку. Я хочу поговорить с тобой кое о чем. — Я похлопываю по кровати рядом со мной, и сын подходит и садится.

Отложив Kindle в сторону, задаюсь вопросом: как именно мне следует это сказать, так как я никогда раньше этого не делала и действительно не знаю, с чего начать.

— Что такое? — спрашивает Хантер, глядя в сторону двери, будто хочет убежать, и это заставляет меня улыбнуться.

— Ну, раз твой папа здесь, я, вероятно, проведу ночь с Заком, если только...

— Ладно, — обрывает он меня, вставая. — Теперь я могу идти?

— Ты уверен? — уточняю, вглядываясь в лицо Хантера, желая удостовериться, что с ним все в порядке и что я каким-то образом не травмировала его.

— Да. — Он пожимает плечами.

— Ты же знаешь, если я тебе понадобится по какой-либо причине, можешь позвонить мне на мобильный или зайти за мной.

— Мам, я знаю. — Сын делает шаг ближе к двери.

— Что же, тогда... может, поговорим о новой системе фильтрации воды, которую устанавливают в городе?

— М-а-а-ам, — стонет он, откидывая голову назад, и я смеюсь.

— Ладно, иди. Я приду через несколько минут, — говорю я, и он убегает, оставляя меня сидеть и гадать, не слишком ли все это просто.

— Привет, — улыбается Зак, открывая дверь. Наклоняется и быстро целует меня, едва я вхожу в его дом.

— Как дела? — спрашиваю я, слыша возгласы мальчигов наверху и громкие хлопки.

— Хорошо, мы с Обри готовимся посмотреть фильм, а мальчишки наверху играют в видеоигру, — отвечает он, забирая у меня из рук сумку с вещами.

— О, хорошо, я могу почитать, а вы с Обри смотрите свой фильм, — предлагаю я, не желая мешать им проводить время вместе. Мне нравится их близость, и я знаю, что для Обри важно полное внимание отца, когда он рядом. Я ни за что не хочу, чтобы она чувствовала, что я забираю его у нее.

— Ты не мешаешь, детка. Она спрашивала, когда ты придешь, с тех пор как двадцать минут назад появился Хантер. — Зак улыбается, целует меня еще раз, затем показывает на мою сумку. — Отнесу ее в свою комнату.

— Ты уверен, что это нормально? — шепчу я, хватая его за руку, чтобы остановить, и его улыбка превращается в ухмылку.

— Я уже сказал тебе сегодня, что дети не против, — шепчет он в ответ, и я прикусываю щеку изнутри.

Он действительно заверил меня, что все в порядке. Днем позвонил в банк, чтобы сообщить о разговоре с детьми, и настаивал, что они не возражают, если я переночую у них, пока Макс в городе, но это все равно кажется странным.

— Ты сказала Хантеру, что будешь спать здесь?

Заправляя прядь волос за ухо, киваю и выдыхаю.

— Да, он тоже отнесся к этому спокойно.

— Видишь? Все хорошо, детка. Перестань переживать из-за этого.

— Ура! Шел, ты здесь, — восклицает Обри, появляясь из кухни с миской попкорна, за ней следует Пенни, которая, вероятно, надеется, что содержимое миски свалится на пол, чтобы ей досталось чуть-чуть.

— Привет, милая. — Я улыбаюсь ей, затем наклоняюсь, чтобы погладить Пенни.

— Ты посмотришь фильм с нами? — спрашивает Обри, и я поднимаю голову, чтобы посмотреть на нее, а затем киваю. — Ура, мы смотрим «У холмов есть глаза».

Она улыбается совсем как ее отец, и я смотрю на него, приподнимая бровь.

— Разве это не фильм ужасов?

— Вот тебе новость, детка. Бри любит только фильмы ужасов. — Он гордо улыбается.

— А тебе нравятся фильмы ужасов? — спрашивает Обри, и я выпрямляюсь во весь рост и снимаю куртку.

— Я не смотрела фильм ужасов с тех пор, как увидела «Оно», — признаюсь я, и она наклоняет голову набок и морщит носик.

— Это фильм ужасов? — спрашивает она, и Зак усмехается, вероятно, вспоминая мою реакцию после просмотра этого фильма.

— Это самый страшный из фильмов ужасов, — говорю я ей, и она смотрит на своего отца так, будто он что-то скрыл от нее.

— Этот фильм мы еще не смотрели.

— И не надо, — вмешиваюсь я, и ее глаза возвращаются ко мне. — В нем жуткий клоун, и если тебе нравятся клоуны, то после этого фильма они точно тебе разонравятся. Он все испортит.

— Нам точно надо взять его напрокат в следующий раз, — смеется она, и я стону.

— Не волнуйся. Его можешь не смотреть, — говорит Зак, в то время как Обри, хихикая направляется в гостиную.

— Я поставлю диск, — оглянувшись через плечо, бросает она.

— Мы придем через минуту, — говорит ей Зак, затем переводит взгляд на меня.

— Я купил тебе бутылку вина. Она в холодильнике.

— Спасибо.

— Ты будешь в порядке, если посмотришь фильм? Если нет, то мы...

— Теперь я взрослая. Со мной все будет в порядке, — утверждаю я, отмахиваясь от его беспокойства.

Час спустя сожалею о своих словах, когда наблюдаю, как еще одного человека убивает группа безумцев, живущих у черта на куличках. Прижимая плед к глазам, выглядываю поверх него, зная, что мне целый год, если не больше, будут сниться кошмары об этом дерьме, и я больше никогда не смогу отправиться в пустыню. Не то чтобы я когда-либо там была, но все же.

— Папа, — врывается в темноту голос Стивена, и я накрываюсь с головой пледом и верещу во всю глотку.

— Господи, детка, — бормочет Зак, стягивая плед с моего лица, а сидевшая на полу Обри, падает на бок от хохота, Зак тоже усмехается, а Пенни заползает ко мне на колени, чтобы защититься.

— Боже, мам. Что случилось? — спрашивает Хантер, в то время как Стивен включает свет в гостиной, а Обри ставит видео на паузу.

— Ничего, все в порядке, — вру я, держа за грудь. Обри катается по полу и Пенни решает, что хочет поучаствовать в действии, спрыгивает с дивана и начинает лизать лицо Обри, заставляя ее хохотать еще громче.

— В чем дело, приятель? — спрашивает Зак, глядя на Стивена, и я отрываю взгляд от Обри, чтобы посмотреть на него, видя, что он выглядит обеспокоенным.

— Мама сказала, что ее машина не заводится, и спросила, не мог бы ты приехать и помочь ей, — отвечает он, и Зак встает.

— Она сказала, где находится? — спрашивает он, и Стивен кивает.

— Да, в «Прибрежном доме». Она только что закончила работу и пыталась тебе дозвониться, но ты не взял трубку.

— Я позабочусь об этом, приятель. — Зак проходит мимо него, и Хантер входит в комнату, но Стивен следует за отцом.

— Что смотрите? — спрашивает Хантер, плюхаясь рядом со мной на диван, и я отрываю взгляд от дверного проема, переводя его на сына, мне не нравится чувство, появившееся у меня в животе.

— «У холмов есть глаза», — говорит Обри, и глаза Хантера расширяются.

— Даже не думай. Он страшный, и нет, ты не можешь его смотреть. — Я указываю на него пальцем.

— Я его уже видел. — Хантер пожимает плечами, наклоняется и хватается горсть попкорна из миски на полу рядом с Обри.

— Что? Когда? — Я хмурюсь. Я не разрешала ему смотреть фильмы ужасов, хотя он умолял меня об этом.

— Когда однажды остался с ночевкой у Эли, мы его смотрели.

— Его мама и папа знали?

— Ага, им было все равно, — говорит он, запихивая в рот еще пригоршню попкорна и откидываясь на спинку дивана.

— У тебя могли быть кошмары.

— Я не трусливый, мама.

— Ты называешь трусливой меня? — спрашиваю я, и он улыбается с полным ртом попкорна, но не отвечает. — Неважно, — ворчу я, наблюдая, как он жует и проглатывает.

— Ты визжишь, как девчонка, — указывает сын, а я хватаю подушку рядом с собой и легонько ударяю его.

— Я и есть девчонка, — напоминаю я ему, и он смеется, забирая у меня подушку и пряча ее за спину.

— Да, но ты кричишь, как девчонки в фильме.

— Это правда, — соглашается Обри, и я скидываю руки вверх.

— Это потому, что я испугалась, а эти девушки напуганы, потому что безумцы пытаются их убить.

Переглянувшись, дети смеются, а затем смотрят в сторону двери на Зака, который возвращается в комнату, засовывая мобильный в передний карман джинсов.

— С мамой все в порядке? — спрашивает Обри, когда Зак подходит к дивану, усаживаясь по другую сторону от меня.

— С мамой все хорошо, красавица. Арни едет к ней, так как находится ближе, чем я, он заведет мотор, а затем проследует за ней и убедится, чтобы она добралась до дома в целости и сохранности, — отвечает Зак, и то беспокойство, которое я испытывала, исчезает.

— Хорошо. — Она обнимает Пенни за шею, заставляя ее сесть к себе на колени, затем переводит взгляд с отца на меня. — Шелби, если не хочешь, можем больше не смотреть.

— Я не против, — лгу я, отчего Зак и Хантер смеются, а я наблюдаю, как в комнату входит Стивен с пригоршней печенья, жуя то, которое он, очевидно, уже отправил в рот.

— Я провожу Хантера до дома, — говорит он отцу, проглотив. Хантер встает, но я беру его за руку, прежде чем он успевает уйти.

— Я по соседству. Можешь позвонить или прийти за мной по любой причине.

— Я знаю, мам. — Сын качает головой, глядя на Стивена, будто говоря: «Мамы такие надоедливые», и я отпускаю его руку, чувствуя, как Зак сжимает мое бедро. — Раз ты зайдешь, я могу показать тебе телескоп, который подарил мне папа. Еще недостаточно темно, чтобы что-то разглядеть, но он собран.

— Круто, — одобряет Стивен, и, не сказав больше ни слова, мальчики уходят.

Я смотрю на Зака.

— Включайте фильм. Я схожу в ванную, а потом сделаю один звонок.

— Ты не хочешь, чтобы мы тебя подождали? — спрашивает Обри, проводя руками по шерсти Пенни.

— Нет, милая, смотрите без меня. — Я улыбаюсь ей, затем сжимаю бедро Зака и поднимаюсь с дивана, оставляя плед на спинке, затем наклоняюсь, глажу Обри по голове и ухожу.

— Уверена, что не хочешь, чтобы мы тебя подождали? — кричит мне вдогонку Зак, и я сдерживаю стон, слыша смех Обри.

— Нет, наслаждайтесь просмотром. Не ждите меня. Я могу задержаться надолго, — говорю я им, уходя и направляясь в комнату Зака.

На самом деле мне не нужно в ванную или звонить, но на моем мобильном есть приложение Kindle, так что я могу скрыться в комнате и читать, пока фильм не закончится, и, надеюсь, вообще забыть об увиденных ужасах.

— Не надо было позволять тебе смотреть этот фильм, — говорит Зак мне на ухо, притягивая к себе и закидывая ногу на мои бедра. Видимо, пытается удержать на одном месте, раз я не могу перестать метаться по кровати.

— Кажется, я не могу уснуть. Извини, что не даю тебе спать.

— Не извиняйся. — Он обнимает меня за талию и целует в затылок.

— Думаешь, с моей стороны было неправильно ночевать здесь? Это делает меня плохой мамой?

Зак перекачивает меня на спину и касается ладонью щеки, глядя на меня при свете, проникающем снаружи.

— Ты не плохая мама. Макс сейчас с Хантером. Он не один, и я знаю, что если бы не Макс, тебя бы сейчас здесь не было. Ты была бы дома с ним.

— Ты прав, — вздыхаю. — Девушка Макса беременна, — шепчу я затем.

— Что? — Он хмурится, перемещая ладонь вниз к моей шее.

— Его девушка беременна. Он сказал мне сегодня.

— Ты расстроена из-за этого?

— Что? Нет.

Я качаю головой, затем перекачиваюсь на бок, утыкаясь лицом ему в грудь.

— Макс идиот. Она сказала ему, что если он все еще так меня любит, то должен поехать

и попытаться меня вернуть, — говорю я.

— Что? — рычит Зак.

— Говорю же — идиот.

— Ты хочешь, чтобы он вернулся? — тихо спрашивает мужчина, в его голосе слышится беспокойство.

Я отрываю лицо от его груди и смотрю на него снизу вверх.

— Нет, ни капельки, и знаю, что он тоже не хочет, чтобы я возвращалась. Я не сделала его счастливым. Я не та жена, которую он хотел. Я не могла сидеть дома весь день в ожидании его.

— Так вот почему вы расстались?

— Отчасти, но в основном потому, что я не могла быть той, кем он хотел меня видеть.

— Что ты имеешь в виду?

— Он был против, чтобы я работала. Мне нравилось сидеть дома, когда Хантер был маленьким, но, когда он стал старше и пошел в школу, я захотела чем-то занять свое время, что не включало бы ужины, педикюр и визиты к парикмахеру. Я устала быть женой-домохозяйкой, которая на самом деле ничего не делала, кроме как большую часть времени сидела дома одна, слушая, как мои, так называемые, друзья сплетничают о других моих, так называемых, друзьях. Я не убиралась, потому что у нас была домработница, почти не готовила, потому что Макс вечно пропадал на работе, и оставались только мы с сыном. У Хантера была сотня занятий, из-за которых большую часть дней мы проводили дома до позднего вечера, так что заказать еду на вынос было проще. С каждым днем я все больше теряла себя, а когда пыталась рассказать Максиму о своих чувствах, он просто игнорировал меня и продолжал жить дальше, потому что сам был счастлив, и это все, что имело для него значение.

— Мне жаль, что ты не была счастлива.

— Мне тоже, но я многому у него научилась, — тихо говорю я, проводя пальцами по его боку.

— Чему же? — подталкивает Зак, нежно целуя меня в лоб.

— Я узнала, что если ты с кем-то и тебя действительно любят, то ваше счастье становится единым. Тебя не пытаются запихнуть в рамки. Не ставят свои желания выше твоих, а находят способ сделать так, чтобы вы оба были удовлетворены и получали от жизни то, что вам нужно. — Когда я ничего не слышу от него в ответ — даже вздоха — задаюсь вопросом: не заснул ли он. — Зак?

— Я здесь, — сдавленно произносит он. — Надеюсь, я смогу сделать тебя счастливой. Надеюсь, нам удастся найти способ сделать друг друга счастливыми, — поправляется он, не понимая, что уже сделал это для меня.

Пребывание с ним и детьми делает меня счастливой. Находиться с ними рядом, ходить на ужины, готовить, смотреть фильмы или просто проводить время вместе — вот, что делает меня счастливой.

— Ты делаешь меня счастливой. Ты и дети — вот, что делает меня счастливой. Большого мне не нужно. Мне просто нужны вы, — честно говорю я, и его руки сжимаются вокруг меня.

— Я люблю тебя, Шел. Черт, не думал, что смогу полюбить тебя сильнее, чем много лет назад, но я ошибался... так чертовски ошибался.

— Зак. — Я никогда не думала, что он снова скажет мне эти слова, никогда не верила,

что у нас снова будет то, что мы обрели после стольких лет разлуки.

— Мне не нужно, чтобы ты отвечала тем же. Мне просто нужно, чтобы ты слышала эти слова и приняла их. Я люблю тебя и Хантера. Мне нравится, что ты взяла мою дочь под свое крыло и приняла моего сына таким, каким он становится. Мне нравится, что даже спустя столько лет ты все еще самая милая женщина, которую я когда-либо встречал, и мне нравится знать, что у меня будет вся эта сладость в моей постели. Я никогда не хотел даже надеяться иметь то, что имею сейчас. И, вероятно, этого не заслуживаю, но ты моя, и я тебя не отпущу, — рычит он, и я чувствую, что улыбаюсь.

— Знаю, ты сказал принять это, но я тоже тебя люблю, и люблю твоих детей.

— Наверное, это хорошо, детка. Не хотелось бы, чтобы ты была несчастна следующие шестьдесят лет или около того, — говорит он, и я смеюсь, а затем стону, чувствуя, как его рука скользит вверх по моему боку под футболку, которую я стянула у него, когда ложилась спать. — Хотел бы я, чтобы дети уже были в кроватях.

— Я тоже, — шепчу я, чувствуя, как его рука касается меня под грудью, а затем он встает с кровати, увлекая меня за собой. — Что ты делаешь?

— Мы идем в душ, — бормочет он, дергая меня за руку.

— Мне он не нужен. Я уже приняла душ, — смеюсь я, когда он тянет меня за собой в ванную.

— Я думал, ты хотела проверить, смогу ли я тебя удержать. — Он срывает футболку через мою голову, затем поворачивается и включает воду.

— Я определенно хочу это проверить.

Улыбаюсь ему в спину, когда он скидывает пижамные штаны, встает под душ и поворачивается ко мне, протягивая руку. К тому времени, как мы закончили и вернулись в постель, поняла, что, стоя и держа в своих объятиях, Зак может не только удержать меня, но и делать со мной много других вещей.

ГЛАВА 11

Зак

— Я свободна! — кричит Шел, как только я закрываю дверь в ее дом, а затем бежит и прыгает ко мне в объятия, и я ловлю ее на лету.

С улыбкой откидываюсь назад и вижу, как она улыбается.

— Я так понимаю, Макс все же успел на рейс до дома? — бормочу я, зная, что она мучилась попытками выпроводить Макса и отправить в Сиэтл с того дня, как он появился. Он планировал остаться до пятницы, но после всего, что стало известно о его девушке и их ребенке, и, вероятно, осознав свою ошибку, мужчина пытался поменять билеты и вернуться домой раньше. Но в это время года, с наступлением холодов, когда рыбалка идет на спад, а туристы уезжают, самолеты всегда переполнены, и многие сидят в режиме ожидания.

— Да. — Она кивает, затем смотрит в потолок, пожимая плечами. — Возможно, я подкупила Пола, чтобы он попросил своего друга, который летел в Анкоридж забрать припасы, взять Макса с собой, чтобы тот смог вылететь этим вечером. Как бы то ни было, пока мы говорим, он возвращается в Сиэтл. И его девушка, Эйприл, которая, должно быть, самая милая женщина в мире, сказала ему, что они найдут способ все уладить, так что Макс уехал в хорошем настроении.

— Приятно слышать, — соглашаюсь я, стискивая ее в объятиях, и она спрыгивает на пол.

— Да, и, надеюсь, он вытащит голову из задницы и поймет, что имеет, потому что,

когда я разговаривала с ней сегодня, чтобы сообщить информацию о рейсе Макса, она показалась мне действительно милой. Даже спросила, может ли Хантер прилететь после родов, чтобы познакомиться со своим братом или сестрой. Я согласилась и сказала, что Хантер может летать к ним в любое время, когда у него каникулы, если только это не праздники. В этом случае, нам придется поделить их, чтобы было справедливо для нас с Максом.

— Это хорошо, детка, — соглашаюсь я.

— Я не хочу прятать Хантера от них. Он очень обрадовался новости, что скоро станет старшим братом, и я бы ни за что не лишила его этого.

— Знаю, детка, — подтверждаю я, и она улыбается, затем наклоняет голову набок, изучая меня.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты лжешь, — говорит она, походя ближе и кладя ладони мне на грудь.

— Сегодня в участок приходила Тина. В конце месяца она планирует переехать в Анкоридж.

— О, нет, — шепчет Шел, отстраняясь.

— Для меня это хорошо, но детям придется хреново. Рейсы зимой нерегулярные и дорогие. Летом летать просто дорого, так что, каждый раз, когда я буду посылать их повидаться с ней, это будет бить по карману.

— Разве она не поможет тебе? В смысле, это она переезжает, а не ты, — тихо спрашивает она, вглядываясь в меня.

— Уверен, она попытается, но официантке платят мало, так что одной ей не справиться, и я знаю, что дети — особенно Стивен — захотят часто ее видеть. Да и я хочу, чтобы у них была мама.

— Я помогу. Макс согласился выплачивать мне больше в месяц на Хантера, и с его отказом от борьбы за опеку, моей работой, нашим совместным переездом и деньгами за сдачу дома, средства появятся. Мы с этим разберемся.

— Это мило, детка, но нет. — Качаю головой, стискивая ее бока.

— Почему нет? — Шел морщит носик в замешательстве и хмурится.

— Они мои дети... Тины и мои. Мы сами с этим разберемся. Деньги, которые Макс посылает тебе, предназначены для Хантера. Деньги, которые ты зарабатываешь, предназначены для тебя. А то, что мы с детьми переезжаем сюда, означает, что я плачу за коммунальные услуги и все, что нужно делать по дому, так что мы не будем жить бесплатно.

— Эм... что, если мне это не подходит?

— Подходит.

— Зак.

Она отталкивает меня, так что я вынужден ее отпустить, затем смотрит с расстояния нескольких футов, которое внезапно кажется милями, между нами.

— Я же тебе говорила. — Шел а указывает на меня. — Рассказала, что произошло между мной и Максом. Как он всегда заставлял меня чувствовать, что его счастье важнее моего, что его желания важнее моих.

— Шел. — В волнении провожу рукой по волосам и удерживаю ее взгляд.

— Нет, я больше не хочу чувствовать, что не вношу свой вклад, будто я не вторая половина целого. Я не смогу так жить. Мы либо оба в деле, либо ни один из нас.

— Детка, мне нравится, что ты хочешь мне помочь, но...

Вскинув руку ладонью вверх, она качает головой, прерывая меня.

— Никаких «но». Ты либо признаешь мою помощь и мои чувства, что жизнь, которую мы строим, строим вместе, либо я не смогу этого сделать.

— Они мои дети.

— Ты прав. Твои, — соглашается она, кивнув. — Я приняла их. Полюбила их и тебя, но я хочу такой жизни, в которой мы будем семьей, в которой мы поймем, как разделить бремя друг друга. Я люблю тебя. — Ее голос смягчается, пронизывая меня до костей. — Не думаю, что когда-то переставала любить, но давным-давно решила, что если когда-нибудь снова вступлю в отношения, то только с мужчиной, который понимает, что мне нужно и дает мне это без вопросов.

— Детка, умоляю...

— Думаю, нам обоим нужно немного времени на размышление, — заявляет она, снова прерывая меня и заставляя вспылить.

— Нам не нужно время, — рычу я, делая шаг к ней, только для того, чтобы она отступила назад.

— Я не хочу, чтобы ты давал мне то, что нужно, жертвуя при этом собственным счастьем. Это несправедливо и по отношению к тебе тоже, — тихо говорит Шел, в то время как ее нижняя губа дрожит, а глаза наполняются слезами.

— Шелби, ты выводишь меня из себя.

— Что?

Она хмурится, и я закрываю глаза, делая глубокие вдохи через нос, пытаюсь взять себя в руки. Как только прихожу в себя, открываю глаза и смотрю на нее.

— Мне нравится, что ты хочешь помочь. Я люблю тебя, даже когда ты такая твердолюбая и упрямая, но это не тот вопрос, из-за которого тебе стоит со мной спорить.

— Изви...

— Дети мои и Тины, — перебиваю я, прежде чем она сможет разозлить меня еще сильнее. — Мы с ней придумаем, как выпутаться из той ситуации, в которую Тина нас втянула. Хочешь помочь со всем остальным? Прекрасно. Но твои деньги не пойдут в помощь Тине в воспитании ее детей. Уехать вслед за своим парнем было ее выбором. Это не твоя проблема. У нее здесь хорошая работа и дом. Ей не нужен переезд. Она хочет этого сама. Даже не хотела говорить об этом детям. Сказала, чтобы я сообщил им эту новость. Ты хоть понимаешь, насколько это хреново?

— Что? — шепчет она, и я киваю.

— Мы не спорим об этой чуши и определенно не тратим время на то, чтобы думать о ней. Мы с тобой вместе и это навсегда.

— Зак.

— Нет, у нас все налаживается. Мы счастливы и работаем над созданием нашей семьи, и я не позволю тебе превратить эту проблему в то, чем она не является. Я не позволю тебе использовать свое прошлое как предлог, чтобы оттолкнуть меня. Мне плевать, что сделал Макс. Его здесь нет. Есть ты и я. Я не прошу тебя жертвовать своим счастьем. А говорю тебе, что отношения Обри и Стивена с их матерью — это не то, из-за чего тебе нужно выворачиваться наизнанку.

— Но это моя проблема, — мягко отвечает она, и я откидываю голову назад.

— Нет, детка. Это она должна бороться за то, чтобы оставаться рядом с ними. Это ей, а

не тебе, нужно беспокоиться о том, как у нее это получится. Я буду беспокоиться об этом, потому что хочу, чтобы у них было как можно больше любви и в их жизни присутствовала мать. Но это не то, о чем стоит беспокоиться тебе. — Я вздыхаю, а затем рычу. — Господи, Макс, может, и мудака, но он любит своего сына достаточно, чтобы бороться за него. Он любит его настолько, что летит сюда, чтобы повидаться с ним, когда от него ничего не слышно несколько дней. Не пойми меня неправильно. Я знаю, что Тина по-своему любит Обри и Стивена, но она никогда бы не пожертвовала своим счастьем ради них. В данный момент она заботится только о себе.

— Это несправедливо по отношению к Стивену и Обри, — шепчет она, заламывая руки.

— Да, но, в конце концов, все, что я могу сделать, молиться, чтобы дети видели, как мы строим новые отношения, и познали, как выглядит любовь и семья, и надеюсь, что где-то на этом пути это дойдет до них.

Ее лицо смягчается, и Шел собирается заговорить, но ее прерывают.

— Мама переезжает? — спрашивает Стивен, и я поворачиваю голову в сторону коридора, где стоят он и Хантер, очевидно, в какой-то момент вошедшие через заднюю дверь кухни, только я понятия не имею, когда и как много они слышали.

— Приятель. — Я выдерживаю его взгляд и вижу в его глазах боль, от которой стискиваю челюсть.

— Мама переезжает? — повторяет он, и я киваю.

— Она поговорит об этом с тобой и Бри, когда вы придете к ней в выходные.

— Она собирается жить с Томасом, да? — делает он предположение, и я киваю, не желая лгать ему, хотя каждая часть меня хотела бы этого, чтобы защитить его. Он любит свою маму, всегда любил безоговорочно, и эта любовь глубока. Так глубока, что я задаюсь вопросом: не потеряю ли я из-за этого своего мальчика — о чем я беспокоился с тех пор, как Тина рассказала мне о своих планах.

— Она оставляет нас с Бри здесь, чтобы жить со своим парнем? — спрашивает сын снова, и я шагаю к нему, обхватываю сзади за шею и наклоняю голову.

— Она будет в сорока пяти минутах полета отсюда. Вы сможете навещать ее в любое время, когда захотите.

— И видеть его, да? — Стивен смеется, но звук болезненный и горький. — Он даже не разговаривает с нами! Даже не замечает нашего присутствия, когда мы у нее дома, и он там с нами.

— Мы найдем способ заставить это работать, приятель. Мы с мамой найдем способ сделать так, чтобы вы были там в его отсутствие, или она будет приезжать сюда, если это то, что вам с Бри нужно.

— В чем смысл? Бри права. Маме все равно, — бормочет он, опуская глаза в пол.

— Она любит вас, — вмешивается Шел, и Стивен поднимает на нее глаза. — Привыкнуть к переменам займет время, но ваша мама любит вас. Я видела вас вместе и видела ваши фотографии. Вы с Обри — ее мир.

Мышцы Стивена напрягаются под моей рукой.

— Просто дай этому время, милый. Все будет хорошо. Вот увидишь. Мы с твоим папой позаботимся о том, чтобы вы с Бри могли видеться с ней так часто, как захотите. Верно, Зак? — спрашивает она, и хотя сейчас не время улыбаться, я чувствую, что делаю именно это, потому что она каким-то образом просто поставила себя в центр всего этого.

— Обязательно, — соглашаюсь я, еще раз сжимая шею сына. — Все будет хорошо.

— Конечно, — говорит он совсем не уверенным тоном, и я касаюсь лбом его лба.

Услышав, как открывается входная дверь, я не отстраняюсь.

— Все в порядке? — я слышу вопрос Бри и мой взгляд перемещается на нее.

— Все в порядке, красавица.

— Тогда почему Стивен выглядит таким расстроенным? — спрашивает она, и я слышу, как Шел что-то говорит Хантеру о Пенни, затем звук шагов по деревянному полу, а также цокот когтей, и понимаю, что Бри, должно быть, привела Пенни с собой.

— Мама поговорит с тобой и Стивеном в эти выходные о своих планах переехать в Анкоридж.

— Я же говорила тебе, — восклицает Обри, глядя на Стивена. — Я говорила, что она уедет с ним.

— Заткнись, Бри, — рычит Стивен, когда я слышу возвращающиеся к нам шаги.

— Обри, не надо. Сейчас для этого не время, — останавливаю я ее, видя, что дочь собирается сказать что-то в ответ.

— Прекрасно, — фыркает она, пристально глядя на Стивена и скрепя руки на груди.

— Как только мама поговорит с вами, мы сядем и решим, как нам действовать дальше, но я не хочу, чтобы вы ссорились из-за этого. Вы понимаете? — спрашиваю я, переводя взгляд с одного на другого, и они кивают.

Сотовый, прикрепленный к поясу, звонит, заставляя вздохнуть, потому что я знаю, это по работе, и не могу игнорировать, хоть и хочу.

— Алло?

— Знаю, что ты только что ушел, но в «Харбор» драка, и обоих участников отправили в больницу, и они выдвигают обвинения друг против друга. Арни уже там, но ему нужна поддержка, — говорит Дарла, и я смотрю на Шел.

Две недели назад мы планировали поужинать с Остином, Леей, Рондой, Беном и их сыном Брейденом, но нам пришлось отменить, когда меня вызвали на работу, и, похоже, это повторяется.

— Скажи, что я уже в пути.

— Будет сделано, — говорит она, вешая трубку.

— Прости, детка, мне нужно идти. Отведи детей к Остину и Лее, как только я закончу, встретимся у них или в ресторане.

— Езжай, с нами все будет в порядке, — отвечает Шел, заставляя меня пожалеть, что я не могу поцеловать ее так, чтобы выразить свои чувства. Потому что, в то время как у нее имеется целый список дерьма, которое ей от меня нужно, мой список включает лишь два пункта: счастье наших детей и такие моменты, как этот, когда я знаю, что она понимает, как важна моя работа, и не задает миллион вопросов о том, когда я вернусь, или злится на то, что я должен уйти.

— Ведите себя хорошо. — Я указываю на Обри и Стивена, затем подхожу к Шел и прижимаюсь губами к ее губам для быстрого поцелуя.

Стуча полчаса спустя в дверь дома Остина и Леи, слышу по ту сторону детское хихиканье и улыбаюсь. Либо Ронда с Беном уже здесь, либо Лея снова конфисковала их сына Брейдена. Она частенько так делала с момента его рождения, что сводит Остина с ума, так как Лея беременна и, как выразился Остин, должна отдыхать. Она явно его игнорирует и забирает Брейдена настолько, насколько ей позволяет Ронда.

Видя, как Лея подходит к двери и улыбается через стекло, я — уже не в первый раз — чертовски рад за своего друга. Лея и Остин встречались в старших классах. У них были серьезные отношения, и все знали об их планах пожениться после окончания школы. Затем отец Леи погиб в результате несчастного случая на лодке, и вместо того, чтобы остаться в городе и выйти замуж за Остина, она уехала и вышла замуж за другого, только чтобы вернуться домой и снова оказаться с Остином. С тех пор они были неразлучны, а теперь женаты, и скоро у них родится сын.

— Привет, Зак. — Лея с улыбкой открывает дверь, а затем приподнимается на цыпочки, целуя меня в щеку. — Заходи. Мы все в гостиной, ждем парней.

Я вхожу в дом, закрывая за собой дверь.

— Они все еще в гавани?

— Нет, оба наверху, пытаются собрать кроватку, — бросает она через плечо, когда мы направляемся в просторную гостиную с открытой планировкой. — Им, вероятно, не помешала бы твоя помощь, так как они возятся с ней уже три часа, и в последний раз, когда я проверяла, она все еще была разобрана на сто частей.

Лея смеется, и я улыбаюсь ей, а затем замираю на месте, зрелище передо мной заставляет сердце сжаться.

Дети — Обри, Хантер и Стивен — все разместились в середине комнаты на большом диване, обращенном к гигантскому каменному камину, перед ними на кофейном столике разложена игра, в то время как Шелби сидит в кресле сбоку с Брейденом на коленях и открытой книгой перед ними. Мне невыносимо знать, что я был лишен возможности наблюдать за ней в такие моменты каждый день, но что-то во мне задается вопросом: не слишком ли поздно для нас завести еще одного ребенка.

— Привет, Зак, — здоровается Ронда, подходя ко мне и привлекая мое внимание, и я наклоняюсь, целуя ее в щеку.

— Привет, милая. — Она улыбается, а затем подается ко мне.

— Брейден не отходил от Шелли с того момента, как она вошла, — шепчет она мне, и мои глаза возвращаются к Шел, и я с нежностью наблюдаю, как она целует Брейдена в макушку и улыбается, когда тот хихикает, поворачиваясь к ней лицом.

Дети приветствуют меня одновременно, я с улыбкой смотрю на них и киваю, затем перевожу внимание на Шел, когда чувствую на себе ее взгляд.

— Привет, детка.

— Привет, — тихо говорит она, а затем смеется, когда Брейден хватается за книгу, поднимает ее перед их лицами и эффектно отрезает меня.

— Кто-то влюбился, — бормочет Ронда.

— Не могу сказать, что виню его, — бормочу в ответ, слыша ее смех, затем смотрю в сторону лестницы, ведущей на верхний этаж, где расположены спальни, откуда доносится громкое проклятие, которое Брейден случайно слышит и повторяет, заставляя Ронду стонать.

— Нас ждут в ресторане через полчаса. Возможно, ты захочешь подняться и убедиться, что мы все-таки выйдем из дома через десять минут, — предлагает Лея, и я киваю ей, а затем поднимаюсь по лестнице.

Оказавшись наверху, сворачиваю на звук голосов и обнаруживаю Остина и Бена над белой кроваткой, которая почти закончена. Осталось надеть только верхнюю перекладину, но они оба выглядят взбешенными.

— Как дела?

— Блядь, ненавижу Икею, — ворчит Остин, протягивая мне горсть шурупов, и Бен хохочет.

— Я говорил ему, что нужно следовать инструкции, но он настоял сделать все по картинке с веб-сайта. Вот куда привела нас эта идея, — говорит он, указывая на раскрытую ладонь Остина, и я улыбаюсь.

— Ты же знаешь, что тебе придется разобрать эту хреновину, да? — спрашиваю я, и Остин рычит.

— Блядь. — Затем переводит взгляд с меня на Бена. — А я говорил Лее, что Джейкоб мог бы спать с нами, пока достаточно мал, но она настояла, что у ребенка должна быть своя кроватка и своя комната.

— Если хочешь когда-нибудь снова перепихнуться, брат, я не предлагал бы спать ребенку с вами. — Бен хлопает его по спине, а Остин проводит ладонями по лицу, вероятно, понимая, что Бен прав, и ненавидя это.

— У тебя нет времени исправлять все сейчас. Столик ждет нас через тридцать минут. Ты же знаешь, если мы не появимся, его отдадут другим, и тогда нас будет преследовать толпа голодных женщин и детей.

— Ты прав, но мне нужно закончить ее до завтрашнего открытия сезона. В противном случае Лея сделает это сама, даже зная, что доктор велел ей отдыхать, и это дерьмо приведет к ссоре, на которую у меня нет времени.

— Завтра у меня выходной. Я заеду с мальчиками. Мы соберем ее вместе, пока тебя не будет.

— Уверен? — спрашивает Остин, глядя на кроватку, я кладу на нее руку и слегка надавливаю, чувствуя, как она шатается.

— Уверен, — бормочу я, и Бен смеется, получая убийственный взгляд от Остина.

— Когда мы вернемся вечером, я помогу ее разобрать, — уверяет Бен, направляясь к двери, и я следую за ним из комнаты, а затем вниз по лестнице, где все ждут в верхней одежде. Лето заканчивается, и температура падает с каждым днем. Дети пойдут в школу через два дня, и вскоре землю покроет снег.

— Ты собрал ее? — спрашивает Лея, глядя мне за спину.

— Нет, Зак закончит завтра, — ворчит Остин.

— Ты провел наверху несколько часов.

— Я же говорил тебе не покупать кроватку в Икее.

— Только не начинай снова. — Лея откидывает голову назад, вздыхая в потолок, и я перевожу взгляд на Шел, которая борется с улыбкой.

— У нас нет времени на ваши споры. Нам нужно успеть занять столик, — вмешивается Ронда, зная, что Лея и Остин будут спорить, потому что этим они часто занимаются, и, если им позволить, мы проведем здесь несколько часов и определенно пропустим ужин.

— Детка, ты здорово командуешь и берешь ответственность на себя. — Бен подмигивает своей женщине, ловя Брейдена, когда тот вырывается из объятий Ронды, затем наклоняется и целует ее.

Подойдя к Шел, обнимаю ее за талию, и она откидывает голову назад.

— Все в порядке?

— Просто пара парней, которые слишком много выпили. На самом деле они родные братья, и это не первый раз, когда мне приходится улаживать ссору между ними.

— О.

— Том и Джерри снова за свое? — спрашивает Остин, и я улыбаюсь прозвищам, которыми он их наградил.

— Когда они не вцеплялись друг другу в глотку? — спрашиваю я.

— Когда приставали к другим, — отвечает Бен, пожимая плечами.

— Точно, — соглашается Остин, хватая куртку со спинки дивана, затем поворачивается ко мне. — Бен повезет Ронду и детей в фургоне Шелби, а я возьму с собой Лею, так что вы с Шел сможете поехать в твоём грузовике. Так вам не придется возвращаться сюда после ужина.

— Мне подходит, — соглашаюсь я.

— Фургон? Сам езжай на фургоне. У меня на них аллергия, — говорит Бен, изображая на лице полнейший ужас, и качает головой.

— О, Господи, ничего с тобой не случится. Кроме того, я тебе говорила, что в этом году возьму такой же после истечения срока аренды, так что сможешь испытать его на собственном опыте, — говорит Ронда, шлепая его по груди.

— Моя жена не водит фургон.

— Ага, конечно. — Она закатывает глаза, и я чувствую, как дрожат плечи Шел, и смотрю на нее сверху вниз, видя, как она сдерживает смех.

— Детка, ты в порядке?

— Ронда, можешь купить мой. Я его ненавижу.

— Ненавидишь?

— Водить его приятно, но я ненавижу, как он выглядит.

— Видишь, детка? Никаких фургонов, — заявляет Бен.

— Как скажешь. Может, уже пойдём? — Ронда бросается прочь, направляясь к двери.

— Безусловно, и так как я чувствую себя великодушным, можешь прокатиться сегодня в фургоне Шел за небольшую плату, которую я возьму с тебя позже.

— Бен, — шипит Лея, кивая на детей, которые закатывают глаза.

— Господи, мы никогда не попадем на ужин, — ворчит Остин.

— Ну, уж нет, — рычит Лея в ответ, подталкивая детей к двери. — Я голодная, а «Харбор-хаус» закрывается через неделю, так что я не смогу поесть там до следующего лета. И если мы упустим наш столик, превращусь в несчастную беременную женщину.

— Поехали, мистер Вулф, — рычит она, глядя на ухмыляющегося Остина.

— Они всегда такие? — спрашивает Шел, когда я веду ее к двери, следуя за Остином.

— Всегда.

— Хм-м-м, — напевает она, затем улыбается. — Мне всегда нравилась Лея, и с момента знакомства с Рондой, она мне тоже понравилась, но парни очень забавные.

Она ухмыляется, и я наклоняюсь и целую ее, а затем забираю у нее ключи и бросаю их Бену, ведя Шел к своему грузовику, пока дети, Ронда и Бен рассаживаются в фургоне.

— Итак, каков план? Вы съезжаетесь? Если готовы сдать дом в аренду, у меня есть кое-кто на примете, — предлагает Ронда, и я чувствую, как Шел напрягается, затем смотрю на детей, которые все ждут моего ответа.

— Ронда, — шипит Лея.

— Что? — спрашивает та, моргая и озираясь в замешательстве.

— Мы переезжаем к Шел, папа? — задает вопрос Обри, и я перевожу взгляд на дочь, сидящую за столом напротив меня.

Я не планировал заводить этот разговор сегодня вечером. Шел хотела сначала поговорить с Хантером, чтобы прощупать почву, прежде чем я узнаю у детей, как они относятся к этой идее. Но из-за визита Макса на прошлой неделе, все пошло не так, как планировалось, и никто из нас не поднимал эту тему, хотя я думаю об этом каждый чертов день.

— Мы думаем об этом, красавица, но не съедемся, если все вы не согласитесь, — говорю я, затем смотрю на Стивена, который улыбается Обри, прежде чем перевести взгляд на Хантера, надеясь, что тот не расстроен. То, что он младше и только недавно пережил развод родителей, немного усложнит задачу, и я не буду настаивать, если он не готов.

— У нас в доме больше комнат, — указывает Хантер, затем смотрит на свою маму. — Я голосую за то, чтобы они переехали к нам.

— Да, предлагаю переехать к Шел, но комнату с ванной наверху объявляю своей, — широко улыбается Обри.

— Ты не можешь забрать эту комнату. Она моя, — рычит Стивен

— Очень жаль, но уже это сделала. К тому же, я девушка. Не хочу делить ванную с мальчишками. Я уже делала так целую вечность и ужасно от этого устала. — Дочь закатывает глаза, и я чувствую, как рука Шел крепко сжимает мое бедро, а затем слышу ее смешок, а после громкий смех, когда Хантер вставляет свои два цента.

— Мы все равно не хотим делить с тобой ванную. У девчонок слишком много всякой фигни. Вы бы видели мамину ванную. — Он ежится, и я усмехаюсь. Шел ни в коем случае не помешана на чистоте, и Хантер прав — ее полки в ванной завалены всякой всячиной.

— Это правда. — Стивен протягивает руку, ударяясь с Хантером кулаками, и все за столом смеются.

— Так когда вы переедете? — спрашивает Хантер, и я смотрю на Шел, которая кусает губу, затем снова смотрю на него.

— Пока не уверен, приятель. Мы поговорим об этом снова в ближайшие несколько дней, чтобы убедиться, что все по-прежнему согласны с этой идеей, а затем решим.

— Меня все устраивает, — говорит Хантер, и хватка Шел усиливается.

— Меня тоже, — соглашается Обри.

— Я не возражаю. — Стивен пожимает плечами, и я нарываю ладонью руку Шел на своем бедре, затем переворачиваю ее, переплетая наши пальцы.

— О, боже, кажется, я сейчас заплачу, — выдыхает Лея.

Ронда что-то бормочет и, похоже, уже в слезах, но я не спускаю глаз с детей, удивляясь, как, черт возьми, все так невероятно легко получилось. Я предполагал, что с детьми возникнут проблемы, но они выглядят довольными... даже счастливыми по этому поводу.

— Ну, теперь, когда моя жена захмелела, я отвезу ее домой, прежде чем она попытается сдать кого-нибудь еще или сделает нечто безумное, за что я не смогу извиниться, — говорит Бен, и я смотрю на него, затем на Остина, когда он обнимает Лею за плечи и тоже отодвигает стул.

— Мы скоро пригласим вас домой на ужин, — обещает Шел, вставая и обнимая Ронду и Лею.

— Да, но перед этим соберемся вместе на обед или кофе.

— Звучит неплохо, — соглашается Шел, отступая, и я обнимаю ее за талию, затем киваю парням, когда те проходят мимо Шел, направляющейся из ресторана к фургону.

— Мам, я еду с Заком и Стивеном, — кричит Хантер, когда Бри усаживается на

пассажирское сиденье фургона и захлопывает дверцу, а Стивен с Хантером идут к моей машине.

— Увидимся дома, детка. — Я прижимаюсь губами к ее губам в нежном поцелуе, наблюдая, как загораются ее глаза, когда я отстраняюсь.

— Это слишком просто, — шепчет она, чуть отодвигаясь, но я качаю головой и прижимаюсь лбом к ее лбу.

— Сначала я тоже так думал, но начинаю понимать, что так и должно быть. Мы должны были быть здесь сейчас, в этом моменте, с нашими детьми. — Ее лицо смягчается, а руки на моей футболке на талии напрягаются.

— Думаю, ты прав. — Шел закрывает глаза. — Я люблю тебя, Зак Уоттерс.

— И я тебя тоже, детка. — Наклоняюсь, целую ее в лоб, а затем сдвигаю в сторону, чтобы открыть ей дверцу. Как только она садится, я смотрю на Бри. — Увидимся у Шел, красавица.

— Хорошо, папа, — соглашается она, и с этими словами я направляюсь к грузовику, припаркованному неподалеку, а затем следую за Шел к ней домой, где мы решаем начать переезд со следующего дня.

ГЛАВА 12

Шелби

— Я думала, тебе нужно работать, — пораженно восклицаю я, схватившись за грудь при виде Зака, стоящего в дверях кухни в своей униформе, состоящей из клетчатой рубашки, джинсов и ботинок. Его глаза устремлены на меня. Сегодня у него легкая небритость и шапка на голове, потому что в пять утра, когда он уходил на работу, было очень холодно.

— У меня есть пара часов, прежде чем нужно будет вернуться, — заявляет он, подходя ко мне, я смотрю на часы и вижу, что сейчас только начало одиннадцатого.

Дети пошли в школу чуть более двух недель назад, и примерно в то же время Зак, Обри и Стивен приступили к переезду. К настоящему моменту большая часть их вещей уже привезена, но нам еще многое предстоит сделать, прежде чем мы сможем сдать дом Зака новому доктору, который переезжает в город со своей женой и детьми, и это не давало нам покоя.

— Ладно, я собиралась приготовить завтрак. Ты будешь? — спрашиваю я, рассматривая его, пока он медленно сокращает расстояние между нами.

— Нет, я не голоден. Поел недавно.

— О, — бормочу, отступая, когда он втискивается в мое пространство. Я ударяюсь спиной о кухонную столешницу, а Зак руками сжимают мои бедра. Затем поднимает меня, и мне не остается иного выбора, кроме как обхватить ногами его бедра. — Ох.

Я улыбаюсь, но мой мужчина не улыбается в ответ. Вместо этого рычит, стискивая мою попку. Я приближаюсь к его губам, и Зак касается языком моих губ, отчего сердце сжимается от желания и возбуждения. Направляясь обратно в спальню, я слышу, как закрывается дверь, и прерываю наш поцелуй.

— Спасибо, что отвез детей в школу, — говорю я ему.

Я не ожидала, что он вернется домой чуть позже шести утра, но когда он вошел и сказал мне, чтобы я спала, и что сам соберет детей в школу, пришла в полный восторг.

— Я чертовски рад, что тебе сегодня не на работу, — бормочет он, когда моя спина ударяется о кровать, и Зак опускается на меня сверху, прижимаясь губами к моему подбородку, затем облизывает и покусывает шею, одновременно расстегивая фланелевую

рубашку, которую я накинула утром поверх ночнушки. — Иначе мне пришлось бы прийти к тебе на работу, чтобы трахнуть.

Он кусает меня за грудь, заставляя охнуть.

— Клянусь, я не мог выбросить тебя из головы все утро.

Он стягивает верх моей ночнушки, затем облизывает сосок, пока его рука путешествует по шелковистому материалу, покрывающему мой живот.

— Оставить тебя в постели... вот в этом.

Он смотрит вниз, когда его пальцы скользят под край трусиков рядом с моим входом, так близко к тому месту, где он мне сейчас нужен.

— Знаешь, как это хреново — ходить с полустояком, пытаюсь разобраться с мелкими городскими проблемами? — ворчит Зак, заставляя меня улыбнуться при возникшей в голове картине. Затем я шиплю, когда он кусает мой сосок достаточно сильно, чтобы было больно, и нежно скользит пальцем по моим складкам. — Черт, ты уже промокла для меня.

Зак втягивает сосок в рот, сильно посасывая, пальцами кружа по клитору. Переместив руки к его талии, быстро расстегиваю пуговицы рубашки, затем вытаскиваю ее из джинсов, нуждаясь в прикосновении к нему, в ощущении его теплой кожи.

— Зак, — стону я, когда он проникает в меня одним, а затем вторым пальцем, достигая точки G.

— Охренеть, я чувствую, как ты сжимаешь мои пальцы, — стонет он, затем медленно двигается вниз по моему телу, и я понимаю, что сейчас будет. То, что я люблю, то, чего жажду от него; его рот на мне, а пальцы внутри меня — чувство, не похожее ни на какое, что я когда-либо испытывала раньше. Его рот накрывает меня поверх трусиков, пока пальцы ласкают точку G. Нуждаясь в большем, тянусь вниз, чтобы отвести ткань в сторону, и он останавливается. — Продолжай. Покажи мне свою киску и скажи, чего ты хочешь.

Закрыв глаза, медленно сдвигаю трусики в сторону и жду, но все, что чувствую, это его дыхание, и я открываю глаза, встречаясь с ним взглядом.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — требует он.

Прикусив губу, набираюсь храбрости.

— Хочу, чтобы ты съел меня, — шепчу я.

Глаза любимого вспыхивают, затем его рот оказывается на мне, покусывает половые губы, затем лижет, тянет, сосет клитор, а пальцы внутри меня двигаются синхронно с моим сердцебиением, которое, клянусь, чувствую повсюду. Кончаю сильно, так сильно, что перед глазами вспыхивают звезды, и громко кричу, радуясь, что детей нет дома, потому что не знаю, смогла бы я контролировать это, если бы они были здесь. Приходя в себя, вижу Зака, стоящего рядом с кроватью и смотрящего на мою киску, где все еще находятся мои и его пальцы.

— Разденься, а потом встань на колени на краю кровати.

Перекатившись, снимаю рубашку и ночнушку, затем откидываюсь назад и избавляюсь от промокших трусиков, бросая их на пол. Снова перекатываюсь, вставая перед ним на колени. Глядя на него через плечо, наблюдаю, как он снимает рубашку, которая уже распахнута, а затем расстегивает джинсы. В ту секунду, как его член оказывается на свободе, он указывает прямо на меня, кончик красный, с каплей предэякуляции, которую я хочу слизнуть.

— Можешь взять мой член в рот в любое время, детка. Когда он у тебя во рту, ты молчишь. А когда я трахаю тебя, ты громко кричишь, и я не могу трахать тебя так часто, как

хочу.

Он проводит рукой по своей длине, и я чувствую, как сжимается моя киска. Он прав; когда он меня трахает — действительно трахает — я не могу вести себя тихо, даже если пытаюсь. Располагаясь позади меня, он проводит пальцами по моим складкам, по клитору, заставляя мои бедра дернуться.

— Чувствительно?

— Да, — выдыхаю я, пока он ласкает снова и снова, с каждым движением его пальцев становится все труднее оставаться в вертикальном положении. Затем я чувствую, как он скользит глубоко в меня, медленно, дюйм за дюймом. Громко стону, когда он наполняет меня полностью, скольжу на руках вперед по кровати, и приподнимаю задницу, полностью отдаваясь ему, но теряя его пальцы на клиторе.

— Блядь, как же мне нравится видеть тебя такой, — рычит он, держа меня за ягодицы, когда выскальзывает и снова входит. — Такая красивая.

Его ладони перемещаются, хватая меня за бедра, чтобы сильнее насадить на свой член. Вцепившись в простыню, держусь изо всех сил, пока он жестко трахает меня. Это не занятие любовью, он владеет мной.

— Зак.

— Я чувствую, детка. Ты уже близко. Дождись меня, — требует он, двигаясь все быстрее и быстрее, чувствуя, что я раскалываюсь надвое, и мне трудно не кончить.

— О, боже, — паникую я, зная, что больше не могу сдерживаться. С ним слишком хорошо, и он задевает мою точку G каждым толчком.

— Прикоснись к себе. Перенеси себя за грань.

Упершись лбом в кровать, провожу рукой между ног. В тот момент, когда касаюсь клитора, сильно кончаю, выкрикивая его имя, слыша, как он стонет мое имя после одного... двух... трех толчков, и глубоко погружается в меня.

Тяжело дыша, скольжу вперед по кровати, колени не в силах меня удержать. Чувствую на пояснице его губы, затем слышу лязг пряжки. Тепло его тела исчезает, и звук шагов удаляется в направлении ванной. Еле осознаю его возвращение, когда он вытирает меня, и едва открываю глаза на его слова, что он вернется в четыре, что он меня любит, а затем чувствую прощальный поцелуй.

Переворачиваюсь, ощущая боль в мышцах, наклоняюсь над краем кровати и смотрю на часы.

— Дерьмо, — стону я, перекатываясь на спину.

Уже двенадцать, а мне все еще нужно принять душ и сходить в магазин, прежде чем забрать детей из школы. Неделю назад я научилась не брать их за покупками. Все они, как правило, загружают тележку нездоровой пищей, а через день жалуются, что в доме нет еды.

Спотыкаясь, иду в душ, закалываю волосы, чтобы не пришлось их сушить, затем быстро моюсь, желая, чтобы Зак был дома и принял душ вместе со мной. После душа вытираюсь, надеваю джинсы, университетскую толстовку с капюшоном и кроссовки. Мне нужно выполнить несколько поручений, помимо покупки продуктов, а раз в воздухе веет осенью, нет ничего лучше, чем иметь возможность одеться поудобнее.

Схватив ключи со стойки и сумочку, убеждаюсь, что с Пенни все в порядке, затем выхожу и направляюсь к фургону. Сажусь за руль только для того, чтобы сразу же выйти из машины и вернуться к дому, чтобы запереть дверь. Неделю назад Зак нашел дверь незапертой, и в ту ночь он наказал меня. Ну, наказание — неподходящее слово для того, что

он сделал. Быть близкой к тому, чтобы кончить, но не получить это из-за того, что он раз за разом останавливался, было удивительным и раздражающим способом донести его точку зрения. С тех пор я не оставляла дверь незапертой, так что, в конце концов, план Зака сработал.

Вернувшись в фургон, завожу двигатель и направляюсь сначала в банк внести несколько депозитов, а затем выполняю остальное запланированное, прежде чем отправиться в магазин. Оказавшись там, на ходу беру тележку и двигаюсь по каждому проходу, собирая нужное по пути. Глядя на товары для женщин, замираю на месте. Прикинув в уме сроки, чувствую, как ускоряется пульс. Чуть больше двух лет назад мне в руку вшили противозачаточные средства. С тех пор мои месячные всегда были немного нерегулярными, но у меня никогда не было такой длительной задержки, как сейчас.

— Нет... — выдыхаю я.

— Только не говори, что беременна, — слышу я позади, поворачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с Тиной, кровь тут же отливает от моего лица. — Тебе не потребовалось много времени, чтобы понять, как заманить его в ловушку, да? — спрашивает она, заставляя меня вздрогнуть, и тошнота скручивает желудок.

Не говоря ей ни слова, вытаскиваю сумочку из корзины, оставляю продукты в тележке и двигаюсь по проходу так быстро, как только могу.

Есть только один способ узнать наверняка, беременна ли я, и для этого нужно будет пройти тест, но я ни за что не куплю его сейчас. Выйдя из магазина, направляюсь к машине, сажусь, завожу мотор и еду домой. Я знаю, что дети скоро вернуться из школы, и у меня не будет ни секунды наедине с собой. Подъехав к дому, паркую фургон, вытаскиваю мобильный из подставки и прикладываю его к уху.

— Привет, Шеллабелла, — отвечает Джо, и я прислоняюсь лбом к рулю.

Не знаю, когда она начала называть меня так, но прозвище мне понравилось с того момента, как она впервые его произнесла, потому что так звала меня мама всякий раз, когда я входила в дом после школы.

— Ты там, милая?

— Да, — выдыхаю я, затем слышу шорох, доносящийся с другой стороны линии.

— Ты в порядке?

— Нет, не думаю. Кажется, я беременна, — выпаливаю я, задаваясь вопросом, не следовало ли мне сначала разобраться во всем, прежде чем звонить ей.

— Что? — шепчет она, затем с ее стороны доносится еще больше шорохов.

— Кажется, я беременна.

— О, боже.

— Знаю, — соглашаюсь я, кивая, хотя она этого не видит.

— Что тебе нужно, чтобы я сделала? — спрашивает Джо, и я закрываю глаза.

Она сказала, что всегда будет рядом, и каждый раз, когда я ей звонила, так и было. Наверное, мне следует найти способ отплатить ей за то, что она такая потрясающая.

— Не важно. Я заеду в магазин за тестом и буду у тебя через пять минут. Держи себя в руках, милая. Все будет просто прекрасно. Вот увидишь.

— Спасибо, Джо.

— Все, что угодно, милая, ты это знаешь.

Она отключается, я беру сумочку с соседнего сиденья и направляюсь в дом, где расхаживаю по комнате, пока не слышу, как подъезжает ее машина. Еще до того, как Джо

выходит из нее, открываю входную дверь и спускаюсь на крыльцо, которое Зак и мальчики покрасили в прошлые выходные в нежно-желтый цвет. Сначала я не была уверена в оттенке и том, как он изменил дом, но каждый раз, подъезжая к нему, понимаю, что он нравится мне все больше. Цвет добавил что-то особенное и стал нашим первым семейным проектом.

— Спасибо, что приехала. — Я обнимаю Джо, как только она поднимается по лестнице и обнимает меня.

— Все будет хорошо. Постарайся успокоиться. — Она стискивает меня крепче, и я вдыхаю и выдыхаю, пытаюсь успокоиться, что кажется сейчас невозможным.

— Пойдем внутрь. Здесь холодно, — бормочет она, отстранившись и изучив мое лицо.

— Хорошо. — Я возвращаюсь в дом, и Джо следует за мной, затем останавливается у входной двери. — О, боже, что, черт возьми, происходит?

— Зак с детьми переезжают, — напоминаю я, оглядывая коробки, сложенные тут и там, мазки краски, нанесенные на стены Обри и мной, в попытке решить, где какие цвета будут. Детали дверного звонка лежат на коврике в гостиной, так как Зак его чинит, а на журнальном столике начат пазл.

— Я думала, они переехали в прошлом месяце?

— Да, но мы искали подходящие цвета для стен, разбирали все, пытались избавиться от ненужных вещей, и по ходу дела чинили то, что было неисправно.

— Черт, похоже на взрыв бомбы. Когда эта драма закончится, я приду помочь тебе разобраться с этим беспорядком, — бормочет она, упирая руки в бедра, и мои глаза останавливаются на коричневом пакетике в ее руке.

— Там тест? — спрашиваю я, в то время как мой пульс ускоряется.

— Да. — Джо протягивает его мне, и часть меня хочет вырвать его из ее рук, в то время как другая слишком напугана, чтобы узнать правду. — Ты знаешь, что все будет хорошо. У вас с Заком крепкие отношения. Вы уже создали семью. Если тест окажется положительным, вы просто добавите еще одного члена в семью, которая у вас уже есть. Вы больше не дети. У вас обоих есть работа и общий дом. Тебе не о чем беспокоиться.

— Так я говорила себе. Но что, если он больше не хочет детей? Что, если он расстроится из-за этого?

— Ты вообще знаешь своего мужчину? — мягко спрашивает она, приподнимая бровь, и я делаю вдох через нос.

— Это единственное, о чем мы еще не говорили. Мы никогда не обсуждали возможность завести еще детей. В смысле, мы не старые, но у нас взрослые дети. Как они отнесутся к этому?

— Не знаю, милая, но вы разберетесь во всем как семья. Найдете способ заставить это работать. И я знаю, что Зак позаботится о том, чтобы ты была счастлива.

Джо права. Зак позаботится о том, чтобы я была счастлива. Он всегда заботится о том, чтобы мы с детьми были счастливы, чтобы мы все чувствовали себя в безопасности и любимыми.

— Ты права, — соглашаюсь я, забирая у нее пакет, когда она протягивает его мне.

— Иди, я подожду здесь. — Она кивает в сторону коридора, и я сдаюсь и направляюсь в спальню.

Сидя на унитазе, слышу, как открывается дверь в спальню, и предполагаю, что это Джо, но затем издаю писк, когда дверь ванной открывается, и входит Зак, закрывая за собой дверь.

— Что ты здесь делаешь? — в панике спрашиваю я, вставая перед раковиной, где лежит

тест, который я сделала, чтобы загородить от его взгляда.

— Мне позвонила Тина.

Черт!

— О, да? Что случилось? С ней все в порядке? — Я пытаюсь изобразить невинность, но по выражению его лица понимаю, что Тина рассказала ему о том, что видела в магазине.

— Детка, — тихо говорит он, и я чувствую, как нижняя губа начинает дрожать.

— Я даже не знаю, положительный ли результат. — Закрываю глаза и чувствую на щеке его ладонь.

— Ты сделала тест?

— Да, но придется подождать три минуты, а прошло всего две или около того.

— Дай мне взглянуть.

— Зак...

— Дай мне взглянуть, детка, — повторяет он, протягивая руку.

— Ненавижу, когда ты командуешь.

— Очень жаль, а теперь дай мне посмотреть тест.

— На нем моча, — ворчу я, не уверенная, хочу ли, чтобы он увидел результат, и челюсти Зака сжимаются.

— Шел.

— Ладно.

Я сдвигаюсь в сторону, но не смотрю ни на тест, ни на него, когда Зак берет его с раковины.

— Две полоски означают «да», — объясняю я, жалея, что у меня не хватило смелости взглянуть самой.

— Ты не беременна, — тихо говорит он, в его голосе звучит разочарование, и я чувствую, как боль пронзает грудь.

До этого момента я не осознавала, как сильно хотела от него ребенка. И даже не понимала, что он мог быть у нас снова. Со всем происходящим я даже не думала об этом.

— Нет?

Слезы наполняют глаза, когда Зак протягивает тест между нами, и я вижу, что там ничего нет. Экран полностью пуст.

— Он неисправен. — Я хмурюсь, и Зак смотрит на меня, а затем на тест. — Там должна быть хотя бы одна полоска, но ее нет. С тестом что-то не так.

— У тебя есть еще?

— Нет, Джо принесла только один.

— Дай мне десять минут. Я сейчас.

— Зак...

— Десять минут, детка. Дыши. Все будет хорошо. Ты меня слышишь? — Он выдерживает мой пристальный взгляд.

Сглотнув, киваю, и затем его губы оказываются на моей макушке, куда он целует меня, прежде чем откинуть мою голову назад, положив руки мне под подбородок, чтобы запечатлеть нежный поцелуй на моих губах, а затем исчезает за дверью.

— Я не хотела подслушивать, но услышала. Вероятно, тебе лучше попить, так как снова придется писать, — говорит Джо, входя в спальню со стаканом воды, и я беру его у нее, выпивая, не задумываясь.

— Наверное, сейчас нехорошо пить текилу, да? — спрашиваю я, и она смеется.

— Нет.

Она открывает кран и снова наполняет стакан, а затем возвращает его мне.

— Он не казался обезумевшим, — заявляет Джо, и я киваю, выпивая воду большими глотками.

— Нет. Кажется, он звучал разочарованно, когда подумал, что тест отрицательный, — шепчу я, и ее лицо смягчается.

— Не хочу произносить «я же тебе говорила», но я же тебе говорила. — Она улыбается и снова берет стакан из моей руки. — Тебе следует есть. Ты дрожишь.

Я смотрю вниз на свои руки и вижу, что они дрожат, а затем позволяю ей отвести меня в спальню, где сажусь на кровать и жду, кажется, целую вечность, возвращение Зака.

Зак

— Она в спальне, — сообщает Джо, когда я вхожу в дом. Кивнув ей, закрываю за собой дверь. — Занятия в школе скоро закончатся, так что я заберу ваших детей вместе со своими.

Она поднимает пальто, лежащее поверх кучи коробок.

— Спасибо, Джо, — бормочу я, когда она одевается и достает из кармана ключ.

— В любое время, дай знать, если вам понадобится что-то еще.

Женщина улыбается и исчезает. Сняв куртку, бросаю ее на ту же кучу коробок, а затем иду по коридору в спальню.

Я знал, что Тина, ни с того ни с сего позвонившая мне днем на мобильный, означала драму. Мы толком не разговаривали с тех пор, как она позвонила мне, чтобы предъявить, что ей надоело слышать от Стивена и Обри, какая Шелби идеальная. Я ничего не мог поделать с тем, что моим детям нравится Шел. И я бы ничего не сделал, даже если бы мог, но очень рад, что наши дети ладят, как и мы все. Когда я отвечал на ее звонок, то понятия не имел, что Тина повергнет меня в панику. Меня не волновали ее слова, я беспокоился за Шел и о том, что ей пришлось пережить, поэтому прервал звонок и, не задумываясь, помчался домой.

Я открываю дверь спальни, Шел с пустым взглядом сидит на кровати, сложив руки на коленях, что мгновенно заставляет меня насторожиться.

— Джо заберет детей из школы. Позже мы приедем к ней за ними.

— Конечно, — такого тона я от нее раньше не слышал, и никогда не хочу слышать снова после сегодняшнего дня.

Поставив пакет на комод, подхожу к тому месту, где она сидит, и опускаюсь перед ней на колени, беря ее руки в свои.

— Ты же знаешь, что я люблю тебя, правда? — спрашиваю я, ее глаза встречаются с моими, и она кивает. — И ты меня любишь, верно? — задаю вопрос только для подтверждения и пробегаю пальцами по пульсу на ее запястье.

— Да. — Она переплетает наши пальцы.

— Увидев тебя несколько недель назад с Брейденом на коленях, я подумал, возможно ли, что у нас будет еще один ребенок, — тихо признаюсь я, и ее глаза вспыхивают. — Я не поднимал эту тему. Думал, что у нас будет время и что смогу поработать над тем, чтобы убедить тебя выносить моего ребенка после того, как все здесь уладится и мы поженимся.

— Ты хотел еще одного ребенка? — Шел моргает, и я улыбаюсь ее удивленному взгляду.

— С тобой, да. Ты потрясающая мама. Хантеру, Стивену и Обри повезло, что ты есть в их жизни, и я знаю, что, если у нас действительно будет ребенок, он вырастет в окружении

любви. Безусловно, я хочу еще одного ребенка с тобой. Поэтому, независимо от того, что покажет тест после того, как ты его пройдешь, знай, я буду рад, если он окажется положительным, и с нетерпением буду ждать, если он покажет обратное. Я не хочу, чтобы ты расстраивалась. Никогда не хочу, чтобы ты расстраивалась из-за мысли о том, что беременна нашим ребенком.

— А как же дети? Что почувствуют они?

— Хантер и Бри придут в восторг. Стивен постарается вести себя спокойно, потому что таков он есть, но я не сомневаюсь, что он тоже обрадуется. Мы все поладим. Так и должно быть. Все, что произошло между нами, должно было случиться. Плохое и хорошее привело нас к этому моменту.

Делая вдох через нос, она кивает, затем смотрит в сторону двери.

— Мне нужно идти.

— Никуда ты не уйдешь, — рычу я, а Шел отнимает свою руку от моей и кладет ладонь мне на щеку.

— Нет, мне нужно идти. — Она наклоняет голову в сторону ванной, улыбаясь, и я расслабляюсь.

— Хорошо, — бормочу я, вставая, затем поднимаю ее с кровати. Взяв пакет с комода, следую за ней, открывая по пути одну из коробок и протягивая ей тест.

— Сколько ты купил?

— Пять. — Пожимаю плечами, и уголки ее губ дергаются, в то время как ее руки на пуговице джинсов замирают.

— Можешь подождать снаружи?

— Нет.

— Нет? — Любимая хмурится.

— Детка, я видел каждый дюйм тебя. Я не уйду.

— Ты можешь сразу же вернуться, — вздыхает она, упирая руки в бедра и пристально глядя на меня.

— Или я могу подождать прямо здесь, пока ты делаешь тест.

— Зак, пожалуйста, я не смогу, если ты будешь стоять надо мной. Выйди на секунду.

— Хорошо.

— Спасибо, боже, — ворчит Шел, когда я закрываю за собой дверь и жду звук спускаемой в унитазе воды, а затем возвращаюсь, получая от нее еще один пристальный взгляд, пока она застегивает джинсы и моет руки.

— Разве ты никогда не слышал выражения «кто [над чайником](#) стоит, у того [он никогда не закипит](#)»? — спрашивает она, и я поднимаю глаза от теста и улыбаюсь.

— В отличие от теста на беременность. — Я беру тест, который, как уже вижу, положительный, и наблюдаю, как ее глаза расширяются.

— Это не заняло и двух минут.

— Ты беременна.

— Срань господня. — Шел прикрывает рот ладонью, глядя на тест, потом на меня. — Я беременна.

— У нас будет ребенок.

Я бросаю тест и заключаю ее в объятия, слыша, как она всхлипывает, уткнувшись лицом мне в грудь.

— Надеюсь, это слезы счастья, — шепчу я, гладя ее по спине, пока любимая плачет.

— Да, еще какого счастья. — Она шмыгает носом.

Собрав волосы в кулак, оттягиваю ее голову назад и изучаю лицо.

— Я люблю тебя, детка, и клянусь Богом, все будет хорошо.

— Я знаю. Ты прав. Все так и должно было быть.

Шел снова всхлипывает, и я прижимаю ее голову себе под подбородок и держу там, пока она не успокаивается и плач не стихает. Не знаю, что я сделал, чтобы заслужить всю красоту, которая есть в моей жизни, но знаю, что никогда не будет момента, когда я не буду благодарен за это.

Шелби

Глядя на лица детей, жду их реакции. Мы с Заком повременили рассказывать им о беременности до того дня, когда я сдала анализ крови и сделала УЗИ. Мне было невыносимо скрывать от них это, но, прежде чем делиться новостями, нужно было убедиться, что все в порядке и пять тестов, которые я сделала, не были ошибочными.

— О, боже! — кричит Обри, обнимая меня, и я улыбаюсь, целуя ее в макушку.

— Да! — Хантер вскидывает кулак в воздух, затем обнимает нас с Обри, раскачивая нас взад-вперед и заставляя меня смеяться.

— Стивен? — шепчу я, оглядываясь через плечо Хантера и ловя его взгляд.

Качая головой и улыбаясь, он шагает к нам, присоединяясь к объятиям, но отстраняется через секунду, и все равно эта секунда значила все. Этот момент — это все. Я никогда не думала, что у меня будет то, что есть сейчас, даже не смела мечтать об этом.

ЭПИЛОГ

Зак

Год спустя

— Если не перестанешь меня дразнить, клянусь, я закричу, — шепчет Шел, и я улыбаюсь ей в губы, но продолжаю двигаться размеренно и медленно. — Зак, я не шучу. Пожалуйста, перестань валять дурака, — умоляет она, обхватывая ногами мои бедра и впиваясь ногтями мне в спину.

Я скучаю по тому, чтобы быть внутри нее. Я так чертовски скучаю поэтому, что, когда это получаю, мне нужно насладиться этим, как сейчас.

— Медленно, детка. Позже будет быстро.

— Нет, сейчас быстро, а потом медленно.

— Давай, так... — Я вонзаюсь глубоко и замираю, глядя вниз на ее прекрасное лицо. — Если сможешь перевернуть меня на спину, я сделаю все, что ты захочешь.

— Но мне нравится эта поза, — хнычет она, двигая бедрами и заставляя мои яйца сжаться.

— Тогда расслабься. — Я улыбаюсь, перемещая руку между ее ног, лаская пальцами клитор, из-за чего ее спина выгибается над кроватью, а киска сжимает мой член. — Блядь, как ты можешь быть такой чертовски тугой?

Я шиплю, облизываю ее шею сбоку, и покусываю ухо.

— Быть может, потому что мы больше не занимаемся сексом, — ворчит она, и я чувствую, как она смеется. Отрываю лицо от ее шеи, чтобы с улыбкой посмотреть на нее.

— Разве я пренебрегал твоей киской?

— Ну, нет, но... — Шел оставляет последнее слово за собой.

— Но, что?

— Секс в душе — это совсем другое, — ворчит она, и я киваю. Конечно, это другое, но с пятимесячным ребенком и тремя взрослыми детьми у нас не так много времени. И все же.

— Я съел тебя сегодня утром, — напоминаю я ей то, что любимая и так должна знать, так как это она села мне на лицо и отсасывала, пока я занимался ее киской.

— Знаю, но я скучаю по тебе вот такому, на мне и во мне. Это глупо.

— Нет, не глупо. — Я выхожу и сильно вонзаюсь. — Мне не хватает траха с тобой. Я скучаю по тому, как ты громко шумишь.

Я снова вонзаюсь, только на этот раз сильнее.

— Мне чертовски нравится, какой влажной ты становишься для меня. Как твоя киска, кажется, не может насытиться и обхватывает мой член так, будто он вот-вот исчезнет. Я скучаю по этому, — говорю я, беря ее за руки и поднимая их над ее головой, удерживая там одной рукой, а другой теребя ее сосок. — Я тоже скучаю по всему этому, детка. Ты не единственная. Но я все равно люблю твой рот на мне.

Я ухмыляюсь, и она смеется.

— Поверь мне, я знаю, что тебе нравится мой рот.

— Мне нравится есть тебя. Нравится твой вкус и то, как ты чертовски сильно кончаешь каждый раз, когда я тебя ем, а мой член у тебя во рту.

— О, боже, — выдыхает она, и я чувствую, как ее стенки начинают сокращаться.

— Черт, кончи за мной. Дай мне почувствовать, как ты кончаешь на мой член. Дай почувствовать, какой мокрой становишься, когда кончаешь для меня.

— Зак, — шипит она, наклоняясь, впиваясь зубами в мое плечо и увлекая за собой, когда падает через край. Толкнувшись еще три раза, погружаюсь глубоко в нее, затем прислушиваюсь к ее неистовому дыханию, совпадающему с моим.

— Напомни мне поблагодарить Джо за то, что забрала детей, — говорю я, перекатываясь на спину и притягивая ее к себе.

— Я пошлю ей цветы, — бормочет Шел, и я смеюсь, глядя в потолок, затем провожу пальцами по ее спине. — Я люблю тебя, — шепчет она, не зная, что эти слова значат для меня все, что любимая заполнила пустоту, которую я чувствовал так долго. Шел дала мне все, что я когда-либо хотел, и даже больше. Я был доволен жизнью с детьми, но с ней, Хантером и Пенелопой моя жизнь полна, и дни прекрасны.

Шелби

Семь лет спустя

— Папа! — кричит Пен, и я перекатываюсь на живот, радуясь, что в такую рань она преследует не меня, а затем чувствую, как губы Зака касаются моего плеча, прежде чем он встает с кровати.

Зная Пен, может быть миллион причин, по которым она зовет своего отца, но наиболее вероятная — это то, что она сделала что-то не то, и сначала зовет отца, чтобы умаслить, прежде чем вовлечь в ситуацию меня. Для Зака его девочки — слабость. Не то чтобы он хуже относился к Хантеру и Стивену, но определенно не также.

— Иисусе, Пен, какого черта? — слышу голос мужа и стону, натягивая подушку на голову, понимая, что, вероятно, не хочу знать, что дочь сделала.

С малых лет она находилась в постоянном движении и занималась всем подряд. Плюс, Пен умная, такая чертовски умная, что это пугает.

— Пытаюсь приготовить блинчики для Обри. Сегодня день ее свадьбы! Ей нужен

хорошо позавтракать, — кричит дочь, и я слышу бряцанье кастрюль и сковородок, а затем громкий стук, и скатываюсь с кровати, хватая по пути к двери одну из фланелевых рубашек Зака.

Я все еще не могу поверить, что моя девочка выходит замуж. Часть меня думает, что ей еще слишком рано становиться женой, но другая часть верит, что Обри умная и знает, чего хочет. Не то чтобы это очень помогло Заку — он превратился в злобного медведя с тех пор, как Гейб сделал предложение.

Вначале я не видела Обри с Гейбом, но они дружили со средней школы, и, в конце концов, немного занудливый Гейб набрался смелости пригласить ее на свидание, и с тех пор они стали неразлучны. Обри он нравится, но я не уверена, любит ли она его, и это мое единственное беспокойство, касательно их женитьбы. Но опять же, он ее лучший друг, и я не вижу ничего плохого в отношениях, построенных на таком фундаменте.

— Привет, милый.

Улыбаюсь помятому со сна Стивену, который шаркает ко мне по коридору. Он же, напротив, начинает нервничать всякий раз, когда даже звучит упоминание об обязательствах или долгосрочных отношениях, но я не сомневаюсь, что он найдет кого-нибудь и сильно влюбится. Он учился в университете Сиэтла недалеко от Макса, который полностью изменился с момента рождения своей дочери Джастин. Даже не раз помогал Стивену, когда ему нужна была рекомендация или просто доехать куда-либо, и всегда был рядом, если мы не могли по какой-то причине.

Кряхтя, он проводит рукой по волосам, затем смотрит в сторону лестницы, откуда спускается Хантер.

— Почему Пен не в постели? Она легла спать только после часа ночи. Какого черта ей не спится? Сейчас только семь, — спрашивает сын, глядя на часы на стене.

— Ты же знаешь сестру, — бормочу я, проходя мимо парней.

Хантеру осталось проучиться в школе еще один год, а потом он уедет в Сиэтл, где они со Стивеном планируют поселиться вместе. Они были близки, когда оба жили дома, и эта связь с годами только крепла, и каждый раз, когда Хантер летит повидаться с Максом, он мечется между общежитием Стивена и домом Макса.

Чувствуя, как что-то пушистое скользит у меня между ног, смотрю вниз и обнаруживаю Дайма, явно решившего сбежать от хаоса на кухне. Пенни скончалась несколько лет назад, и прошло много времени, прежде чем мы смогли завести другого питомца. Мы завели не еще одну собаку, а большого, толстого полосатого кота, которого Пен решила назвать Дайм, сокращенно от Даймонд — бриллиант.

— Сейчас мне с этим не справиться, — рычит Зак, встречая меня у двери кухни.

— Настолько плохо? — спрашиваю я, заглядывая за него, и чувствую, как мои глаза округляются.

Комната увешана сердечками, гигантскими и маленькими, из самых разных видов бумаги, все вырезанные вручную.

— Как мило, — шепчу я, и его глаза прищуриваются.

— Там все в розовой жиже.

— Розовой жиже? — хмурюсь я.

— В розовом тесте для блинов в форме сердца, — ворчит Зак, и я улыбаюсь.

— Пен, — зовет Обри, отталкивая нас с дороги, чтобы пройти на кухню. — Как чудесно.

Она вертится вокруг, разглядывая украшения, затем подходит к сестренке и заключает ее в объятия.

— Кажется, блины получились больше похожими на Микки Мауса, чем на сердечки, — разочарованно говорит Пен, и Обри смеется, а затем оборачивается на меня через плечо со слезами на глазах.

— Я люблю Микки Мауса, так что это станет одним из лучших моментов моего дня.

— О, боже, я сейчас заплачу, — выпаливаю я и слышу стон обоих мальчиков, а затем чувствую, как Зак обнимает меня.

Я люблю своих девочек, и мне будет не хватать их дома. Даже несмотря на то, что Обри будет жить по соседству. Мы так и не продали дом Зака. Многие годы получали доход от сдачи его в аренду, но когда Обри поведала нам о своих планах, мы сказали ей и Гейбу, что они могут забрать дом. Честно говоря, мы преследовали корыстные цели, желая, чтобы Обри оставалась рядом. Нам просто повезло, что работа Гейба позволяет ему оставаться в городе.

— Бри, твоя мама будет здесь в десять, как и твой парикмахер, так что, раз ты проснулась, тебе, наверное, стоит поесть и принять душ, — говорит Зак, и я откидываюсь назад, чтобы посмотреть на него.

Не могу сказать, что мне нравится Тина, но она стала лучше с тех пор, как два года назад развелась со своим бывшим. До этого она, то появлялась, то исчезала из жизни детей. Сначала я пыталась заставить ее понять от чего она отказывается, но Зак был прав: не мое дело заставлять ее быть рядом. Тина должна была сама понять, что теряет своих детей из-за Томаса. После развода она прилагала больше усилий, чтобы быть рядом, когда Стивен и Обри нуждались в ней, но из-за ее прошлых поступков, они все еще колеблются, когда дело доходит до нее, хотя, надеюсь, со временем преодолению разочарования в ней и восстановят отношения.

— Хорошо, раз уж мы все встали, давайте поедим, а потом сможем поссориться из-за горячей воды, только Обри сегодня принимает душ первой, — говорю я, затем отхожу от Зака и иду на кухню, всю покрытую липкой смесью, но игнорирую бардак и сосредотачиваюсь на детях, что каждый счастлив и здоров, каждый становится взрослым, которым мы гордимся.

Хотела бы я, чтобы Сэмюэль был сегодня с нами. Много лет назад, когда Сэмюэлю исполнилось восемнадцать, он вышел с нами на связь. С тех пор мы время от времени разговариваем с ним, но позволяем ему управлять развитием наших отношений. Он разговаривает с братьями и сестрами больше, чем с нами, но одного знания того, как хорошо его воспитали и какой он человек, достаточно, чтобы мы с Заком были довольны нашим решением.

Чувствуя на спине руку Зака, впитываю ощущение его прикосновения и выныриваю из своих мыслей.

— Я люблю тебя, Шел.

Откинув голову назад, смотрю ему в глаза и ненадолго прикрываю веки. Та бездонная пустота, которую, казалось, не заполнить никогда, много лет назад заполнилась им и детьми, но каждый раз, когда я слышу его признание в любви, меня до невозможности переполняют эмоции, выплескиваясь через край.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу в ответ, затем приподнимаюсь для поцелуя, и слышу, как дети издают звуки рвоты, что заставляет нас смеяться в губы друг друга. Нет ничего лучше этого, ничего лучше моей семьи и любви, которую мы испытываем друг к другу.

*** КОНЕЦ ***